

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД СТРАНЫ И МИРА
- ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ
- В АЛМА-АТЕ ВСЕ СПОКОЙНО
- КНИГА ЖИЗНИ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО
- ПЕРЕСТРОЙКА: БОГАТЫРЬ НА РАСПУТЬЕ
- ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛИЗМА
- ГАДЫ ПОЛЗУТ НА МОСКВУ!
- ДРАКОН ДЕМОКРАТИИ
- ПЕШКОМ В КОМПЬЮТЕРНЫЙ ВЕК
- НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ, В СТРАНЕ СВЯТЫХ ЧУДЕС
- РАЗГОВОР С ДЖИММИ КАРТЕРОМ
- ЗЕМЛЯ ИНУИТОВ
- ЧЕРНЫМ БАРХАТОМ ЗАВЕШАННАЯ ПЛАХА
- ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛА ГРИГОРЕНКО

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К читателю	1
Политический дневник	3
Доска почета	15
Вести из СССР	16
<i>Р.Бахтамов.</i> Закон, по которому степь плодородит	24
Что происходит в СССР? Круглый стол	35
Письма в редакцию	61
<i>А.Ясаков.</i> Желание надежды	62
<i>Самиздат.</i> Трус. Записки из полумертвого дома	66
<i>А.Марченко.</i> Живи как все. Отрывки из книги	70
<i>В.Войнович.</i> Гады ползут на Москву	81
<i>М.Дейч.</i> Юноше, обдумывающему житье...	84
"У вас повсюду есть братья и сестры". Беседа с Дж.Картером	87
<i>А.Бим.</i> Путь в компьютерный век	92
<i>М.Поллак, Р.Стептон.</i> Компьютерная революция в СССР	94
<i>С.Ганнес.</i> Компьютер в дни войны и мира	97
<i>М.Зальцберг.</i> Патентное бесправие	101
Сообщает АПН	106
<i>Г.Померанц.</i> Осязанием слепого	107
Из журналов и газет	118, 130
<i>М.Аксенов-Меерсон.</i> Страна святых чудес	119
<i>М.Каганская.</i> Миф Двадцать первого века. Часть II	131
<i>Т.Заочная.</i> По обе стороны Берингова пролива	140
In memoriam. Петр Григорьевич Григоренко (1907—1987)	144

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514; telex 5218017 unbt d.

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

IV год издания

К ЧИТАТЕЛЮ

Наш журнал "Страна и мир" вступает в четвертый год своего существования. Прошло немного времени, но изменилось многое.

Журнал появился в 1984, "орвелловском" году. Прогноз Орвелла не оправдался. Тоталитаризм в его "идеальном" варианте как стабильный, долгоживущий общественный строй не состоялся и сейчас на наших глазах неудержимо распадается. Глубинные течения, происходившие в двух главных бастионах тоталитаризма — Советском Союзе и Китае, — вырвались на поверхность и меняют лицо этих стран.

Это не означает, конечно, что тоталитаризм перестал быть угрозой для мира. Тоталитаризм отступает не сам по себе, а потому, что ему сопротивляются. Закрепить достигнутое, сделать возрождение тоталитарного строя невозможным — задача и долг демократически настроенных сил в нашей стране. Это долг и тех, кто вопреки своей воле покинул отечество.

Дело, однако, не только в том, чтобы предотвратить возврат прошлого, но и в том, чтобы найти путь в будущее. Решить эту задачу можно только совместными усилиями всех граждан нашей страны. Вот почему нам необходима широкая информация о положении в стране и во всем мире, о возможных путях развития, об опыте других стран в самом широком смысле слова — политическом, социальном, культурном.

Мы намерены, как и впредь, поддерживать все разумное, демократическое, плюралистическое, что зарождается в нашей стране, и наоборот, противодействовать тенденциям ретроградного развития, под каким бы флагом оно ни происходило. Нелегко определить верный путь, но радует именно то, что возникла сама проблема выбора, появилось движение, а не только противостояние. Мы искренне открыты всему новому, всем действительным переменам, осуществляемым в стране, хотя и отдаем себе отчет в том, что и старое маскируется под новое, чтобы продлить свое существование. Наша позиция — позиция осторожного оптимизма — не исключает, но предполагает резкую критику. Мы ставим своей целью быть не позади, а впереди общественного развития на нашей родине. Насколько это удастся — пусть судят читатели.

За три года мы получили много отзывов о содержании и структуре нашего журнала. Мы благодарны читателям за все критические замечания, сколь бы резкими они ни были. Мы рады, однако, отметить, что в целом концепция и направление журнала, его структура и

принцип отбора материала встречают одобрение, вызывают значительный интерес. Поэтому и в новом году наша программа останется прежней.

Изменения носят организационный характер: журнал будет выходить раз в два месяца, но в увеличенном объеме. Мы надеемся, что сокращение периодичности будет возмещено более богатым и разнообразным содержанием каждого номера. Изменение периодичности скажется прежде всего на характере актуальной информации ("Политический дневник", "Вести из СССР"). Материалы этих разделов будут иметь более общий, обзорный характер. Мы считаем это более целесообразным, учитывая условия поступления журнала в СССР. Впрочем, читатель мог заметить, что и в прошлом году мы старались подавать актуальную информацию более обобщенно, так, чтобы она не утратила интереса и по прошествии некоторого времени.

Мы будем признательны читателям и авторам журнала — как в стране, так и во всем мире — за любую помощь словом и делом. Ибо мы рассматриваем наш журнал как общее дело со всеми, кто болеет интересами нашей страны.

Подписка на двухмесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал СТРАНА И МИР принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Стоимость подписки на год в европейских странах 60 немецких марок, в США, Канаде и Израиле 106 марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване 116 марок. Цена одного номера 12 нем. марок.

Стоимость доставки включена в подписную плату. В неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Редакция просит извинения у американских читателей за повышение стоимости журнала в США, вызванное падением курса доллара по отношению к курсу марки.

Обращаем внимание уважаемых подписчиков на то, что наш адрес изменился: Das Land und die Welt e.V., Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany. Банковский счет: Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10). Почтовый счет: Postgiroamt München, Konto 223981-84 (BLZ 700 100 80).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

К ВОПРОСУ О ЛИШНЕМ МАСЛЕ

Вопрос, что делать с излишками продовольствия, представляется диким и аморальным. В Эфиопии дети умирают от голода, где-нибудь в Саранске люди выстаивают в многочасовой очереди, чтобы сегодня, через 40 лет после окончания войны, "отovarить" карточки на месячную порцию мяса. И в это самое время на складах стран Европейского экономического сообщества (Общего рынка) скопилось 900 тысяч тонн молочного порошка, 1340 тысяч тонн сливочного масла, 600 тысяч тонн говядины, миллионы тонн зерна и масличных семян.

Что происходит? В странах — основных производителях сельхозпродукции Западной Европы сельским трудом занято 5—7% трудоспособного населения, а в Великобритании — 2,5%. Правда, в Испании, Португалии и Греции в деревне живет больше одной пятой всего населения, в Италии — около 10%. Но даже и в этих странах, значительно отставших по уровню сельскохозяйственного производства от ФРГ, Великобритании и Нидерландов, существуют излишки продовольствия.

Расчет показывает, что в странах с развитым сельским хозяйством одна крестьянская семья способна обеспечить продовольствием от 20 до 40 городских семей. Все последние годы (кроме нынешнего) были урожайными. В результате

развитые страны заметно превысили норму поставок бесплатного или почти бесплатного продовольствия голодающему Третьему миру, рекомендованную Всемирной продовольственной конференцией 1974 года (10 млн. тонн в зерновом эквиваленте). Из общего объема помощи на долю США приходится 60%, остальное поставили страны Западной Европы. И все-таки размер излишков почти не уменьшился.

История их образования восходит к первым послевоенным годам, когда само население Западной Европы испытывало продовольственные трудности. Тогда на помощь пришли Соединенные Штаты. По принятому в США закону средства, полученные от продажи продуктов, следовало использовать для развития сельского хозяйства в странах-получателях. К моменту создания ЕЭС учредители Общего рынка (ФРГ, Франция, Италия, страны Бенилюкса) уже полностью обеспечивали себя продовольствием.

Европейская система разделения труда в сельском хозяйстве начала складываться в 1962 г. Ее основой стала сложная сетка квот и субсидий, которая пересматривается не реже, чем раз в год. Квоты содержат нормы производства каждого вида сельскохозяйственной продукции, рекомендуемые каждой из стран Общего рынка, а также объемы и рынки экспорта и импорта продукции.

Квоты определяются по известному в практике внешней торговли принципу сравнительных издержек. Скажем, в Италии хорошо поставлено производство сортов пшеницы, нужных для приготовления макаронных изделий. Какой же смысл развивать (или поддерживать) такое произ-

водство в ФРГ, если можно ввезти эту пшеницу (или сразу муку) из Италии? Это, конечно, не значит, что крестьянину что-то запрещают. Просто ему придется работать на свой страх и риск, не рассчитывая на субсидии. В нынешнем году подобные субсидии в рамках ЕЭС составили 24 млрд. долларов — две трети международного бюджета Общего рынка.

Иногда говорят, что европейское сельское хозяйство дешевле было бы "закрыть" и перейти на снабжение Европы привозными продуктами. Но это невозможно по соображениям как практическим (в том числе и военным), так и социальным, даже если они приобретают порой сентиментально-ностальгический характер.

Во-первых, нельзя оставить на произвол судьбы даже небольшую часть населения. Во-вторых, что, пожалуй, еще важнее, крестьянство — не только "класс общества", но и образ жизни, который дорог множеству людей. В большинстве западных стран с этим образом жизни связываются национальные и религиозные традиции, прочные семейные устои, близость к природе. Представление об "идиотизме деревенской жизни" здесь лишено смысла.

В середине декабря совещание ЕЭС по сельскому хозяйству решило ввести дополнительные субсидии крестьянам, которые откажутся от производства некоторых молочных продуктов и говядины. Предполагается, что это остановит рост излишков молочных продуктов, а прирост излишков говядины сократит вдвое.

В мясном рационе жителей Западной Европы повышается доля птицы, которая по цене конкурирует с говядиной: мясо птицы считается более полезным и легче усваивается. Крупные отступные выплачены крестьянству Ирландии, где производство говядины составляет немалую часть национального продукта (3,5%).

Разумеется, все эти перемены проводятся в жизнь с помощью экономических рычагов: никакие райкомы социал-демократических и иных партий не могут "спускать" планы западноевропейским фермерам. Однако любое планирование, даже

самое либеральное, имеет свои пределы. Оно не может предусмотреть все перемены в производстве и торговле. Отсюда и излишки.

И все же... А почему бы их не раздать? Ведь во многих странах люди голодают, а то и умирают. Дело, однако, в том, что возможности помощи не безграничны, а помощь нередко превращается в "антистимул" для развития собственного хозяйства. Так случилось со многими странами Африки, чьи правители, получив помощь, стали вовсе пренебрегать развитием национального сельского хозяйства или пустились в бессмысленные эксперименты. Существенно и другое: немалая часть помощи не доходит до получателей из-за воровства и нераспорядительности местных властей.

Известны и совсем уже неприятные факты. К примеру, Советский Союз ловили на перепродаже дешевой (субсидируемой) американской пшеницы Египту и Польше. В нынешнем году, как и прежде, вывоз зерна из СССР не прекращается ни на минуту. Масло, проданное со складов Общего рынка Советскому Союзу по 33 пфеннига за фунт было перепродано Боливии по 2,5 марки.

Режимы, которые доводят свои народы до голода, выработали неприятную привычку кусать дающую руку. Ирландский певец музыки "поп" Боб Гелдоф, по инициативе которого было собрано свыше ста миллионов долларов в помощь голодающим в Африке, удостоился благодарности только от британской короны. В коммунистической печати не нашлось доброго слова для западной помощи Эфиопии. Американскую администрацию помощи (АРА), которая спасла от голодной смерти в 1921—23 годах не менее пяти миллионов советских граждан, пропаганда до сих пор называет "пособником контрреволюции, вредительства и шпионажа".

Возмущаясь тем, что в мире существуют и голод и излишки, следует помнить принцип, справедливый для любого хозяйства и в любое время: бесплатных обедов не бывает. ●

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

В кругах польской оппозиции явственно возрастает интерес к происходящему в Советском Союзе. Переломным моментом явилось возвращение в Москву А.Сахарова. В оппозиционном издании "Тыгодник Мазовше" с начала января советская тематика занимает четверть объема. В комментариях, разумеется, еще много недоверия, но все же высказывается и надежда. Предшествующие начинания Горбачева единодушно воспринимались лишь с насмешкой. Исключение составлял Анджей Дравич, один из главных специалистов в оппозиционных кругах в области русской литературы. Еще осенью прошлого года в официальном католическом органе "Тыгодник повшехны" он отмечал, что в СССР начинаются важные события, которыми не следует пренебрегать.

В "Тыгоднике Мазовше", во второй половине января на первой странице опубликовано приветственное письмо Андрею Сахарову, подписанное 38 представителями почти всех направлений польской независимой мысли. Среди них подписи Леха Валенсы, Збигнева Буяка, Владислава Фрасынюка, Тадеуша Конвицкого, Яцека Куроня, Адама Михника, Тадеуша Мазовецкого, Анджея Вайды и др.

* * *

Во взаимоотношениях оппозиции с властью продолжается линия, принятая в сентябре 1986 г. Об арестах пока не слышно, но зато резко возросло число штрафов и конфискации так называемых "орудий преступной деятельности". В ноябре прошлого года в Уголовный кодекс была введена статья 52а, позволяющая облагать штрафами почти все политические действия, за которые ранее сажали в тюрьмы (это последнее, однако, по-прежнему остается возможным). Штрафы колеблются от 20 до 50 тыс. злотых, конфискации подлежат пишущие машинки, магнитофоны и даже ав-

томобили. Возможна даже конфискация дома, если в нем обнаружена, например, подпольная типография. Штрафу или конфискации по новому закону подвергаются даже те, у кого находят отдельные экземпляры книг, журналов и газет, издаваемых подпольными организациями.

Эти репрессии особенно угрожают издательской деятельности оппозиции. Поэтому Лех Валенса создал фонд, который будет собирать деньги в стране и за границей для восполнения потерь оштрафованным деятелям оппозиционного движения. Будут возвращены полностью штрафы, а за каждый конфискованный автомобиль будут выплачивать до 400 тысяч злотых (около 40% стоимости Фиата-126 на черном рынке). Информацию о наказаниях по новой статье будет собирать созданная Лехом Валенсой специальная комиссия под руководством Збигнева Ромашевского, который руководил такой же комиссией КОРа. Эта комиссия призвана также наладить юридическую помощь пострадавшим.

Комиссия Ромашевского — одна из трех рабочих групп, созданных Валенсой. Вторая группа — это экономическая комиссия под руководством Тадеуша Едынака; еще одну комиссию — общественную — возглавляет Владислав Фрасынюк. Эти группы должны действовать легально. Объявлены имена, адреса и телефоны членов комиссии Ромашевского. Таким образом продолжается создание легальных структур "Солидарности". Задачей этих комиссий является координация действий и работа над новой программой "Солидарности", приспособленной к новым условиям. Многие считают, что одной из причин спада активности оппозиции является именно отсутствие такой программы.

Я полагаю, что причины коренятся глубже: спаду активности способствовала общая атмосфера сомнений в целесообразности общественной деятельности. Этому способствовали и репрессии, и громадная текущая рабочей силы на предприятиях. Отрицательную роль сыграл и слишком долго длящийся бойкот официальных организаций. Оказалось, что вопреки всеобщему мнению, в этих организациях можно занять важные позиции — в частности, в органах самоуправления. На предприятиях, где быстро поняли, что у бойкота нет будущего,

актив "Солидарности" сумел проникнуть в органы самоуправления и оживить их деятельность; там, где упрямо провозглашался бойкот, активность "Солидарности" увяла и официальные структуры были захвачены другими.

* * *

Интересные события произошли в официальной сфере. На съезде ПОРП летом 1986 г. неожиданно был провозглашен переход ко "второму этапу хозяйственной реформы": ранее заместитель председателя плановой комиссии Ф.Кубичек заявлял, что реформаторская деятельность уже достигла своей вершины. Изменение ситуации, видимо, возникло в связи с весьма неудовлетворительным положением в сфере внешней торговли с Западом. Сыграло роль и то, что Польша была вынуждена объявить своим кредиторам о невозможности выполнить в срок долговые обязательства.

Второй этап реформ заключается в том, что будут уменьшены дотации предприятиям; предполагается, что это должно повысить качественные показатели продукции. Сейму был представлен также проект закона об усилении полномочий директора предприятия; директору должно быть дано право вето, позволяющее блокировать любое решение органов самоуправления, "если оно может привести к банкротству предприятия". Это означало бы практически превращение органов самоуправления лишь в украшение директорского кабинета.

Этот проект был подвергнут резкой критике на совещании представителей органов самоуправления, которое созвал Сейм. Правительство и Плановая комиссия обвинены в целенаправленной попытке ликвидировать самоуправление. Это совещание явилось началом мобилизации реформаторских тенденций в истеблишменте. Критику проекта закона продолжили как отдельные лица, так и организации. Пресса подробно освещала проходившие дискуссии. Особенно активно поддерживал продолжение реформ экономический орган "Жиче господарче".

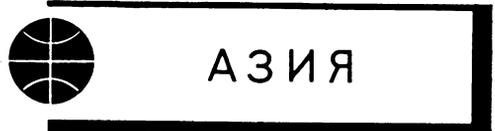
Политбюро ограничились декларацией о том, что второй этап реформы не означает ограничения самоуправления. Это, конечно, было лицемерием, ибо имеются доказательства того, что сама идея об укреплении роли директора возникла именно в

партийном аппарате. В декабре Сейм утвердил законодательство о втором этапе хозяйственной реформы, но оставил нетронутым параграф о самоуправлении. Это было самое серьезное столкновение консервативных и реформаторских тенденций в правительственной сфере. Выиграли бой реформаторы, сумевшие защитить позиции самоуправления.

Этот конфликт также продемонстрировал, что произошло существенное изменение в характере функционирования системы: обычно общество лишь ставили в известность об уже принятом решении, а закулисная сторона его подготовки оставалась лишь на уровне сплетен, туманных намеков в прессе. Теперь в качестве политической силы снова начинает действовать общественное мнение. В таких обстоятельствах даже партийные массы не хотят более выступать в роли марионеток. Это ведет к кризису в рядах партии.

Политическое руководство, которое пять лет тому назад ввело военное положение, начало проводить курс на стабилизацию, и теперь ему приходится мириться с такими последствиями своей деятельности, которых оно не предвидело и не желало. Эти элементы нынешней польской действительности, на мой взгляд, имеют серьезное значение для изучения природы коммунистической системы и возможности ее эволюции. ●

В.Кучинский

АФГАНИСТАН ПОСЛЕ "ПРЕКРАЩЕНИЯ ОГНЯ"

Как мы сообщали в предыдущем номере нашего журнала, 15 января вступило в силу одностороннее прекращение огня, объявленное кабульским правительством. Официальные афганские средства массовой информации провозглашают: "тысячи мятежников и их командиры уже перешли на сторону правительства". В Кабуле и в других городах, а также в лагерях беженцев

распространяются слухи, что мир восстановлен и "русские уже уходят". На улицы Кабула были выведены заново покрашенные автобусы, и было объявлено, что они отправляются в лагеря беженцев, чтобы привезти их домой. В Кабул даже было доставлено несколько десятков афганских семей, как утверждалось, бывших беженцев: позднее выяснилось, что это члены "народной милиции" из Джалалабада.

Генерал Наджиб пытается сделать свое правительство более приемлемым для оппозиции. На пост "временного" президента республики назначен Мохаммед Цамкани, не принадлежащий к правящей народно-демократической партии. Он, как и сам Наджиб, принадлежит к племени патанов. Патаны составляют около половины населения страны и живут преимущественно на юго-востоке, близ афгано-пакистанской границы. Они представляют в афганском сопротивлении более умеренное крыло, не фанатически мусульманское и антикоммунистическое. Привлекая больше патанов на правительственные посты и предоставляя им определенные привилегии, Наджиб надеется, играя на племенных противоречиях, расколоть сопротивление и привлечь часть лидеров патанов на свою сторону.

Вновь распространяются слухи о возможном возвращении из изгнания короля Мохаммеда Захир Шаха, который якобы возглавит переходное правительство, хотя сам король уже недвусмысленно отверг такое предложение. Обветшавшая и заброшенная гробница покойного короля Надир Шаха, отца изгнанного короля, сейчас отреставрирована и заново покрашена. Делаются попытки вернуть домой и другого видного афганского политического деятеля, бывшего председателя Генеральной Ассамблеи ООН Абдурахмана Пажвака. Пажвак также отказался присоединиться к "правительству национального единства", но его племяннику был предоставлен пост в кабинете министров.

Тем временем советские дипломаты пытаются склонить Пакистан к изменению своей твердой позиции в афганском вопросе. 17 января в Исламабад прибыл первый заместитель министра иностранных дел СССР Анатолий Ковалев. Пакистан несет на себе немалое бремя афганской войны: сейчас на

его территории находится 3,2 миллиона афганских беженцев. Хотя беженцы обладают в Пакистане полной свободой передвижения, большинство их осело в 323 беженских лагерях, расположенных вдоль границы. Содержание их обходится в полмиллиона долларов в день и, несмотря на международную помощь, тяжелым грузом ложится на экономику Пакистана. С притоком беженцев возникла еще одна неожиданная проблема — проблема транспорта наркотиков и наркомании, ранее в Пакистане почти не существовавшая. Другие страны мира оказывают на Пакистан давление, чтобы он противодействовал появлению нового мирового центра торговли наркотиками. Наконец, Пакистан встревожен налетами советских самолетов на приграничные районы, происходившими до прекращения огня. Нет гарантий, что после истечения шестимесячного срока такие "карательные рейды" прекратятся.

В последнее время Пакистан проявляет признаки смягчения своей позиции. На очередной исламской конференции, состоявшейся в январе в Кувейте, Пакистан добился более умеренной, чем обычно, формулировки в резолюции конференции: она требует не "немедленного вывода" советских войск из Афганистана, а просто "вывода". Однако на Женевской конференции, открывшейся 25 февраля под эгидой ООН, Пакистан будет по-прежнему настаивать на шестимесячном плане вывода советских войск (СССР требует 2 года). В начале февраля в попытке согласования позиций пакистанский министр иностранных дел Якуб Хан посетил с двухдневным визитом Москву.

Муджахиддины отвергли объявленное кабульским режимом "прекращение огня" и поставили условием действительного перемирия между враждующими афганскими сторонами полный вывод оккупационных войск. 17 января под Пешаваром состоялся огромный митинг беженцев, в котором приняло участие несколько десятков тысяч человек. На митинге были представлены семь ранее враждовавших групп сопротивления. Маулави Наби Мохаммади от их общего имени представил резолюцию, отклоняющую предложение Наджиба, как сделанное незаконным и марионеточным правительством. На митинге было объявлено также о

создании комиссии, которая к марту 1987 года должна подготовить проект конституции и предложения о создании переходного правительства, задачей которого будет подготовка свободных выборов.

Между тем, пока политические лидеры в изгнании разрабатывали, хотя и с трудом, совместную декларацию, командиры сражающихся муджахиддинов отвергли "прекращение огня" непосредственно на поле боя. Уже 15 января в 9 час. утра, в час начала "прекращения огня" были совершены нападения на казармы советских и правительственных войск в Кабуле. В тот же день командир Джелалуддин Хакани и другие группы повстанцев в провинции Пактия начали координированное наступление на правительственные позиции в районе Хоста. Вспыхнули бои с советскими частями в провинции Нангархар и в пригородах Джалалабада. Советско-кабульские части были атакованы в Герате партизанами под руководством Исмаил Хана, в Кандахаре — под руководством Накиба Ахунда, в Мазар-и-Шерифе группой под командованием Алама. С начала прекращения огня только до 3 февраля было зарегистрировано 378 вооруженных столкновений.

* * *

На Запад просочились сведения о секретном соглашении между советским и кабульским правительствами, по которому Советский Союз аннексировал так называемый Ваханский коридор — узкую (15—60 км) полосу земли длиной 300 км, отделяющую СССР от Пакистана. Этот коридор создавал единственный короткий участок границы Афганистана с Китаем.

Соглашение об аннексии было подписано в 1980 г. в Кабуле, но до сих пор не опубликовано. Советские войска оккупировали коридор в июле 1981 г. Управление коридором осуществляется непосредственно из Советского Союза. Войска, оккупирующие коридор, выведены из подчинения штаб-квартиры 40-й армии, расположенной в Термезе (УзбССР), откуда осуществляется планирование и ведение афганской войны. Ваханский коридор причислен к Памирскому военному округу со штаб-квартирой в Мургабе (ТаджССР), входящему в Южный театр военных действий.

В Ваханском коридоре размещено 4000 советских войск. Советские части контролируют ведущий в Китай Вахджирский перевал и находятся в непосредственной близости (всего в 50 км) от Каракорумского шоссе, ведущего через Кунжрабский перевал из Китая в Пакистан.

Советские войска расширяют стратегически важные дороги, строят казармы и подземные бункеры. Из Мургаба в Вахан проложено новое шоссе, проходящее через сооруженный под Андеминским перевалом всепогодный тоннель. Строятся пусковые установки для ракет земля-земля. На снимках, полученных со спутников, и на аэроснимках, видны установки для запуска ракет типа Frog-3 и SCUD-B с радиусом действия соответственно 70 и 300 км, способных поражать цели в глубине Пакистана.

В Ваханском коридоре проводится отработка тактики антипартизанской войны, испытание новых видов оружия, в частности тяжелого боевого вертолета Ми-24 с радиусом действия 160 км, показавшего свою эффективность в действиях против муджахиддинов. Нарращивание числа войск, количества бронетранспортеров, вертолетов, легкой авиации и ракет в Ваханском коридоре продолжается.

Если оккупация Ваханского коридора будет увековечена, то это значит, что будет разрушен буфер, целое столетие разделявший в Центральной Азии Российскую и Британскую империи, Среднюю Азию и Индию. Геополитически это может привести к непредсказуемым результатам.●

СРАЖЕНИЕ С ДРАКОНОМ ДЕМОКРАТИИ

Сейчас в Китае часто вспоминают старую сказку о принце Ше, который очень любил драконов. У него в доме повсюду были изображения этих симпатичных существ, и он не уставал ими любоваться. И вот однажды настоящий дракон прослышал об этом увлечении принца и решил его порадовать. Однако когда дракон просунул голову в окно, принц Ше в ужасе спрятался.

Поведение властей в декабре 1986 — январе 1987 напомнило китайцам поведение сказочного принца. В течение долгого

времени они говорили о необходимости демократизации страны, однако когда дракон демократии в форме студенческих демонстраций действительно высунул голову, власти забили отбой.

Демонстрации китайских студентов начались 5 декабря в г. Хэфэй, столице провинции Анхой, к западу от Шанхая. Студенты вышли на улицы с транспарантами, расклеивали плакаты, раздавали листовки. Они требовали "демократии", "свободы", "прав человека".

События в Хэфэе послужили как бы детонатором. Студенческие волнения быстро перекинулись на другие города: Чанша, Куньмин, Наньцзин, Шанхай — в общей сложности демонстрации сотрясали 12 китайских городов, включая столицу Пекин. Волнения в Шанхае, например, начались 19 декабря и длились 5 дней. В них приняло участие до 50 человек, которые ежедневно маршировали по узким шанхайским улочкам к центральной Народной площади, где расположены правительственные здания и здание партийного комитета. Студенты протестовали против "бюрократии и автократии", выкрикивали лозунг: "дайте нам демократию".

Когда утихли демонстрации в Шанхае, поднялись студенты столичных университетов: Пекинского и Цинхуа. Пекинские волнения начались с выступлений в поддержку шанхайских коллег. Главной претензией демонстрантов было то, что они не были информированы отечественной прессой о событиях в Шанхае. "Смешно, что мы узнаем о событиях в собственной стране из передач иностранного радио, — заявил один из студентов. — Разве это демократия?"

Затем волнения в столице стали расширяться и достигли кульминации в день Нового года, когда студенты устремились на площадь Тяньаньмынь — место, вызывающее у китайцев такое же чувство далеко не только официального благоговения, как у советских людей — Красная площадь в Москве. Прорвав тонкий полицейский кордон более 2000 демонстрантов устремились на площадь с пением "Интернационала" и китайского национального гимна. Студенты оставались на площади в течение 18 часов, скандируя лозунги "Свобода!" и "Права человека!"

Полиция, до того очень сдержанно относившаяся к демонстрантам и даже не пытавшаяся их разогнать, на этот раз оказала сопротивление. При "захвате" площади Тяньаньмынь было арестовано более 20 человек. Тогда несколько тысяч протестующих студентов окружили дом ректора Пекинского университета и держали его в осаде, пока арестованные не были отпущены на свободу.

Надо сказать, что демонстрации были мирными с обеих сторон. Студенты проявили значительную дисциплинированность и сдержанность, акты хулиганства и насилий, казалось бы, неизбежные при любом массовом выступлении, были единичными и изолированными. Полиция тоже старалась всячески избежать применения силы.

Чего добивались студенты? Требования их были сформулированы в довольно общей форме. В Шанхае студенты несли флаги с изображением Статуи свободы и рядом с нею китайского дракона в цепях. Слова "свобода" и "демократия" звучали повсюду как пароль. "Мы хотим нового и лучшего Китая. Машина государства слишком сильна, а мы слишком слабы", — говорил оратор в Пекине. "Компартия Китая угнетает всех нас", — говорил другой.

Конкретных требований, однако, звучало мало, а когда их кто-то формулировал, то чаще всего они касались реформ системы

Студенты жгут газету "Женьминьжибао" в Пекине

образования. Беда студентов в том, что они более искушены в теории марксизма-ленинизма и "идей Мао", чем в вопросах практической политики. Политический инфантилизм — неизбежное следствие доктринерского образования, до сих пор господствующего в китайских университетах, и намеренной изоляции населения от решения конкретных политических проблем. Чжан Вэй, глава партийной организации Тяньцзиня говорит, вспоминая о встрече, которую он организовал для студентов университета Нанкай с реформистски настроенным мэром города: "Я был буквально растерян. Мэр задавал им вопросы, и никто не мог на них ответить. Никто не внес ни одного предложения, что же именно нужно изменить в системе управления".

Для студентов требования "свободы" — это скорее вопрос веры, чем политического знания, стихийный протест против всеми ощущаемой, всепроникающей атмосферы несвободы. До открытого разрыва с официальной идеологией, однако, далеко. Большинство студенческих лозунгов в поддержку "демократии и свободы" — это одновременно и лозунги в поддержку начатых Дэн Сяопином реформ, против сопротивляющихся им "консерваторов и реакционеров". Требования многопартийной демократии и отмены монополии партии, хотя и высказывались частным образом, но не проникали на транспаранты или в листовки. У всех еще живо в памяти то, как расправились власти с участниками движения 1979 г., получившего название "Стена демократии". Хотя это движение первоначально возникло при благосклонном отношении властей, вскоре оно было жестоко подавлено. Сама стена, на которой вывешивались крамольные стенгазеты и плакаты, была разрушена, а лидеры движения — более 200 человек — были арестованы и на долгие сроки попали в лагеря. Самый известный китайский инакомыслящий того времени, Вэй Цзиньшен получил 15 лет и до сих пор сидит за решеткой где-то во Внутренней Монголии. "Хотите знать, что такое демократия?" — гласил один из плакатов, вывешенных в прошлом декабре в Шанхае. — Идите и спросите Вэй Цзиньшена".

Поэтому декабрьские листовки и плакаты,

в отличие от периода "Стены демократии", чаще всего анонимны или подписаны псевдонимом (самый популярный вседоним — "Вулкан"). Конечно, эта уловка помогает мало — что-то, а служба госбезопасности в Китае, как и в других коммунистических странах, работает эффективно. Демонстранты тщательно заснимались на видео- и киноплёнку, осведомители тоже не сидели сложа руки, и "зачинщики" давно известны (или легко могут быть установлены). Тем не менее об арестах пока не слышно.

Подавляющее большинство участников демонстраций, как уже говорилось, — студенты. Тем не менее в ряде городов, в частности в Шанхае и в Тяньцзине, к студентам присоединились и небольшие группы рабочих, выразивших протест в связи со своими собственными проблемами. Вообще говоря, причины недовольства студентов и рабочих скорее противоположны. Студенты поддерживают реформы и недовольны их нерешительностью и непоследовательностью. Рабочие, напротив, с подозрением относятся к экспериментам с экономикой свободного рынка и недовольны скачущей инфляцией и резким ростом цен. Однако в сложной структуре китайского общества возникают порой самые неожиданные сочетания и союзы. Недовольство вообще, недовольство системой, может сделать союзниками и потенциальными соперниками. Власти сознают, что сотрудничество и взаимоподдержка студентов и рабочих могло бы сильно расшатать основы режима.

Население городов в целом с симпатией относилось к протестующим студентам, хо-

Полиция не вмешивается

тя к демонстрациям не присоединилось. Прохожие подбадривали студентов, поднимали руки с расставленными в виде буквы V пальцами — международный знак победы (victory). "Если бы я был студентом, я бы тоже, пожалуй, пошел в их рядах", — так резюмировал общее осторожно-одобрительное отношение шанхайский почтовый чиновник.

Отношение властей к демонстрантам менялось со временем. Первоначально оно было скорее доброжелательным и покровительственным. Газеты печатали отчеты о демонстрациях, спокойные и объективные. Студентов хвалили за сдержанность и чувство ответственности, газеты (даже "Жэньминьжибао") солидаризовались с их лозунгами. Министр образования Хэ Дончан заявил, что демонстранты "патриотически высказывают свой энтузиазм в связи с реформами". Однако по мере того, как шло время и демонстрации ширились, настроение властей менялось. Положение явно стало выходить из-под контроля.

Газеты изменили тон. Власти давали понять, что с них достаточно, и они хотят прекращения демонстраций. В нескольких статьях протестующие студенты сравнивались с хунвэйбинами — красногвардейцами времен "культурной революции": делалась попытка настроить против демонстрантов население, ибо само напоминание об этих зловещих временах вызывает у среднего китайца содрогание. Наконец, за 6 дней до Нового года на несанкционированные демонстрации был наложен запрет.

С запретом, однако, студенты не посчитались. Демонстрации вспыхнули с новой силой — именно в этот момент студенты прорвались на площадь Тяньаньмынь. В ходе демонстрации на площади они сожгли более 100 экземпляров газеты "Жэньминьжибао", протестуя против "неправильного изображения" в газете их движения.

Как стало известно позднее, власти готовились принять и более решительные меры. Дэн Сяопин составил проект так называемой "Директивы № 1", в которой в частности говорилось: "Когда необходимо, с теми, кто не выполняет приказов, следует обходиться сурово. Мы можем себе позволить также небольшое кровопролитие. Старайтесь только по мере возможности никого не убивать".

До кровопролития дело, однако, не дошло. В китайских вузах началась экзаменационная сессия, и студенты сами вернулись с улиц в аудитории (ситуация, видимо, невозможная во время студенческого бунта в какой-либо из европейских стран). За экзаменационной сессией наступил Новый год, и страна начала праздновать наступление Года Зайца. Демонстрации надолго прекратились.

Но цепь событий, вызванная ими, только начала разворачиваться. Средства массовой информации развернули широкую кампанию против "буржуазного либерализма". Центральная дисциплинарная комиссия КПК издала директиву, призывающую 44 миллиона членов партии "выступать твердо против всех отсталых товарищей, неважно кто они есть, сколь высокий пост они занимают и какой пользуются репутацией". Теоретический журнал КПК "Хунци" обвинил неназванных членов партии в "нерешительности" в борьбе со студенческими волнениями и призвал к "диктаторской твердости" и "наказаниям". Тон некоторых статей напоминал риторику времен культурной революции.

Правда, только тон. Чистка — если ее можно назвать таковой — носила очень мягкий характер. Был уволен со своего поста и исключен из партии проректор научно-технического университета в Хэфэе, видный астрофизик Фан Лижи. За ним последовал и сам ректор Гуань Вэйянь. Исключены из партии ведущий китайский критик Ван Жуован, известный журналист Лю Биньян, несколько других видных китайских интеллектуалов. Все они обвиняются в подстрекательстве студентов к демонстрациям, в подталкивании их на путь "буржуазного либерализма". Однако уволенные ректор и проректор очень скоро нашли себе новую работу в Пекине по своей специальности; писатель и журналист же, по-видимому, вообще не лишились ничего, кроме партийного билета.

Однако главной жертве еще предстояло быть принесенной на заклание. Это и произошло в конце января, когда на экранах китайских телевизоров появился диктор, одетый не в уже ставший привычным европейский костюм, а в синюю униформу времен Мао. Он прочел "Сообщение о расширенном заседании Политбюро ЦК КПК", на

котором генеральный секретарь Ху Яобан, общепризнанный наследник и любимец престарелого Дэн Сяопина, выступил с самокритикой и признанием крупных ошибок и подал в отставку со своего поста. Правда, в Политбюро Ху Яобан остался; более того, остался в Постоянном комитете Политбюро — средоточии власти в китайской иерархии.

Преемником Ху Яобана на посту генсека стал нынешний премьер-министр Чжао Цзыян.

Происшедшие потрясения проливают некоторый свет на сущность и характер проводимых Дэн Сяопином реформ. Дэновская "революция сверху" всегда сталкивалась с проблемой: можно ли провести экономическую либерализацию, не проводя либерализации политической. Здравый смысл вроде бы подсказывал, что одно предполагает другое. С другой стороны, Дэн отдавал себе отчет, что именно политическая либерализация вызовет наиболее яростное сопротивление его консервативных критиков.

Видимо, в начале студенческих волнений Дэн рассчитывал, что это пойдет ему на пользу: народные выступления можно будет использовать как средство давления на своих противников. Есть основания считать, что Дэн даже закулисно подогревал студенческое движение. Однако вскоре он почувствовал, что эксперимент зашел слишком далеко, и его следует прекратить.

Личный опыт времен Мао, особенно культурной революции, убедил Дэна в том, что даже умеренное инакомыслие, не будучи пресечено, быстро выходит из-под контроля. Дэн, при всем своем реформизме — убежденный коммунист, готов был пожертвовать чем угодно, но не монополией партии на политическую власть. А массовое движение за демократию и свободу явно развивалось в этом направлении.

В возникшей ситуации для Дэна была еще одна опасность — под угрозу были поставлены тщательно спланированные им и последовательно проводимые экономические реформы. Его критики-консерваторы явно готовились к наступлению, связывая "беспорядки" с дэновским реформаторским курсом.

Новый генсек Чжао Цзыян

И Дэн Сяопин решил нанести упреждающий удар и пожертвовать в качестве козла отпущения своим наследником и другом. Ху Яобан был известен своим более либеральным, чем у Дэн Сяопина, отношением к инакомыслящим и интеллектуалам. В вопросе о студенческих демонстрациях он тоже занимал примирительную позицию.

Снятие Ху Яобана и перекладывание на его плечи вины за происшедшее парализует консерваторов и показывает им, что реформатор Дэн, когда нужно, может и хочет быть твердым. Тем самым Дэн спасает свою программу экономических реформ. Новый генсек Чжао Цзыян известен как твердый сторонник Дэна в этом вопросе, но политически имеет репутацию человека гораздо менее либерального, чем снятый Ху Яобан.

И сам Дэн, и Чжао, и их сотрудники сейчас, наряду с развертыванием кампании против "буржуазного либерализма", не устают заверять Запад, что экономическая реформа будет продолжаться с прежней интенсивностью. Местные наблюдатели, однако, более осторожны в этом вопросе и полагают, что в нынешнем году по крайней мере не следует ожидать каких-либо решительных шагов по пути реформ.

Снятие Ху Яобана разрушило тщательно подготовленный Дэном план престолонаследия. Кто будет теперь преемником Дэна? Большинство сходится на том, что назначенный сейчас Чжао Цзыян — фигура переходная. Вполне возможно, что сейчас Дэн откажется от своего намерения уйти в октябре в отставку и передать бразды прав-

ления в другие руки. Не исключено, однако, что будет найден и новый фаворит. В частности, многие называют в качестве возможного кандидата члена Политбюро Цяо Ши, одного из пяти заместителей премьер-министра. Цяо Ши "курирует" в Политбюро госбезопасность. ●

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕМЕНЫ, ЗНАЧЕНИЯ НЕ ИМЕЮЩИЕ

15–17 декабря 1986 г. в Ханойском зале Ба Динь состоялся VI съезд Коммунистической партии Вьетнама, закончившийся беспрецедентными в истории этой страны переменами в руководстве. Ушли в отставку из партийного руководства сразу три старейших и некогда знаменитых деятеля, принадлежавших к числу ближайшего окружения "дядюшки Хо".

После 17 лет "руководства идеологией" в КП Вьетнама ушел в отставку 76-летний Ле Дык Тхо. Он прославился в 1973 г., когда после переговоров в Женеве с представлявшим США Генри Киссинджером он добился прекращения вьетнамской войны и вывода американских войск из Вьетнама. Для Ле Дык Тхо политика была всегда лишь продолжением войны иными средствами, в чем он, очевидно, расходился с Клаузевицем. Киссинджер в свое время говорил ему: "Я восхищаюсь вашей способностью менять невозможные требования на неприемлемые и называть это прогрессом". В конце концов неприемлемые требования были приняты, Ле Дык Тхо и Киссинджер поделили Нобелевскую премию мира, после чего Северный Вьетнам спокойно захватил Южный и началась затяжная трагедия народа, о которой время от времени рассказывают миру бегущие отсюда "лодочные люди". Последней крупной задачей, которую с блеском выполнил Ле Дык Тхо, был блицкриг против Кампучии, завершившийся разгромом людооедского режима "красных кхмеров", но и постоянной оккупацией Кампучии Вьетнамом.

Другой "великий", ушедший в возрасте 80 лет в отставку, — это премьер-министр Фам Ван Донг, в 1930 г. принимавший участие вместе с Хо Ши Мином в основании компартии Вьетнама. Интеллектуал, сын

личного секретаря императора, юрист по образованию, он руководил страной 31 год. Он хорошо понимал трудности управления. "Вести войну просто, — сказал он в 1981 г., — править государством значительно труднее." Справедливость этого афоризма он доказал на практике: разгромив наголову французов, американцев и тех вьетнамцев, которые не хотели жить при коммунизме, он затем быстро довел свою страну до грани краха.

Третий пенсионер менее известен, хотя и занимал два важнейших поста — Генерального секретаря Компартии и председателя Госсовета, то есть президента. Это 79-летний Чьонг Тинь, который занял пост генсека лишь в июле 1986 г., после смерти своего предшественника Ле Зуана.

Когда Чьонг Тинь был назначен на высшую должность страны (ибо таковой, конечно же, как и в СССР, является должность не президента, а генсека), все рассматривали его лишь как переходную фигуру. Чьонг Тинь, однако, думал, по-видимому, иначе и надеялся быстро консолидировать свою власть. Для этого он решил воспользоваться ужасающим экономическим состоянием страны, возглавив кампанию "самокритики", обвинив высшее руководство страны в "детской болезни левизны" и призвав к своего рода "перестройке".

Что и говорить, оснований для критики и самокритики было более чем достаточно. За годы, прошедшие со времени окончания войны, уровень жизни в стране не повысился, а даже снизился. Как признал Чьонг Тинь, советская помощь, достигавшая 1 миллиона долларов в день (в день! А по западным оценкам — даже 3 миллиона), была либо разворована, либо растрочена впустую. Годовой доход от собственного производства на душу населения во Вьетнаме один из самых низких даже в категории "развивающихся стран". Хроническая болезнь страны — недостаток продуктов питания. Во многих сельских районах дневной рацион крестьянина на 200 калорий ниже голодного уровня. Вьетнаму не удалось сделать даже того, в чем преуспели все другие коммунистические государства — стабилизировать цены. Этому помешал черный рынок, куда утекало более половины продовольствия и товаров ширпо-

треба. В результате уровень инфляции достиг в текущем году 800%. В стране около 6 миллионов безработных.

Не лучше и внешнеэкономическое положение Вьетнама. Выполнить свои экспортные обязательства страна не в состоянии: даже экспорт в СССР выполняется только на 83%. Внешний долг страны достиг 6 миллиардов долларов, а валютные запасы упали до 16 миллионов. После воссоединения Северного Вьетнама с Южным объединенный Вьетнам получил в наследство и статус члена МВФ (Международного валютного фонда). Однако уже в 1987 г. МВФ прекратил помощь Вьетнаму, так как последний отказался публиковать информацию о состоянии экономики, как того требует Устав МВФ. В начале 1986 г. Вьетнам обратился в МВФ с просьбой о займе в 200 миллионов долларов, но просьба была отклонена.

Вьетнам все более и более попадал в изоляцию и по причинам чисто внутривнутриполитического характера. Продолжалось преследование критиков режима и просто недовольных ("Страна и мир", № 3, 1984 г. и № 11, 1985 г.), китайского и других национальных меньшинств, верующих — буддистов, католиков, протестантов, граждан южной части страны, участвовавших в борьбе против коммунистов.

Чыонг Тинь, открывший кампанию своего рода вьетнамской гласности, всячески поощрял критические выступления и письма из низовых парторганизаций. Эти документы — подчас резкие и горькие — были включены в его отчетный доклад на съезде. Чыонг надеялся таким образом закрепиться на своем посту.

Он просчитался. Аппарат среднего звена исполошился, опасаясь предстоящих чисток, и предпринял необходимые шаги. Не достигнув за 5 месяцев многого в консолидации власти, Чыонг Тинь вынужден был уйти.

Все трое уволенных в отставку получили утешительные вновь изобретенные титулы "советников Политбюро". Никто не знает, что это, собственно, значит.

Впрочем, еще более утешительным для смещенных является то, что, потеряв свои партийные посты, они сохранили государственные. Чыонг Тинь остался президен-

том. Фам Ван Донг сохранил свой пост премьера, несмотря на то, что Совет министров, который он возглавляет, был в феврале основательно почищен — туда сейчас введено 19 новых министров. Неясно, надолго ли Фам Ван Донг останется на посту премьера. Возможно, что на заседании новизбранного национального собрания в апреле будет провозглашен новый глава государства. Пока кандидатов три: Во Ван Киет, имеющий репутацию реформиста, Во Ши Конг, ставленник партаппарата, и догматик До Муой. Кому будет отдано предпочтение — сказать совершенно невозможно.

Новым генсеком стал Нгуен Ван Линь, 71 года, сделавший себе карьеру на посту мэра города Хо Ши Мин (бывший Сайгон). У него есть некоторая, хотя и не очень сильная, репутация "реформатора": в свое время Нгуен пытался осуществить эксперимент в г. Хо Ши Мин по повышению производительности, разрешив ремесленникам и крестьянам свободно продавать излишки товаров, произведенных сверх норм госпоставок. Пытался он также провести сходный эксперимент и в местной промышленности. Эксперимент был затем закрыт, а сам экспериментатор выведен из Политбюро. Многие наблюдатели сомневаются в обоснованности реформистской репутации Нгуена. "Он желает полного социализма и верит в медленное, но неуклонное продвижение к нему", — говорит живущий в Париже в изгнании вьетнамский историк.

Два других новых члена Политбюро, введенные туда вместо отставленных, — это 73-летний Во Ши Кон, с 1977 по 1979 годы занимавший пост министра сельского хозяйства, и южанин Фам Хун, 74 лет. Станным образом из нового Политбюро исчез министр обороны Ван Тьен Дун, — ему торжественных проводов с объятиями, как первым трем, устроено не было. Ван отличился в свое время в операции по захвату Сайгона (тогда еще не Хо Ши Мина).

Как это ни странно, но величайшая перестройка в истории вьетнамской компартии имеет своей целью как можно меньше изменить в политике страны. Новые семидесятилетние "молодые люди" принадлежат к тем, кого называют "вторым поколением старой гвардии". Можно ожидать, что они оправдают эту свою репутацию.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ — ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ТОРГОВЛЯ ЖИВЫМ ТОВАРОМ?

В течение первой недели февраля на страницах западных газет замелькали сообщения из Советского Союза, каких не было с середины пятидесятых годов: в СССР началось массовое освобождение политзаключенных.

Правда, на этот раз речь шла не о сотнях тысяч или миллионе, как во времена Никиты Хрущева. Представитель Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов сообщил западным корреспондентам, что уже освобождено примерно 140 политзаключенных, и еще столько же будет освобождено в ближайшее время. Г. Герасимов подчеркнул, однако, что речь идет не об общей амнистии, а о пересмотре отдельных дел: группа заключенных якобы обратилась в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании и их просьбы были удовлетворены.

Слово "политзаключенный" тоже не употреблялось. Говорили только о "лицах, осужденных за антисоветскую пропаганду". "У нас нет и не было политзаключенных", — подчеркнул Г. Герасимов. — "За убеждения у нас не судят. У нас судят за действия".

Не будем еще раз спорить о терминологии. Не будем снова напоминать, что "действия" заключались в открытом высказывании убеждений, за которые "не судят". В конце концов, и Г. Герасимов, и слушавшие его корреспонденты отлично понимали правила игры. Поговорим о том, что произошло в действительности.

А в действительности стало происходить нечто небывалое, чему можно было бы только радоваться да радоваться. Из лагерей домой, в том числе в Москву и Ленинград — города, ранее закрытые для бывших политзаключенных, — один за другим стали прибывать только что освобожденные "государственные преступники". Прибыл публицист Лев Тимофеев, арестованный за написание эссе "Последняя надежда выжить" и "Крестьянское искусство голодать", которые очень напоминают то, что сейчас можно прочесть чуть ли не в каждом номере "Правды" или "Известий". Прибыли инициаторы независимого профобъединения СМОТ Лев Волохонский и Владимир Сквирский. Возвратились члены независимой марксистской группы в Куйбышеве Григорий Исаев и основатель социал-демократической группы в Москве Александр Чукаев. Освободился белорусский рабочий и публицист Михаил Кукобака. Вернулись домой латышские патриоты-националисты Янис Рожкалнс и Гунар Фрейманис, эстонцы Хейки Ахонен и Яан Кырб, украинцы Иосиф Тереля и Зорян Попадюк, пятидесятник Василий Барац, московские правозащитники, издатели независимых информационных журналов Сергей Григорьянц и Юрий Шиханович, еврейский активист, преподаватель иврита Иосиф Бегун, психиатр Анатолий Корягин, разоблачивший злоупотребления психиатрией в СССР, и многие, многие другие.

Политические лагеря поредели. В лагере № 35, что в Пермской области, осталось всего двое "семидесятников", тех, что были судимы по ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР — "антисоветская агитация и пропаганда" (или по ее аналогам в УК дру-

гих союзных республик). На многие хозяйственные работы — в котельной, например, — поставлены заключенные-уголовники. Закрыт ШИЗО — “штрафной изолятор”, а попросту карцер, с него снят пост охраны.

Вернувшимся политзаключенным не чинят никаких помех. Все они (или почти все) без особых бюрократических помех получают пропуск, в том числе и московскую (как будто никогда и не было у нас того, что в народе называют “101-й километр”, — запрета бывшим политзаключенным проживать в столице и крупных городах). На вопрос корреспондента, могут ли освобожденные теперь без опаски высказывать свои политические убеждения, все тот же Г.Герасимов уверенно ответил: “Да!”.

В начале 1987 г. ожидалось несколько судов за “распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй”. Суды эти не состоялись, а обвиняемые выпущены из тюрем (правда, пока еще не совсем, а под подписку о невыезде, но им дали понять, что суды едва ли состоятся вообще). В Киеве, не дождавшись повторного суда, на свободу вышел православный христианин Павел Проценко, в Латвии, в Лиенае — члены группы “Хельсинки-86” Линард Грантиньш и Раймонд Битениекс.

Повеяло ветром свободы. Но...

Всегда это вечное “но”.

Начнем с того, что торжественное объявление, сделанное Г.Герасимовым, оказалось неправдой. Точнее — полуправдой. 140 человек не были освобождены, и не случайно список освобожденных не был предан гласности. Буквально в первые же дни стало известно около 40 имен освобожденных, а потом добавились лишь полтора десятка.

Итак, на свободу вышло на 100 человек меньше, чем было широковещательно объявлено. Исчезнуть без следа эта сотня никак не могла: нам известны сейчас поименно около 700 политзаключенных и судьбу каждого из них можно без труда проверить. Сейчас уже довольно ясно, кого освобождают. За немногими единичными случаями — это осужденные за так называемую “антисоветскую пропаганду”. Практически не затронуты освобождениями

те, кого судили за “распространение клеветнических измышлений, порочащих Советский строй”. Практически исключены из этой странной “амнистии” арестованные за веру члены неофициальных церквей — баптисты, пятидесятники, адвентисты, иеговисты. Не коснулась амнистия и осужденных по фальсифицированным уголовным обвинениям. Нет в числе освобожденных и узников специальных психиатрических больниц.

Для чего число освобожденных было раздуто? Зачем потребовалось омрачать ложью в общем-то правильный и радостный шаг — освобождение политзаключенных? Поиски ответа на этот вопрос подводят нас к следующему “но”.

Почему об освобождении политзаключенных объявляет представитель МИД? Почему западные газеты пишут об этом, а советские — ни слова? Насколько известно, об освобождениях (все тех же мифических 140) советские средства массовой информации мельком упомянули только 13 февраля, в сообщении о пресс-конференции в МИД, и еще раз — в газете “Московские новости”, распространяемой в основном за рубежом на иностранных языках.

Таким образом, адресат “либерального жеста” вырисовывается весьма определенно: западное общественное мнение, западные государственные деятели. Собственно говоря, это не очень и скрывается. Еще 16 января Юрий Кашлев, заведующий новым отделом МИД по гуманитарным и культурным вопросам заявил, намекая на предстоящее освобождение политзаключенных, что это будет сделано потому, что такие заключенные “вызывали для нас в прошлом неудобства и создавали напряженность в наших отношениях с другими странами”.

Вот он — ответ на вопрос. Тогда понятно и выбранное для освобождений время: накануне второго раунда Венской конференции по проверке выполнения Хельсинкских соглашений, накануне открытия московского форума “За безъядерный мир”. “Продав” Западу несколько десятков политзаключенных — товар, имеющийся в избытке, — советское руководство надеялось получить определенные политические выгоды.

Нельзя сказать, что оно совсем просчиталось: жест произвел известное впечат-

ление. При этом было рассчитано, что нет необходимости сообщать о числе освобожденных, заботиться об особенной точности: кто там будет проверять? Этот последний расчет, однако, оправдался не вполне. Дотошные люди, приученные не принимать на веру каждое слово советских официальных лиц, все же нашлись.

Итак, освобожденные политзаключенные — это даже не часть пресловутой "демократизации" и "политики гласности", а всего лишь козырь в дипломатической игре. Этот невеселый вывод подтверждается и тем, как было осуществлено освобождение политзаключенных.

Казалось бы, объявив курс на демократизацию, расчет с прошлым, гласность и критику, следовало бы признать грубой ошибкой аресты за политическое или религиозное инакомыслие, реабилитировать заключенных и, извинившись публично перед ними, отпустить. Но нет! И это уже третье "но".

От каждого политзаключенного требовали написания просьбы о помиловании, заявления о признании вины или, как минимум, обещания "не совершать преступлений" впредь. Кое-кто согласился. Некоторые уступили просьбе написать "хоть что-то" и сочинили нечто компромиссное ("не совершал преступлений и не буду совершать": для политзаключенного важна была первая часть фразы, для властей — вторая). Лишь немногие были, насколько можно судить, отпущены "просто так".

Большинство же отказались хотя бы в косвенной форме подтверждать законность своего заключения. (Не в этом ли загадка "исчезнувшей" сотни освобожденных. Отказались писать просьбы о помиловании Виктор Некипелов, Елена Санникова, Тенгиз Гудава, Александр Шевченко и многие-многие другие. Для них утверждение своей правоты оказалось важнее физической свободы. Они разгадали замысел властей — представить освобожденных справедливо наказанными, но раскаявшимися преступниками. И если некоторые из них — как, например, Иосиф Бегун и Анатолий Корягин — все же были освобождены, то это потому, что к их судьбе было привлечено самое пристальное внимание мировой общественности. Прочие же продолжают

сидеть, и на них продолжают оказывать давление, побуждая писать "раскаяние".

Вместо того чтобы признать собственную вину, государство вымывает такое признание у других. Не лучшее начало для процесса демократизации!

Тот же отпечаток нерешительности, трусливого непризнания своей вины, непоследовательности и колебаний лежит и на других шагах властей в области прав человека. В течение двух дней — всего двух дней! — они терпели демонстрацию нескольких еврейских активистов на Старом Арбате в Москве с требованием освобождения Иосифа Бегуна. А потом началось прежнее — растаскивание, избивание, аресты за "хулиганство", поломки телекамер западных корреспондентов. "Гласность" в полном разгаре. Жене Бегуна в милицеской машине, увозящей ее домой, говорят: "Позволили разок продемонстрировать — и хватит!"

Как следует это понимать? Как сопротивление "противников перестройки"? Самое ближайшее будущее должно показать, так ли это, или нам в очередной раз хотят рассказать старую русскую сказку о добром царе и злых боярах. ●

ВОЛНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

16 декабря 1986 г. был снят со своего поста 1-й секретарь ЦК Компартии Казахстана, один из двух последних "брежневцев" в Политбюро ЦК КПСС, просидевший бессменно на своем посту 22 года престарелый Динмухаммед Кунаев. Снят был, видимо, за дело: коррупция, взяточничество, воровство, кумовство — тот самый случай, когда никак не назовешь обвинения фальсифицированными. Тем не менее Кунаев не отдан под суд, а тихо отправлен на пенсию.

Вместо него первым секретарем поставлен русский Геннадий Колбин. О нем сообщается, что он бывший первый секретарь обкома из Ульяновска. Но это только последнее место его работы. До этого он налаживал грузинские дела (был вторым секретарем ЦК Компартии Грузии), еще до того — был вторым секретарем Свердловского обкома. Короче говоря — профессио-

нальный партийный руководитель, которому теперь поручили решать казахские проблемы.

"Перестройка" не коснулась еще очень многих сторон советской жизни, но, пожалуй, дальше всего она обошла национальный вопрос. Его для М.Горбачева и его окружения как бы не существует вовсе. Новому советскому руководителю кажется, что самое важное — это заменить плохого начальника хорошим (предположим, что Г.Колбин таковым окажется). Прочие его качества, национальность в частности, особого значения не имеют.

События 17 и 18 декабря в Алма-Ате показали, что это далеко не так.

Оказалось, тот факт, что местный "вождь" — казах, для населения существеннее того, что он продажен и неспособен. На другой день после объявления о снятии Кунаева в Алма-Ате вспыхнул бунт.

Дело, конечно, не в личности Кунаева. Он мог быть и был нелюбим, когда сидел у власти и распродал Казахстан оптом и в розницу. Но снятый и замененный пришлым "варягом", он стал национальным символом. Вероятно есть большая доля правды в рассказах о том, что алма-атинский бунт был умело организован противниками Горбачева. Важно то, что призывы к возмущению упали на благодатную почву.

У казахов были серьезные основания для недовольства. Казахстан — одна из тех национальных республик СССР, где коренное население составляет меньшинство. Особенно резко был нарушен национальный баланс в 50—60-е гг., в период так называемого "освоения целинных земель", когда в Казахстан нахлынули "добровольцы" со всего Советского Союза. А этому предшествовали 30-е гг., годы "индустриализации", лагерные 30-е и 40-е годы, когда страна, по словам казахского поэта Олжаса Сулейменова, "прошла испытание Казахстаном". Все это привело к тому, что доля казахов в общем населении республики упала до одной трети. По данным переписи 1979 г. в Казахстане было 36% казахов против 40,8% русских. Правда, сейчас ситуация медленно, но уверенно улучшается. Казахские демографы надеются, что, если не произойдет очередной кампании типа "освоения целинных

земель", к 1990 г. из 16 миллионов населения Казахстана на долю казахов придется 8,4 миллиона, т.е. большинство.

Пока же это далеко не так. Но русские (и вообще — неказахи) еще в большей степени, чем в общем составе населения преобладают на руководящих постах. Конечно, "президент" Саламат Лукашев и "премьер-министр" Нурсултан Назарбаев — казахи, декорум должен быть соблюден. Но все важнейшие посты в хозяйственном руководстве, в административно-управленческом аппарате, в КГБ, в судебной системе занимают неказахи и, прежде всего, русские. И вот теперь реальный "хозяин" республики — первый секретарь ЦК (а что хозяин именно он, всем понятно) — русский.

Советская пресса быстро сообщила о факте волнений в Алма-Ате и возвращалась к этим событиям позднее. Казалось бы, "гласность" была соблюдена. Обращают на себя внимание только два обстоятельства. Во-первых, фактические детали происходивших событий сообщались предельно скупое, авторы ограничивались общими словами. Не было названо ни количество участников волнений, ни число жертв, ни количество арестованных. Лишь местная казахская пресса сообщила о трех судах над участниками волнений: учительница Ж.Сабитова, напечатавшая листовки для демонстрантов, получила пять лет лагерей, студент физфака КазГУ К.Рахметов, кстати, "комсомольский вождь", был приговорен за участие в "массовых беспорядках" к 7 годам, а некто М.Асылбаев — к 10 годам. Между тем даже по самым умеренным оценкам число арестованных исчислялось сотнями, а погибших во время волнений — десятками. Как всегда в условиях "гласности" иностранным корреспондентам было доверено больше, чем советской прессе. "Премьер" Назарбаев сказал группе иностранных корреспондентов, что в волнениях приняло участие 3000 человек, убит один студент и один дружинник, 200 человек ранено. Задержано было, по словам Назарбаева, 100 человек, трое уже осуждено (об этом как раз сообщалось в советской прессе), 28 находятся под следствием.

Не менее важно и второе — советская

пресса совсем не обсуждает национальную подоплеку происшедшего, законные причины недовольства казахов, которые чувствуют себя в своей собственной стране гражданами второго сорта. Упор делается на то, что волнения — дело рук "антиобщественных элементов", хулиганов, пьяниц и наркоманов. Разумеется, накипь всегда всплывает на поверхность, когда начинается народное возмущение, но хулиганы и пьяницы не могут за несколько часов поднять на мятеж огромный город и держать его в напряжении в течение двух дней.

Казахский урок должен быть понят и проанализирован. Сейчас, во второй половине XX века, когда во всех странах мира поднимается волна нового национализма, нельзя как ни в чем ни бывало сохранять нетронутой последнюю на земном шаре колониальную империю.

Мы публикуем полученный нами анонимный самиздатский рассказ очевидца алма-атинских событий. Видимо, не все детали его достоверны, — как всегда в такого рода случаях, возможны неточности и преувеличения, но общая атмосфера и масштабы событий переданы убедительно.

К СОБЫТИЯМ В КАЗАХСТАНЕ

(По свидетельству очевидца)

После снятия с поста секретаря ЦК КПСС Казахстана Кунаева в партаппарате началась страшная борьба за власть. Учитывая это и было решено, очевидно, назначить человека со стороны. Выбор пал на секретаря обкома из Ульяновска Колбина.

Казахи были недовольны. Русские же поздравляли друг друга и говорили: "Наконец-то наведут порядок, а то эти казахи везде лезут — и в институты, и на посты, и квартиры в первую очередь".

В день известных событий на стенах около учебных заведений и общежитий появились объявления о том, что на площади Брежнева состоится митинг. В это утро в двух белых машинах вузы объезжали respectable вида люди, которые ходили по аудиториям и требовали, чтобы студенты шли на митинг.

На площади Брежнева шла мирная демонстрация. Несли транспаранты с цитатами из Ленина о национальной политике и с лозунгом "Казахстан должен быть казахским", пели песни националистического содержания.

Собралась в основном казахская студенческая молодежь. Многие были из Казахского Государственного университета (КазГУ), юридического, сельскохозяйственного и других институтов, рабочая молодежь, в основном из общежитий. Среди демонстрантов были и русские.

Перед собравшимися выступил председатель Совета Министров Казахстана и сказал, перечислив государственные посты, которые занимают казахи: "Чем же вы недовольны? Какие ваши права нарушили?", после чего призвал всех разойтись по домам.

Демонстранты ответили, что ключевые посты в армии, МВД и КГБ Казахстана занимают русские, и разойтись отказались.

Безуспешно обращались с аналогичными призывами разойтись и руководители комсомола.

Впрочем, часть демонстрантов разошлась. Остальные устроили сидячую забастовку в сквере перед зданием ЦК КП Казахстана (на площади Брежнева).

Площадь оцепили милиция и солдаты.

По одним сведениям беспорядки начались с того, что солдат из оцепления ударил дубинкой по голове молодую женщину с ребенком на руках. По другим — чтобы разогнать демонстрантов, пожарные машины стали поливать землю, и одна из машин задавила сидящую девушку; машину перевернули и сожгли.

После этого разъяренная молодежь начала выламывать гранит облицовки сквера, разбивать его и бросать обломки в солдат и милицию. Началось побоище. Оружие не применялось. Студентов били дубинками и ногами. Из толпы выдергивали зачинщиков и увозили. По некоторым сведениям избитую молодежь увозили в милицию, по другим — грузили в самосвалы и сваливали за пределами города.

В это же время в разных частях города начались хулиганские налеты, в частности, было совершено нападение на детский

сад МВД, расположенный недалеко от площади Брежнева. У арестованных впоследствии хулиганов были найдены одинаковые кастеты. В эту ночь к демонстрантам через оцепление проехала машина, с которой раздавали водку и сигареты, фабричным способом начиненные наркотиками.

На следующий день демонстрация была окончательно разогнана. Солдаты стали врываться в общежития, избивать студентов, а тех, которые сопротивлялись, выбрасывали из окон (с 3–6 этажей).

В последующие дни органы власти выявляли присутствовавших на демонстрации. У тех студентов, которых не было в эти дни на занятиях, требовали объяснения, где они были и что они делали. Во все больницы и поликлиники послали запросы с целью выявить обратившихся за медпомощью.

Во время демонстрации сверху велась кино съемка, с ее помощью также выявляли демонстрантов.

В настоящее время продолжают аресты, увольнения с работы, исключения из учебных заведений без права поступления в другое учебное заведение.

На демонстрации присутствовал видный поэт Олжас Сулейменов. Он обратился к оцеплению и просил не трогать молодежь, говорил, что они сами с молодежью разберутся. Ходили слухи, что Олжас Сулейменов был задержан. Говорили также о задержании режиссера Казахфильма (фамилия неизвестна, предположительно, по национальности — с Кавказа).

По некоторым сведениям в других городах Казахстана были отдельные вспышки. Казахов, которые ехали в Алма-Ату, чтобы присоединиться к демонстрантам, снимали с поездов. Связь с городом была прервана.

Говорят, что Колбин дважды в эту ночь звонил Горбачеву. Горбачев сказал: "Не может быть!"

По словам жителей, было арестовано 2138 человек, 280 студентов и 29 человек из оцепления было убито. В демонстрации участвовало 400 русских (или было арестовано?).

По сведениям, распространяемым среди населения работниками МВД, арестовано 280 человек, убит один дружинник. Сотрудники МВД пользуются тем, что среди

демонстрантов — многие приезжие и не имеют родственников в Алма-Ате. Погибших хоронят за пределами Алма-Аты.

Существует мнение, что организация "народного выступления" — дело рук казахских верхов. В то же время власти не могли допустить прецедента мирного волеизъявления народа, поэтому демонстрацию скомпрометировали и объявили демонстрантов (а также — читай — казахов) пьяницами и наркоманами.

В последнее время в городе появились шайки хулиганов (подростков и молодежи), избивающих всех подряд.

После этих событий русские, не стесняясь, говорят: "Взять бы автомат и перестрелять их (казахов)", "Надо их загнать в аулы, очистить от них Алма-Ату".

В семьях казахов скорбь и уныние.

Однако на улицах спокойно. ●

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ

1 января вступили в силу новые правила, в соответствии с которыми советские граждане могут (или не могут) совершать поездки за рубеж.

Существует неписаное, но твердое правило: все правовые акты (законы, указы, постановления), имеющие общее значение, публикуются в центральной печати. Постановление Совета Министров СССР № 1064 от 29 августа 1986 г., регулирующее вопросы выезда из страны и въезда в нее "по частным делам", в газеты не попало. Оно напечатано лишь в "Собрании постановлений правительства..." — специальном издании, тираж которого ограничен.

Тут есть своя логика. Само это определение — "выезд по частным делам" — звучит подозрительно. Какие такие дела могут быть у советского гражданина за границей? Разве что получение наследства. Но как раз подобные дела трудно считать частными. В получении наследства советское государство заинтересовано никак не меньше гражданина.

Все же остальное — воссоединение с членами своей семьи, встреча с близкими родственниками, заключение брака, посещение тяжело больных родственников или мест их захоронения — кажется сомнительным. Уже тот факт, что семья, родственники почему-то оказались за

границей, навевает нехорошие мысли. Кто они и почему там очутились? Были ли они объектом нещадной эксплуатации или сами выступали в преступной роли эксплуататоров? Не связаны ли они с израильским Мосадом или американским ЦРУ? Короче, так ли уж необходимо с ними воссоединиться, посещать их, брать в жены?..

Еще не так давно в этом вопросе имелась полная ясность. Браки с иностранцами были запрещены. Желание воссоединиться квалифицировалось по статье 58–1 Уголовного Кодекса – “измена родине”. О родственниках за границей вспоминали в холодном поту, отвечая на грозный вопрос анкеты.

Конечно, те времена прошли. Нынче и воссоединяются, и женятся, и посещают. Однако и до сих пор есть в этом некое неприличие, нечто такое, о чем в порядочном обществе не говорят. И совершаются эти действия как бы в подполье. Человек подает заявление, и оно проваливается в черную яму. Никто не знает, что в этой яме происходит: кто рассматривает заявление, каким будет ответ и будет ли он вообще. Случалось, скромному парикмахеру яма выплевывала отказ: “воссоединение нецелесообразно”. Оставалось гадать: для кого нецелесообразно? почему? в чем дело? Ясно, умные люди понимали, что там, в яме, тоже существует какой-то порядок: правила, инструкции, ЦУ и ОЦУ. Просто рядовому гражданину знать все это не положено. Высшая государственная механика.

Как же вдруг возникла идея легализовать эти полуподпольные операции, придать им если не силу, то видимость законности? Самое очевидное объяснение: даже кремлевские руководители вынуждены считаться с международными актами, подписанными и ратифицированными Советским Союзом. Такими, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Хельсинкские соглашения.

В действительности дело обстоит сложнее. В западном понимании, частные дела тем и отличаются от государственных, что никакого вмешательства со стороны государства не требуют. Если человек решил переехать в чужую страну или просто, без всяких причин, съездить в Японию, Гренландию, на Таити – это его частное дело. Во всяком случае правительство того государства, чьим гражданином он является, прямого отношения к этому не имеет. Человек

покупает билет или садится в машину – и едет. На границе он предъявит паспорт – и все. Никакой особой выездной визы не требуется.

Иное дело – въезд. Тут страна, куда ты направляешься, может ставить свои условия. Правда, большинство стран свободного мира никаких условий не ставит. Например, из одной европейской страны в другую въезд открыт, для этого не надо даже визы. Но, скажем, для въезда в Соединенные Штаты виза требуется, страна ограждает себя от слишком большого потока иммигрантов.

Это общее правило относится и к выезду в другую страну “на постоянное жительство”. Государство, откуда ты уезжаешь, может и не знать об этом – не его дело; а вот государство, где ты хочешь жить или чьим гражданином стать, конечно, вправе устанавливать свои правила. К примеру, гражданство предоставляется иностранцу лишь после нескольких лет пребывания в стране.

Так что Западу, строго говоря, Декларация прав или Хельсинкские соглашения не требовались. В них зафиксированы те принципы, которые давно стали в свободном мире чем-то само собой разумеющимся. Смысл этих документов был в том, чтобы обеспечить соблюдение какого-то минимума человеческих прав в тех государствах, которые до сих пор рассматривают человека как свою собственность, а частные дела – как одну из разновидностей государственных.

Позиция Советского Союза известна. У каждой страны свои обычаи. Скажем, французы любят есть лягушек, а мы любим, чтобы наши частные дела решало государство. Однако даже в этой странной системе координат была прямо-таки вопиющая странность: отсутствие закона, регулирующего право собственности государства на своих граждан. Теперь, к всеобщему удовольствию, это досадное упущение исправлено...

Первое, что бросается в глаза при чтении нового закона, – отсутствие самого понятия “эмиграция”, а следовательно, и ее субъекта – эмигранта. Хотеть эмигрировать из СССР люди не могут, они могут лишь воссоединиться, встречаться, заключать и посещать. При этом постановление четко разъясняет: воссоединиться дозволено лишь с близкими родственниками: жена, отец, мать, сын, дочь, родной брат и родная сестра; встречаться (или посещать места захоронения) – тоже исключительно с близкими родственника-

ми; а вот навешать, если они тяжело больны, можно и просто родственников...

Вообще, весь этот раздел постановления поразительно напоминает детство. Нас заранее предупреждают, что для выезда за границу по частным делам нужны "уважительные причины". Если помните, пропуски школьных занятий тоже делились на "ув.пр." и "неув. пр.". Тогда мы наивно мечтали: вот ужо вырастем... Выросли. Говорят, для матери даже взрослые дети остаются детьми. Для родного советского государства — тоже.

Итак, круг тех, с кем нам может быть дозволено увидеться или воссоединиться, четко обозначен. Всякие там тети, дяди, бабушки и двоюродные братья из семейного древа попросту вырублены — приглашения от них не принимаются. За одним исключением: "если у лица, ходатайствующего о выезде, не имеется в СССР членов семьи, то может быть принято к рассмотрению ходатайство при предъявлении приглашения и от другого родственника".

Конечно, это не значит, что человеку, у которого есть за границей родная мама, выезд гарантирован. Мама — условие необходимое, но отнюдь не достаточное. В постановлении аккуратно перечислены обстоятельства, когда выезд по частным делам не разрешается. На первом месте, естественно, безопасность государства. Но и иных причин хватает: "ущемление существенных прав и законных интересов других граждан СССР", неисполненные обязательства или имущественные обязанности, основания для привлечения к уголовной ответственности, приговор суда...

Тут, правда, нельзя сказать вслед за поэтом: "Мама всякие нужны, мамы всякие важны". Некоторые мамы не подходят — в выезде может быть отказано, "если установлено, что приглашающее лицо находится за границей в нарушение порядка выезда из СССР или пребывания за границей". Ясно, что речь идет о невозвращенцах, и тех, кто перешел границу нелегально. Рудольфу Нурееву и Михаилу Барышникову на встречу с близкими рассчитывать не приходится.

Но это не все. За параграфом с категорической формулой "не разрешается" следует еще один: с перечислением обстоятельств, когда выезд "может быть не разрешен". Так вот, он может быть не разрешен, например, "в интересах охраны общественного порядка, здоровья или нрав-

ственности населения". Что это значит — неясно. Неужели узнав о выезде гражданина Иванова или Рабиновича, жители Борисоглебска кинутся громить магазины, а почтенные отцы семейств поутятся в разгул?

Юмор? Если да, то черный. Закон построен по обычной советской схеме: властям предоставлены все права, в том числе и право решать, соблюдаются ли при этом права граждан. Положим, тому же парикмахеру откажут теперь со ссылкой на ст. 25, пункт "а" ("безопасность государства"). Как он может оспорить это решение: потребовать компрометирующие его документы, пожаловаться прокурору, обратиться в суд?

В Соединенных Штатах, например, Государственному департаменту предоставлено право в исключительных случаях лишить гражданина иностранного паспорта, хотя за всю историю этой страны такие случаи можно на пальцах пересчитать. Разумеется, человек вправе знать, кто это решение принял и на каком основании, вправе ознакомиться со всеми документами и оспорить решение в независимом суде. Интересно, может ли гражданин самого демократического в мире государства сделать то же, и в какой районный суд ему следует обратиться — по месту собственного жительства или по месту нахождения ответчика: то ли ОВИРА, то ли КГБ СССР?

В постановлении есть всего один пункт, вносящий в проблему выезда некоторую определенность. Отныне такое заявление не могут рассматривать веками, для этого установлен срок: месяц, а "при необходимости дополнительного изучения", — шесть месяцев. Имея некоторый опыт, легко предсказать, что именно этот последний срок и станет основным. Власти себя еще и дополнительно застраховали: повторное ходатайство можно будет подавать тоже не раньше, чем через полгода.

Подведем итоги. Подпольная практика выезда за границу "по частным делам" — ныне легализована и введена в рамки закона. Уже не ведомственные инструкции, а постановление Совета Министров предоставляет государству неограниченное право решать за граждан их частные дела. Единственное утешение, что отказ теперь будет мотивирован не какой-нибудь самодеятельной "нецелесообразностью", а, скажем, "интересами обеспечения нравственности населения". Впечатляющие перемены.

Комментирует Р. БАХТАМОВ

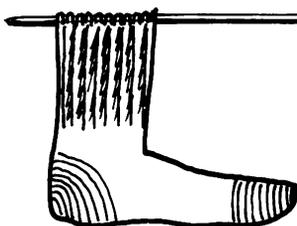

*Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому все мы равны...*

Рисунки Т. Кофьян

Джамбул

Глава I,

**в коей доказывается, что даже собственное
мнение иногда бывает чужим**

Хочется иронизировать, а негоже. Почему хочется — понятно. Принятию закона об индивидуальной трудовой деятельности сопутствовал такой ажиотаж, словно речь шла о судьбах страны, человечества, а если исходить из гипотезы, что мы единственные разумные существа во Вселенной, то и о судьбах Большой Галактики.

Семнадцатого ноября, в день открытия сессии Верховного Совета, я сидел на веранде своего маленького дома, смотрел на низкие южные звезды и мучительно вслушивался в эфирную разноголосицу. Сначала был слышен только скрежет, зубовой скрежет родины. Родина не могла допустить, чтобы даже в далеком Багдаде кто-то слушал чужие голоса на отечественном языке.

Но голос прорвался. Комкая от волнения слова, диктор сообщил последние слухи из Москвы. Новый закон вызывает сильнейшее сопротивление. Ожидается, что его спустят на тормозах: передадут для обсуждения в комиссию, а там тихо похоронят. Заодно это даст возможность новому руководству продемонстрировать независимость Верховного Совета — это ведь будет первый случай, когда советский парламент позволит себе нечто вроде оппозиции.

Ничего такого не произошло. "Голос", как обычно, опростоволосился и сел в лужу. Закон был принят единогласно. Парикмахер-индивидуалист получил право брить клиентов, старушка-индивидуалистка сможет отныне безнаказанно вязать шерстяные носки. Социалистическая демократия одержала еще одну славную победу...

А иронизировать все-таки нельзя. В отличие от многих других правовых актов последнего времени Закон об индивидуальной трудовой деятельности не был вынесен на публичное обсуждение — видимо, власти избегали лишнего шума. Однако что-то вроде неофициальной дискуссии состоялось. На протяжении всего восьмидесяти шестого года газеты печатали письма читателей. Разумеется, против проекта нового закона никто прямо не возражал. Но многие сомневались и даже предлагали нечто противоположное. Скажем, отчуждать в пользу государства сбережения, превышающие некоторую сумму.

Похоже, сами власти были смущены чрезмерной преданностью граждан идеалам социализма. Не случайно все комментарии к закону начинаются и кончаются уверениями, что он, упаси Бог, не противоречит основным принципам и вообще не содержит ничего нового. "Положения закона полностью согласуются с принципами социалистического хозяйствования" (председатель Госкомтруда И.Гладкий). "Ни о каком отступлении от принципиальных позиций социализма или о внедрении частнопредпринимательской деятельности и речи быть не может" (сотрудник Госкомтруда А.Матвеев). "Естественно, что вся деятельность лиц, которые станут заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, будет проходить под контролем государства" (заместитель генерального прокурора СССР В.Найденев). "Закон лишь приводит правовые нормы в соответствие со сложившейся практикой" (доктор экономических наук Л.Кунельский). "Буржуазная пропаганда искаженно представляет себе это новое законодательство и изображает его чуть ли не как возврат к частнопредпринимательской деятельности. Это совершенно не соответствует действительности" (директор Института государства и права АН СССР В.Кудрявцев). В общем, власти явно оправдываются.

Это удивительно. Советская история знает законы куда более впечатляющие. Например, закон от 7 августа 1932 года, иначе "закон о колосках". Совсем недавно корреспондент "Известий" Ю.Феофанов напомнил, как по этому закону колхозница, которая подняла с поля — уже после уборки урожая — пару колосков, получала десять лет лагерей. По другому закону, сороковых годов, работнице фабрики за хищение двух катушек ниток полагалось полных двадцать пять лет.

А какие славные законы были приняты после убийства Кирова! Упрощенная система судопроизводства. Отмена права на обжалование приговора. Уголовная ответственность за принадлежность к семье изменника родины. Расстрел невозвращенца через 24 часа после задержания — без суда и следствия...

И что же? Власти не оправдывались, граждане не протестовали. Если кто-то и обращался в газету, то лишь для того, чтобы выразить осторожное недоумение. Не слишком ли это мягко — расстреливать? Не гуманнее ли сдирать с этих мерзавцев кожу?

Тем не менее в опасениях по поводу нового закона усматривается своя логика. Есть в этом законе нечто такое, что вызывает смутное недоверие. Так и подмывает рвануть на себе рубашку с криком: "За что кровь проливали?!"

Нет, конечно, не *свою* кровь. Все-таки было бы кощунством утверждать, что Отечественная война велась ради пресечения зловердной деятельности парикмахеров и вязальщиц. Вопрос в другом: зачем мы проливали чужую кровь? Кровь крестьян, которые

выращивали хлеб на условиях, близких к нынешнему семейному подряду. Кровь эпманов — парикмахеров, вязальщиц, фотографов, репетиторов, пекарей. Короче, всех тех, кого раньше именовали частниками, а теперь придется, видимо, называть индивидуалистами. Люди старшего поколения помнят:

Купите бублики для вашей публики,
Купите бублики, да поскорей.
Меня несчастную, торговку частную,
Торговку частную ты пожалей.

Не пожалели. Или подавили в себе жалость. Превыше человеческих (буржуазных) чувств была догма классово́й борьбы. Фотограф, пекарь, вот эта продавщица бубликов — все они были собственниками, частниками, классовым врагом. Их следовало уничтожить. За что? За то, что они смели существовать вне единой, всеохватывающей экономической сферы социализма.

Я отнюдь не поклонник социализма: ни в одной, отдельно взятой, ни во всех, взятых вместе. Признаем, однако, что доктрина социализма не налагает запрета на индивидуальную деятельность фотографа или торговца. Маркс подобными мелочами не занимался вообще. Ленин довольно быстро убедился, что "мерную поступь железных батальонов пролетариата" можно видеть только на параде, в обыденной жизни рабочий выступает не как представитель класса, а как любой другой человек, чье желание работать зависит от зарплаты, условий труда и быта, общей обстановки на производстве. Поэтому, начав со сплошных запретов, вождь пролетариата кончил нэпом.

Может быть, не все знают, что у нас, в Ираке, власть принадлежит социалистам. Обсуждать их программу я не буду. Факт, однако, что и у нас частные предприятия мирно уживаются с государственными. И во Франции, Швеции, Испании, Англии приход к власти социалистов не сопровождался закрытием частных кафе, парикмахерских, небольших заводов. Различие в позиции "правых" и "левых" проявлялось лишь по отношению к крупным предприятиям, определяющим облик национальной экономики.

Если следовать доктрине, то социалистическим предприятиям полагалось победить частные экономически, за счет более высокой производительности труда. Опыт, в том числе и советский, неопровержимо свидетельствуют, что этого не происходит. Более того. Любая система, которая заинтересована в достижении высоких экономических показателей, рано или поздно возвращается к смешанным формам собственности. Последний тому пример — Китай. Да и новый советский закон, как его ни трактуй, означает признание этого фундаментального факта. Ограничения, налагаемые на "индивидуалистов," как раз и свидетельствуют о том, что власти *боятся соревнования*, ибо его исход им известен.

Ладно, с властями ясно. Однако создается впечатление, что и народ (по крайней мере, значительная его часть) тоже относится к частнику с недоверием. Или, может быть, это впечатление создают газеты, публикующие лишь письма определенного рода?

Думаю, что все сложнее. Человек, который пишет в газету, хорошо знает железное правило. Письмо может одобрить официальную линию, может и критиковать эту линию — но "справа". Скажем, если суд приговорил расхитителя к 15 годам лишения свободы, то читатель может заявить, что этого мало и требовать расстрела; власти решили ограничить цены на рынке, а читатель предлагает вообще запретить рынок; газеты называют Пиночета диктатором, автор же письма вправе именовать его палачом, извергом, исчадием ада...

Вообще советская печать напоминает дорогу, слева от которой поле густо минировано. Гражданину рекомендуют идти по дороге; не возбраняется, впрочем, взять и правее. А вот сходить с дороги влево определенно не стоит: костей не соберешь. Так что о подлинных убеждениях советского "молчаливого большинства" можно только гадать. В

газеты эти люди не пишут, в беседы с иностранцами не вступают. Да и в частных разговорах выражаются крайне осторожно. *Научены*.

Степень этой наученности нельзя недооценивать. Те, кто с насмешкой говорят о покорности советского человека, о новом типе человека, *homo sovieticus*, забывают историю. Мы знакомы с голодом не хуже, чем Индия и Эфиопия, о репрессиях знаем больше, чем фашистская Германия, о методике вдалбливания — больше, чем все остальное человечество.

Скажут, времена голода и массовых репрессий прошли. Может быть. Но и мы, и наши дети, и внуки воспитаны в ощущении, что всемогущее государство и сейчас может сделать с нами *все*. И еще нам десятилетиями вбивали в голову истины. Власть — народная, капитализм — эксплуатация человека человеком, коммунизм — закономерный этап в развитии человечества. Советский человек есть существо, сформированное одновременным воздействием двух стихий — *пропаганды* и *страха*. Надо ли удивляться, что его мнение, его взгляды зыбки, причудливо деформированы, противоречивы. Например, Запад представляется ему одновременно и пустыней, где люди умирают с голода, и сказочной страной, в которой деньги растут на деревьях.

Говорят, что демократическая форма правления нам не подходит, ибо у нас нет опыта. Опыта действительно нет. За всю историю страны народ лишь дважды ощутил вкус свободы: месяц в 1905 году и еще несколько месяцев — в начале семнадцатого. Гораздо хуже, однако, что у нас нет навыков *выработки* взглядов, собственного мнения. Отвечая на вопросы социологической анкеты, мы сообщаем не то, что думаем, а то, чего от нас, по всей видимости, ждут. Анкета анонимная? Ха-ха, знаем мы, как разгадываются анонимы. И если завтра вдруг объявят свободные выборы, легко догадаться, за кого мы будем голосовать. Потому что любим? Нет, потому что боимся. Боимся всего: и старой власти, и той, что может придти ей на смену. А вдруг будет еще хуже. Хуже не бывает? Ха-ха, мы-то по опыту знаем, что как бы плохо ни было, бывало еще хуже.

Это ведь очень серьезное дело — позиция, взгляды, убеждения. Чтобы судить о чем-то всерьез (ну хотя бы о капитализме), нужна достоверная информация, нужен такой обмен мнениями, где каждый может высказать свой взгляд, не опасаясь, что его привлекут или вызовут, или уволят, или что он подвергнется нападению бравых молодых из отдела неизвестных хулиганов, или что его дочь не попадет в институт, или очередь сына на квартиру растянется на годы. Но у советского человека ничего этого нет: ни достоверной информации, ни возможности обменяться мнениями без оглядки на стены и потолок и без опасения, что человек, с которым ты честно споришь, — из *того* ведомства.

Я вспоминаю, как в лагере мой приятель, человек очень вежливый, ответил энтузиасту, который взялся его агитировать за советскую власть. "Простите, — сказал он, — но я отказываюсь спорить на условиях, когда мне за мои взгляды полагается еще двадцать пять лет, а вам за ваши — орден".

Понятно, сами мы искренне воображаем, что смутная мешанина, образовавшаяся в нашем сознании под воздействием страха, пропаганды, отсутствия информации, и есть *убеждения*. Но убеждения ли это? Вот, к примеру, убеждения писателя Василия Белова в превосходном изложении критика В.Лакшина: "Объектом пламенного, "аввакумовского" негодования или иронии героев Белова становятся московские экстрасенсы, вьетнамская мазь, породистые собаки, масоны, лесбиянки, гипнотизеры, компьютеры, кибернетические программы, патологоанатомические вскрытия, развлекательные программы телевидения, виски "Белая лошадь", духи фирмы "Нина Ричи", рок-н-ролл, романы Юлиана Семенова, книга "Аз и Я", ислам, иудаизм, гегельянство, диссидентство, лимитчики, экскурсоводы, стриптиз..." Не правда ли, для одного человека убеждений многовато?

Но оставим в покое тех, кто живет в Союзе: задавать им вопросы бессмысленно. Послушаем эмигрантов. "Антикоммунизм — величайшая глупость", — вещает один.

”Советы — народная власть”, — уверяет другой, ссылаясь на исторические традиции народа, воспитанного на сельской общине. А вот что говорит третий, чье мнение особенно интересно, ибо он провел много лет в лагерях и только недавно выехал на Запад.

Итак, говорит Юрий Орлов. ”Я считаю, что в России капитализм сейчас невозможен, в частности, потому, что возврат к капитализму у этого народа (у этого, а не у какого-либо другого) был бы национальным унижением. Если бы Господь Бог ”спустил” нам капитализм, это было бы национальным унижением. Я считаю, что больше всего подходит для этой страны (для *этой*) социализм демократический, со всеми свободами”.

На чем основаны эти выводы? Соответствующий референдум или хотя бы опрос общественного мнения в Советском Союзе не проводились. Свободной дискуссии в печати — с обсуждением доводов ”за” и ”против” — тоже не было. Самое большое, на что может опираться Юрий Орлов (как и каждый из нас), — беседы с несколькими случайными людьми. Выражают ли эти люди общее настроение 300-миллионного народа? Были ли они вполне откровенны? Наконец, знают ли они, что такое капитализм или для них это просто синоним вселенского зла?

Но суть даже не в этом. Капитализм — и это его главное отличие от социализма, от того социализма, который нам так хорошо знаком, — не надо ”спускать” сверху и выращивать объединенными усилиями партии, милиции и КГБ. Достаточно дать людям право самим решать, хотят ли они работать на государственном предприятии или предпочитают трудиться в своей лавке, парикмахерской, мастерской. Вот это, по-моему, и был бы самый лучший, самый показательный референдум в пользу той или иной системы. Неужто в такой свободе Юрий Орлов и усматривает ”национальное унижение”?

Не будем спорить, возможен ли демократический социализм или это такой же нон-сенс, как горячий лед. Гораздо интереснее понять, почему вообще возврат капитализма может восприниматься как ”национальное унижение”.

Логика, очевидно, такая. Мы выбрали социализм. Ради него сидели в окопах, голодали, умирали от тифа, убивали других и сами гибли в лагерях. И вот теперь признать, что все это было ошибкой, покаяться и вернуться к системе, от которой мы отказались в семнадцатом году?..

Но вот что странно. Противник режима уверяет нас, что капитализм в России невозможен, что народ его не примет. Глава же режима, заранее зная, что ему придется преодолевать сопротивление собственных коллег, выступает инициатором закона, который вводит в жизнь страны элементы капитализма. При этом разумно предположить, что о мнении народа М.С.Горбачеву тоже что-то известно.

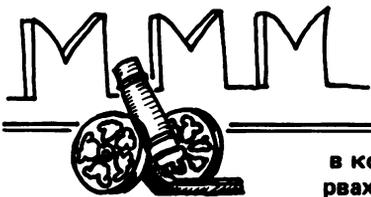
Кажется, впрочем, что мотивы, побудившие принять этот закон именно сейчас, просты. В стране не хватает рабочих рук. В подобных условиях невозможно решить сразу все (или хотя бы самые насущные) задачи: ускорить темпы роста производства, повысить качество продукции, улучшить положение в социальной сфере. Между тем страна располагает колоссальным людским резервом. 55 миллионов пенсионеров. Свыше пяти миллионов студентов и учащихся техникумов. Миллионы домохозяйек. Наконец, около половины всего работающего населения готово выполнять дополнительные обязанности, чтобы иметь еще один источник заработка.

Однако кроме этих мотивов, лежащих на поверхности, есть другие. Так называемая социальная сфера — жилье, быт, обслуживание — хромает на обе ноги по меньшей мере пятьдесят лет. Для всех очевидно, что изменить положение обычными методами не удастся, даже если набить государственные службы быта, мастерские, столовые и кафе людьми и самыми современными механизмами. Дело не в дефиците людей, но в дефиците *заинтересованности*.

И второе. В беседе заместителя генерального прокурора СССР В.Найденова с корреспондентом Всесоюзного радио прозвучал совсем уж неожиданный мотив. ”По-моему,

это даже и здорово, — сказал корреспондент, — если люди почувствуют, что в какой-то мастерской им починят обувь хуже, чем мастер Иван Иванович, и пойдут к нему. Тогда, может, и мастерская перестроит свою работу”. На что прокурор ответил: ”Вот в этом, по-моему, очень большая и важная сторона самого закона. Конкуренция вынудит государственное предприятие задуматься о необходимости повышать качество работы”.

Конкуренция, — слово сказано. Государственные предприятия и на Западе обычно работают хуже частных. Однако разрыв отнюдь не так велик. К примеру, машины марки ”Рено” не принадлежат к числу лучших в мире. Но они вполне конкурентоспособны. Причина ясна: государственные предприятия на Западе работают в условиях свободного рынка, в обстановке конкуренции. Уже одного этого соображения достаточно, чтобы оправдать существование смешанной экономики, разных форм собственности.

Глава II,

в которой автор рассуждает о крепостных стенах, рвах, редутах и иных предметах, проходящих по ведомству благородного искусства фортификации

Первое, что бросается в глаза при чтении закона, — *запреты*. Его небольшая территория так густо перегорожена стенами, перерыта рвами, пересечена редутами и прочими заграждениями, что начинаешь сомневаться: стоило ли разрешать то, что тут же приходится запрещать? Стоило.

Разумеется, закон не реставрирует капитализм и даже не возвращает нас к временам нэпа. Сфера его действия — по любому из параметров — ограничена до предела, он вряд ли окажет сколько-нибудь заметное влияние на суммарные экономические показатели страны. Его значение должно проявиться в иной области, в *психологической*.

Прежде всего — в отношении к частному предпринимателю. В уже цитированном интервью корреспондент радио осторожно заметил, что ”вот эти такие термины, как ”частники”, где-то презрительные, они должны, наверное, тоже выходить из нашего обихода, все-таки не во всех случаях можно к человеку относиться с презрением, если он хочет работать”. Энергичней выразился доктор экономических наук Кунельский: ”Общественное мнение, да и законодательство былых лет сформировали в сознании презрительное отношение к ”частнику” (статьи, давно пора отказаться от этого изжившего себя термина). Теперь с трибуны сессии Верховного Совета СССР ясно сказано: любой труд, приносящий пользу стране, людям, будь то работа на заводе, в поле или в домашней мастерской, нужно поощрять”.

Другое важное обстоятельство — перемена общего отношения к труду. Система, при которой все мы работаем на анонимного хозяина — государство, обезличивает труд и воспитывает в нас особое отношение к работнику. Во всех конфликтах с работодателем-государством мы выступаем на стороне работника-человека. Мы оправдываем безразличие к служебным обязанностям, низкое качество изделий, кражи на производстве. Оправдываем потому, что уверены: как бы мало человек ни работал и сколько бы он ни крал, общий баланс все равно будет в пользу государства.

При этом, однако, забывается, что основной жертвой плохой работы оказываемся мы сами. Это мы покупаем бракованные товары, стоим в очередях, даже если товаров хватает, безропотно ждем, пока официантка в пустом ресторане изволит нас заметить. Можно сколько угодно рассуждать об ускорении и подъеме благосостояния, положение не изменится до тех пор, пока не удастся преодолеть этот социалистический стереотип.

Интересно, что подобный подход укоренился так прочно, что и сами руководители государства уже не мыслят иного отношения к труду, а следовательно, иной эконо-

мической ситуации. Колхозы *обязаны* сдавать столько-то продукции государству, лишь с излишками они могут обращаться по собственному усмотрению; ремесленники *обязаны* выпускать продукцию не ниже какого-то уровня. Власти явно не могут представить себе систему, которая обеспечивает выполнение этих условий *автоматически*, крестьянские хозяйства, производящие больше, чем нужно стране, ремесленников, которых конкуренция вынуждает делать не просто терпимые, а первоклассные товары. А ведь это азы частного предпринимательства, нечто само собой разумеющееся в условиях свободного рынка.

Однако вернемся к закону. Его позитивная часть настолько узка, что может быть изложена в нескольких словах: "допускается индивидуальная трудовая деятельность в сфере кустарно-ремесленных промыслов, бытового обслуживания населения, а также другие виды деятельности..." Сразу за этим многоточием начинаются ограничения и запреты.

Первый тип ограничений относится к *субъекту*. Индивидуальной трудовой деятельностью разрешено заниматься домашним хозяйкам, инвалидам, пенсионерам, студентам, учащимся. А также всем остальным гражданам, но в *свободное от основной работы время*. Это значит, что из круга людей, допущенных к индивидуальному труду, заранее исключается основная и самая активная часть населения. Право заниматься такой деятельностью после службы мало что меняет. От человека, проработавшего полный рабочий день, трудно ожидать инициативы, предприимчивости и других замечательных качеств, о недостатке которых скорбят партия и правительство.

Да и не всякий вид деятельности вписывается в отведенные законом часы. Скажем, авторемонтная мастерская, открытая лишь по вечерам и в выходные дни, — учреждение неясное. Только в советских условиях подобное заведение и сможет функционировать, существует же такой экзотический вид соревнований, как бег в мешках...

Законодатель это тоже понимает. Поэтому в законе есть невразумительная, но многообещающая оговорка: "С учетом общественных потребностей в случаях, предусмотренных законодательством СССР и союзных республик, такой деятельностью могут заниматься также и другие граждане, не занятые в общественном производстве". Ясно, что существующее законодательство ничего подобного не предусматривает. Но, во-первых, соответствующий закон можно принять. Во-вторых, власти могут закрыть глаза на то, участвует ли частник в общественном производстве. Умудрились же они не замечать сотен тысяч "шабашников", "халтурщиков", "леваков" и прочих индивидуалистов, сумевших предвосхитить прогрессивные тенденции в развитии советского законодательства.

Другое ограничение — по *объекту*. В законе перечислено, что можно и чего нельзя. Однако сразу бросается в глаза, что между двумя фронтами пролегла широкая ничейная полоса. Журналисты уже кинулись со своими вопросами: а можно открывать кафе или чебуречные? печь лепешки? готовить соленья? а как насчет петушков на палочках? Доктор экономических наук Кунельский сослался на опыт Прибалтики, на обычаи изготовления национальных, традиционных блюд. Закон, сказал он, оставляет этот вопрос на усмотрение местных Советов.

Ясно, что подобный подход открывает широкие возможности для толкования — как ограничительного, так и расширительного. Надо думать, эта "вилка" возникла не случайно, она сознательно заложена в законе. Власти, как обычно, оставляют себе поле для маневра.

Третье ограничение касается *природы* частных предприятий. Такие предприятия должны базироваться исключительно на личном труде граждан и членов их семей; причем к числу членов семьи закон относит лишь людей, проживающих совместно.

Это условие, пожалуй, самое главное, ибо оно исключает из сферы частной деятельности важнейшую область — *производство*. Но даже при ремонте автомобиля возникают

обстоятельства, когда одному человеку не справиться. Хорошо, если у него есть сын. А если нет никого?

Снова следует оговорка. Государство поощряет объединение граждан в кооперативы, добровольные общества, товарищества. Эта оговорка может не означать ничего, но может — очень многое. В принципе товарищества строятся на разных принципах, все зависит от согласия товарищей. К примеру, тот из них, кто вносит основной пай, кто берет на себя организацию предприятия и руководство им, должен, видимо, получать больше того, кто занимается рутинной работой. При желании такую систему распределения можно считать справедливой (ведь никого не удивляет, что директор завода получает больше разнорабочего), но можно усмотреть в ней жуткий призрак эксплуатации.

Похоже, сами участники уже существующих "товариществ" (бригад шабашников, подпольных артелей) легко договариваются об условиях распределения, которые устраивают всех. Во всяком случае, я не встречал в печати материалов о конфликтах среди шабашников. Дело, следовательно, не в том, как сложатся отношения *внутри* товарищества, а в том, *позволят* ли власти решать эти вопросы самим "товарищам" или навяжут им искусственную систему взаимоотношений, которая сразу же превратит свободную артель в форпост социализма в кустарно-ремесленном промысле.

Вообще по отношению к товариществам закон, и без того не слишком многословный, проявляет поразительную сдержанность. Скажем, обязаны ли члены товарищества отработать полный рабочий день в общественном производстве или участие в товариществе приравнивается (хотя бы в некоторых отношениях) к службе? Ясно, что в первом случае кафе, чебуречные и прочие заведения, столь хорошо зарекомендовавшие себя в Прибалтике и Грузии, практически обречены. Кафе, которое открыто в течение двух-трех часов, вряд ли будет приносить прибыль.

К числу ограничений надо, безусловно, причислить и те статьи закона, которые относятся к получению разрешения, возможности запрещения, к контролю за ценами, к налогам. Казалось бы, какое дело государству до цен? Если цена будет слишком высокой, изделие просто не купят. Ну, что вы! "Рассчитывать на сверхприбыль... не стоит, — предупреждает Л.Кунельский. — Здесь тоже должен выдерживаться принцип социальной справедливости, соответствия доходов затратам личного труда граждан".

Понятно, что разрешения, запреты, налоги существуют всюду. Но в любой западной стране получить разрешение до смешного просто, а вот отнять разрешение — проблема. Там, где запрет может налагаться в административном порядке, у пострадавшего есть право обжаловать это решение в суде, причем судья, который будет рассматривать дело, не входит в номенклатуру райкома.

Налоги? Но чиновники на Западе свято следуют принципу, сформулированному еще Ильфом и Петровым: не режьте курицу, которая несет золотые яйца. Советских чиновников курицы, яйца и прочая снесь не интересуют. В 1925 году частники составляли примерно 10% общего числа работающих и давали почти четверть всего валового оборота промышленности. Однако, как пишет корреспондент АПН Д.Гуляев, "капиталистическая форма производства полностью исчерпала себя", и в 1985 году удельный вес экономической деятельности, основанной на личном труде, упал до 0,8%. Едва ли не главную роль в этом "исчерпании" сыграл пресс налогов...

До сих пор мы говорили о запретах и ограничениях, установленных законом. Ограничения можно смягчить, запреты обойти. Гораздо труднее обойти рвы и надолбы, созданные самой системой социалистического хозяйствования. Не случайно все журналисты, бравшие интервью у соответственных лиц, задавали один и тот же вопрос: *откуда?* Согласно ст. 4 Закона, "индивидуальная трудовая деятельность осуществляется гражданами с использованием сырья, материалов, инструмента и иного имущества, принадлежащего им на праве личной собственности..." Поелику советские граждане, в отличие от мистера Твистера, не имеют заводов, газет и прочего, закон разрешает им приобре-

тать все необходимое в государственной и кооперативной торговой сети, а равно на рынках. С этой целью местным Советам предписано оказывать упомянутым гражданам содействие, а Госкомитету по материально-техническому снабжению и Советам министров союзных республик — обеспечивать их ресурсами.

Закон есть закон. Но корреспондент Всесоюзного радио больше верит своему опыту. "Вот у меня такое опасение, — говорит он заместителю генерального прокурора. — Известно, например, что запасные части для автомашин сегодня дефицитны и на станции техобслуживания. Так если их нет там, что-то я сомневаюсь, что они будут у такого вот индивидуального мастера и что исполком местного Совета оставит свои более важные дела для того, чтобы снабжать этого мастера запасными частями". А что же прокурор: напомнил зарвавшемуся журналисту о силе закона? Нет, пробормотал нечто маловразумительное. Дескать, Госплану и Госснабу "следует подумать над решением этой проблемы". Видно, прокурор не хуже нас знает, что эти почтенные учреждения бьются над решением проблемы снабжения с первых дней своего существования. Впрочем, тут возможен и иной причинно-следственный ряд: проблема снабжения потому и возникла, что эти учреждения существуют...

Теперь представим себе картину с натуры. К сотруднику Госснаба, сидящему на листовом железе, мясе и прочем дефиците, приходит скромный труженик индивидуально-го фронта. Зачем приходит — ясно, и что ему ответит чиновник — тоже ясно. Если соответствующих материалов не хватает, кого надлежит предпочесть: Магнитогорский комбинат или гражданина Задрипкина? Но то, что ясно нам, ясно и ему. Поэтому с пустыми руками он не придет. Он постарается *подкрепить* просьбу надлежащим образом.

Собственно, вопрос о "подкреплении" возникает много раньше, в самом начале индивидуальной трудовой деятельности. Местный Совет может разрешить занятие этой самой деятельностью, а может и не разрешить. Не разрешить — всегда проще, особенно если то, о чем идет речь, хоть самым малым краешком высовывается за рамки закона. Понятно, просьбу следует подкрепить или, говоря языком народа, — дать на лапу.

Размер налога — штука тоже тонкая. Если взглянуть с одной стороны... Но можно ведь и с другой. Короче, налоговый инспектор — всего лишь человек, ему, как и Марксу, ничто человеческое не чуждо. И другим не чуждо: контролерам, ревизорам, работникам милиции и прокуратуры, пожарникам, санитарной инспекции...

Легко догадаться, что все эти налоги — официальные и не совсем — оплачивать будем мы, потребители. Вокруг частника (то есть вокруг нас) возникнет целая индустрия перераспределения — то, что на Западе именуется черным бизнесом.

Государство, конечно, будет с ним бороться; прогрессивные журналисты — вздыхать, что к полезному труду примазалась всякая нечисть; ретрограды — вопить, что вот она, капиталистическая стихия; мы — ругать этих рвачей-частников, которые разоряют рабочего человека.

Забавно, что власть будет это возмущение поддерживать. Кто виноват в дефиците? Товароведы и завскладами. В очередях? Продавцы и завмаги. В нехватке мест в гостиницах? Администраторы. В плохом качестве товаров? Рабочие. Ситуация типовая: виноваты все, кто ведет себя в полном соответствии с обстоятельствами, в которые его поставили. Кто поставил? А вот этот вопрос лучше не задавать. Куда проще, спокойнее, а главное, безопаснее ругать рвачей, хапуг, спекулянтов, взяточников...

Глава III,

где предпринята попытка уразуметь, каких бед следует и каких не следует опасаться

Кажется, Клаuzeвицу принадлежит поразительно смелая мысль о том, что канаву не переходят, спускаясь на дно, а потом карабкаясь вверх. Через канаву прыгают. Между тем перестройка экономики ведется такими мелкими шагами, что это больше напоминает топтание на дне канавы.

Понятно, переделка советской экономической машины — задача невероятно трудная. Ни одна страна (ни Китай, ни Венгрия, ни Вьетнам) не зашла так далеко по пути социалистических преобразований — создания хозяйственного механизма, опирающегося на самые основы экономики. Но именно поэтому всякого рода ремонтные работы, даже если они включают замену отдельных деталей, малоперспективны. Нужен новый подход.

В этом смысле Закон об индивидуальной трудовой деятельности давал советскому руководству исключительно благоприятные возможности. Вовлечь в производственную деятельность миллионы людей. Увеличить национальный доход за счет массы товаров высокого качества. Испытать конкурентоспособность разных форм собственности (и соответственно методов управления хозяйством) в условиях, когда командные выгоды в экономике принадлежат государству.

К сожалению, все эти возможности остаются нереализованными. Прежде всего, та новая (для СССР) система отношений, которую допускает закон, практически не распространяется на основную сферу — сферу производства, затрагивая лишь *экономическую периферию*: мелкий кустарный промысел, быт, услуги. Это примерно то же, что отменить цензуру в стенных газетах, сохранив ее для средств массовой информации.

Далее. Если даже допустить, что в каких-то узких областях конкуренция все-таки возникнет, то ее условия заведомо не равноправны. Дело не только в том, что у государства заводы, фабрики, электростанции, а частному предпринимателю надо начинать с нуля. Худо то, что к конкурентной борьбе допускаются лишь люди *ущербные*. Ущербные либо от природы (пенсионеры, инвалиды), либо в силу социальных обстоятельств: домашние хозяйки, студенты, мужчины, отдающие основные силы службе. Похоже, что руководство вроде бы и хочет увеличить национальный доход, создать узкую полосу для конкуренции, и боится последствий. Каких именно?

Первое, что приходит в голову, — увеличение денежной массы в частном обороте. Однако большая часть товаров и услуг, предусмотренных новым законом, адресуется гражданам. Значит, все сводится к перераспределению средств, и без того находящихся в руках населения. Государство как таковое при этом ничего не потеряет. Кое в чем даже выиграет. Деньги, которые сейчас (за неимением товаров и услуг) лежат мертвым грузом и дают на экономику, усиливая инфляционные процессы, наконец, найдут применение. Соответственно ослабнет напряжение в социальной сфере. И потому, что людям, у которых есть деньги, позволят их потратить. И потому, что тем, кто хочет работать и зарабатывать, дозволит это делать. Страшно подумать, сколько лет и сколько жертв потребовалось, чтобы партия, вооруженная самой передовой теорией, дошла до понимания азов экономической и социальной арифметики...

Другая, более реальная опасность — отток в сферу индивидуальной трудовой деятельности значительной части трудоспособного населения. В таких случаях ссылаются обычно на опыт ГДР, где попытка допустить существование смешанных государственно-частных обществ кончилась печально. И как раз по той причине, что частники привлекали лучших специалистов, сманивая их высокой оплатой.

Третье соображение касается социального расслоения общества, тех явлений, которые наблюдаются в Югославии, Венгрии, Китае. Работники государственного сектора, еле сводящие концы с концами, видят в богатящихся частниках нуворишей, выскочек, обогатившихся за их счет.

И снова возникает грустный вопрос: почему это происходит? Почему ни в одной западной стране нет спекулянтов, торгующих экзотическими фруктами и импортом, завмагов, наживающихся на дефиците, дельцов, промышленяющих непонятно чем? Ответ прост. На Западе все поставлены в *одинаковые* условия, в условия свободного рынка. *Все* конкурируют, *все* платят налоги, *все* зависят от того, купит ли потребитель их продукцию. Подобная система автоматически выравнивает шансы, приводя к общему знаменателю труд людей самых разных профессий и квалификаций. К примеру, доход хозяина среднего магазина примерно равен зарплате среднего инженера, а работает хозяин никак не меньше и не легче. Такова простая и бесконечная сложная механика свободного рынка...

Повторяю, нужен новый подход. Необходимость в нем ощущают даже страны с традиционно низким уровнем жизни. Недавний съезд Коммунистической партии Вьетнама, на котором всему руководству партии и правительства пришлось открыто признать свои провалы и уйти в отставку, — лучшее тому доказательство. Людям в Кремле есть над чем подумать.

При большом оптимизме Закон об индивидуальной трудовой деятельности можно рассматривать как первую робкую попытку вырваться из призрачного замка показателей в живой мир экономических реальностей. При таком взгляде на вещи и нарочитую недосказанность закона можно толковать в его пользу: главное — пробить брешь в стене, потом она сама начнет расширяться.

Однако бывалые люди что-то сомневаются в таком развитии событий. 11 декабря "Известия" опубликовали очередную подборку писем в газету. Читательница М.Шандыгаева обратилась в ростовский горфинотдел для разрешения продать изготовленные ею вещи — и вернулась домой "униженной и оскорбленной". Мало того, что Шандыгаеву отрутали. Ее лишили пенсии, обложили... нет, не матом, конечно, но еще хуже: высочайшим налогом.

Лишили пенсии и жителя Баку Г.Дика, тяжелобольного человека, который прирабатывал 50 рублей в месяц, печатая на машинке. "Вот я и хочу спросить, — горестно вздыхает Дик, — почему человеку, который хочет до конца своих дней быть чем-нибудь полезным, улучшить свой бюджет, ставят палки в колеса?"

Ох, если бы все объяснялось только ленью и косностью должностных лиц. Увы, дело обстоит гораздо серьезнее. В стране десятилетиями запрещалась всякая индивидуальная деятельность. Естественно, что любую меру, ослабляющую этот контроль, дающую людям (хотя бы пенсионерам, хотя бы инвалидам) крупницы независимости, аппарат считает подрывом основ. Не о шерстяных платках и не о беспokoйстве идет речь. *Речь идет о власти.*

В своем первом программном докладе (апрель 1985 года) М.С.Горбачев сказал: "В большинстве отраслей научно-технический прогресс протекает вяло, по сути дела эволюционно — преимущественно путем совершенствования действующих технологий, частичной модернизации машин и оборудования. Конечно, эти меры дают определенную отдачу, но она слишком мала. Нужны революционные сдвиги..."

Создается впечатление, что по достоинству оценив этот вялый, эволюционный путь развития применительно к *технике*, генеральный секретарь теперь использует его при перестройке хозяйства. Разумеется, с тем же успехом. ●

ЧТО ПРОИСХОДИТ В СССР?

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Теперь уже невозможно сомневаться в том, что период зстоя кончился, — перемены, начавшиеся в стране, подчас обгоняют наши предположения. Что происходит? Насколько искренне стремление нового руководства перестроить внутреннюю политику и экономику? Каковы возможные последствия этих перемен? С этими вопросами редакция обратилась в конце минувшего года к журналистам, писателям, ученым — деятелям эмиграции и зарубежным специалистам. Даже за сравнительно короткое время, которое потребовалось для сбора и подготовки этого материала, многое успело измениться, и некоторые частные суждения участников заочного круглого стола, возможно, нуждаются в поправках. Но это само по себе говорит о том, что часы истории в нашей стране стали идти в несколько раз быстрее.

Абдуррахман АВТОРХАНОВ

И хочется, и колется

Когда советская система очутилась в тупике, догматики из Кремля вспомнили своих вероучителей. Вспомнили Маркса, что неизбежна революция, если "производительные отношения из форм развития производительных сил превращаются в их оковы". Вспомнили Ленина, что неизбежна революция, когда правители не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому. Вспомнили и польскую революцию "Солидарности", которая произошла внутри социализма против социализма. Вспомнив, сделали вывод — предупредить такую революцию. Отсюда — "перестройка".

Движение в тупик, собственно, обозначилось с тех пор, когда партия предпочла диктатуре одной личности диктатуру олигархии, при которой за политику отвечает "коллективное руководство", то есть никто персонально. Эта обезличка на вершине власти была реакцией на разоблачение преступлений Сталина и "волютаризм" Хрущева, что вызвало в партии не только психологический шок, но и кризис веры в коммунизм, создав атмосферу цинизма, нигилизма, вседозволенности. Результат — повсеместное падение дисциплины, тотальное расстройство экономического механизма, круговая порука организаторов коррупции и воровства на всех уровнях. Такой досталась страна Горбачеву, когда он, апеллируя к Ленину периода нэпа, взялся за "революцию сверху", чтобы предупредить революцию снизу, — взялся за "революционную перестройку". По его словам, эта перестройка — "настоящая революция во всей системе отношений в обществе". Активу партии он предлагает вернуться к аскетическому образу жизни большевиков ленинских времен. Если бы за этим всерьез последовали дела, это означало бы новую социальную революцию против созданного Сталиным "нового класса" со всеми его правовыми и материальными привилегиями. Заявление генсека раскололо "новый класс" на два лагеря: на большинство саботажников "перестройки" и на горбачевское меньшинство ее сторонников. Нынешняя ситуация в партии характеризуется обострением закулисной борьбы между этими лагерями за и против "перестройки", чего не отрицает и само новое руководство (Лигачев: "Идет борьба. Борьба сил обновления с теми, кто хотел бы пустить перестройку под откос".) Исход этой борьбы не зависит от Горбачева, пока он остается лишь исполнителем коллективной воли ЦК.

В экономической области Горбачев, на мой взгляд, держит курс на модернизированный нео-нэп, о чем говорят как частые ссылки на экономическую стратегию ленинского нэпа, так и некоторые практические шаги. Ленин призывал коммунистов учиться хозяйничать у капиталистов, чтобы социализм функционировал так же эффективно, как и капитализм. Некоторые элементы такой учебы уже налицо: допущение иностранного капитала к участию в советской промышленности путем создания смешанных советско-иностранного предприятий, децентрализация монополиями внешней торговли, усиленные поиски связей с международными технологическими, финансовыми и торгово-промышленными объединениями. В сельском хозяйстве вводятся аккордные сделки, подрядный труд, семейные фермы, допускается индивидуальная трудовая деятельность в рамках семьи.

В общественно-культурной жизни есть намеки на новую "оттепель", с разоблачениями в печати не только высокопоставленных жуликов, но и известных уродств самой системы, проводятся эксперименты с дозированной свободой мнений, как это было на съездах писателей и кинематографистов.

В ходу явно либеральные лозунги: "новое мышление" (но на основе мышления марксизма-ленинизма), "гласность" (но под негласным надзором КГБ), "открытость" (но со страной на замке).

Сейчас еще нельзя говорить о политике Горбачева. Есть двойственная и противоречивая политика олигархии как результат компромисса в продолжающейся борьбе между реформаторами и антиреформаторами. Исход этой борьбы трудно предсказать, но легко предсказать другое: свою "революционную перестройку" с "радикальными реформами" Горбачев может провести только в том случае, если он сумеет подчинить своей личной власти партию и армию, а КГБ, реорганизовав, лишит права вмешиваться в политику государства.

о. Михаил АКСЕНОВ-МЕЕРСОН

Единственная гарантия

В Советском Союзе идут радикальные перемены, отрицать которые было бы непростительной слепотой. Само руководство трубит о них громче всех, называя их широким процессом демократизации, который охватывает все сферы советского общества. Экономика — главное поле реформ. Вот уже более полутора лет цветет крестьянское "личное подсобное хозяйство", дающее около 30% сельскохозяйственной продукции. Недавно в "советском парламенте" прошел закон, разрешающий частное предпринимательство в сфере обслуживания в ограниченных масштабах. Фактически в СССР вводится нэп.

Дают ли эти реформы основание для надежд, что мы движемся, так сказать, вперед "к победе капитализма", что режим последовал примеру смешанной экономики восточноевропейских стран и Китая? Или же просто власть куражится в очередной раз, дескать, все проходит, "и это пройдет"?

А может быть, нынешний возврат к нэпу подтверждает справедливость концепции Алена Безансона ("Краткий очерк советологии"), который утверждает, что в основе советской политики лежат две попеременно применяемые общие модели, которые он обозначает их собственными именами, так как обе они уже были применены в первые годы советского режима: военный коммунизм и нэп?

Безансон предлагает взглянуть на отношение режима к гражданскому обществу под биологическим углом зрения, как на отношение паразита к живому организму, в котором и за счет которого он существует. Если последний погибнет, паразит разделит его судьбу. Иногда достигается устойчивое сосуществование паразита и организма, который не способен полностью избавиться от него. Но в советской модели французский историк видит не устойчивый симбиоз, а колебания с большой амплитудой, в пределах которой гражданское общество сохраняется от уничтожения, а режим не поддается рассасыванию и перерождению. Вот эти-то колебания, в которых активной стороной всегда оказывается режим, Безансон и называет двумя постоянно меняющимися тактиками — военного коммунизма и нэпа.

Хотя эти две политические модели не существуют в чистом виде и элементы одной всегда присутствуют в другой, они могут служить инструментом анализа для понимания конкретных ситуаций, в том числе и нынешней.

Уже за первым нэпом последовал новый этап военного коммунизма 30-х годов, имевший целью восстановить полноту власти режима над гражданским обществом. Такова коллективизация, затем сталинский террор. Война, поставившая режим в зависимость от населения, привела к послаблению, которое было отнято в конце 40-х годов. Сразу же после смерти Сталина партия перед лицом надвигающейся катастрофы предприняла политику третьего нэпа. Однако с падением Хрущева ему на смену снова пришел, хотя и в значительно смягченном виде, военный коммунизм брежневской эпохи. После нескольких лет переходного периода новое руководство возвращается к нэпу.

Но изменил ли режим свою природу? Отказался ли он от идеологии? Дал ли он свободу "самодеятельности" народу, то, что в период либеральных реформ прошлого века получило название земства? Даровал ли он всеобщую амнистию политическим, культурным, религиозным диссидентам, которые были посажены за требования той самой демократизации, о которой он сегодня трубит? Пока мы этого не видим. Значит ли это, что вообще ничего не происходит? Нет. Всякое движение и реформа в советских условиях есть проявление жизни, за которую следует благодарить Бога. Они дают гражданскому обществу вздохнуть свободнее, нарастить немного мускулов для развития своей самодеятельности. Тем не менее при всем сочувствии нынешней демократизации сверху надо подчеркнуть, что независимое правозащитное движение пока остается единственной гарантией того, что режим не сможет завтра с легкостью отнять все то, что он обещает и дает сегодня.

Борис ВАЙЛЬ

*Лед тронулся,
господа присяжные заседатели*

На верхах нашлись, наконец, люди, которые поняли, что надо что-то делать, что-то надо менять. Разрешение печатать ранее запретных авторов или не очень удобные для власти произведения; обсуждение тем, на которые раньше были наложены табу; "Закон об индивидуальной трудовой деятельности" — все это надо считать добрыми знаками.

"...Сдвиги начались, позитивные перемены происходят, но не в таких масштабах, которые нам нужны" (М. Горбачев на совещании в ЦК КПСС 14 ноября 1986 г.). Не в таких масштабах и не во всех желаемых направлениях.

Существенно, впрочем, то, что никто не может гарантировать необратимость этого процесса. Слишком много было на нашей памяти "оттепелей" и последующих заморозков...

Петр ВАЙЛЬ, Александр ГЕНИС

Федот, да не тот

Реформы Горбачева застали нас врасплох. Мы прилежно занимались историей 60-х годов, работая над книгой, описывающей бурную и эклектичную эпоху хрущевского либерализма. И вдруг в России все стало повторяться. То, что нам казалось уже принадлежащим истории, опять оживило в стране. Мы стали путать газеты 25-летней давности с теми, на которых стояло сегодняшнее число.

Сходство теперешней России с Россией шестидесятих годов иногда кажется просто мистическим. XXVII съезд КПСС открылся в тот же день, что и знаменитый XX, — ровно 30 лет спустя. Страна опять взяла курс на отрицание прошлого — на этот раз не сталинского, а брежневского. Опять главным оружием идеологии стала беспощадная критика собственных недостатков. Опять советскую культуру захлестнула волна тотальной публичности. Вышли из забвения кумиры 60-х — Окуджава, Евтушенко, Вознесенский. А во главе страны оказался их ровесник и читатель Горбачев.

Вроде бы каждая мелочь сигнализирует: эпоха повторяется. Вдруг возродился КВН. Началась памятная по тем временам неразбериха с приусадебными участками. В программу КПСС вносят поправку о важности кукурузы. "Литературка" воюет за то, чтобы такси отдали в частные руки, — такие же статьи чуть ли не тех же авторов в той же газете печатались четверть века назад.

И все же мы считаем, что различия двух эпох значительно важнее их несомненного внешнего сходства.

60-е были периодом идеализма. Перед обществом стояла грандиозная цель. На официальном языке она именовалась построением коммунизма. Но одни понимали под этим условным термином придание режиму человеческого лица, другие — торжество искренности над фальшью, третьи — движение гражданского сопротивления и нравственного возрождения. Цель — прекрасная и утопическая — озаряла советское общество от оттепели 56-го до апатии, наступившей после 68-го.

Эпоха Горбачева — исключительно прагматическая. Сегодня господствующие идеи общества ведут не к тому, чтобы *жить правильно* (как в 60-е), а к тому, чтобы *жить хорошо*. Не зря ключевыми словами пропаганды стали термины не цели, а процесса: "ускорение", "перестройка".

Нынешний герой не мечтатель-бессребреник, а деловой человек — честный, работающий бизнесмен. Скажем, "правильный" инженер образца 86-го года после работы не острит в КВНе, а садится за баранку в поисках "второй зарплаты".

Горбачевская Россия пытается вернуться к реальности, ввести рыночную экономику, потихоньку избавиться от партийной демагогии. Такой реализм уже оказывает влияние на социально-культурный процесс. Например, из-за изменения шкалы престижности размывается сословие советской интеллигенции. Теперь борются не с деньгами (как в те же 60-е), а за них. Упомянутый инженер за баранкой беспокоится о зарплатке, а не о престижном имидже, к которому его вынуждала интеллигентная профессия.

Шестидесятые существовали мифом об утопическом характере советского общества. В восьмидесятые этот миф уже не работает. Идеалы всеобщего равенства, справедливости и счастья перестали служить даже сюжетам анекдотов. Советский Союз уже не хочет быть лучше всех. Он хочет быть не хуже — если не Америки, то хотя бы Югославии.

Все это ведет к тому, что советское общество теряет свой исключительный характер. Страна идет по пути конвергенции с Западом. Ориентируется не на прежний утопический — уникальный — идеал, а на более скромный, приземленный и реальный западный образец. Это обещает советскому человеку более зажиточную, более стабильную и даже более свободную жизнь — правда, лишенную идеалистических взлетов (и провалов) эпохи 60-х.

Богатырь на распутье

...В Доме кино Натан Эйдельман делает доклад на тему "Свобода на Руси". Суть: в России опричина началась в XVI веке и до сих пор не кончилась. Нельзя замалчивать исторические личности — Хрущева, Сахарова, Солженицына. Свобода возможна только при условии, что будут выпускать и выпускать всех. Народ рукоплещет, встает, овации. Из первых рядов неизвестный мощный голос: "Не вам, Нолик, рассуждать о свободе на Руси! Не вы должны писать о Пушкине и Радищеве! Хлопочите о свободе выезда в Израиль". Реакция зала мне неизвестна, но, кажется, для всех, кроме немногих чутких ушей, все потонуло в овациях, и докладчик сиял.

На Пречистенке (переназванной уже официально) открылось кооперативное кафе. Главное блюдо — поросенок с гречневой кашей.

Молодежную выставку обругали в газетах за недостаток смелости. Устроители оправдывались нехваткой таланта у самих левых художников и обещали выставить все.

Каждое воскресенье устраивают ярмарки на площадях. Красота неопишуемая.

Академик Лихачев считает необходимым пересмотреть отношение к "Доктору Живаго" и рекомендовал бы немедленно напечатать.

На первый курс в Московскую духовную семинарию принято в пять раз больше народу, чем в прошлом году. Поступило много ребят с высшим образованием, приняты и те, кто уже пытался и не мог. Однако отца Марка Вольфсона лишили сана. И, по-видимому, среди принятых нет крещеных евреев.

В "Огоньке" напечатана подборка стихов Ходасевича. А еще раньше — Гумилев, с анекдотической статьей какого-то военного о том, что Гумилев блюл присягу и не мог не бороться с советской властью...

Зачем страховским крестьянам (село Страхово Тульской области, 133 км от Москвы), котормы опять разрешили — и даже помогают — держать коров, зачем им думать о том, истинна ли это либерализация или очередная каверза режима? Заслуживающие уважения мужики и особенно бабы взялись за дело, и уже прошлым летом почти во всех домах было по две коровы с телятами и молока — залейся. "Ежли он не проплет урожаю, я того мужика уважаю".

Но нам, находящимся вне, выпала счастливая возможность и тяжкая обязанность — смотреть со стороны, обобщать и взвешивать.

Реальны ли перемены? Да. Независимо от того, какой этап партийной борьбы вылился в причудливые формы "гласности" и "свободы", самый тот факт, что Горбачев пожелал Сахарову труда на благо нации и родины, порождает реальную перемену в стране.

Перемену ли к лучшему? Увы, перемены к лучшему в нашей стране невозможны. Это аксиома. Для очень большого числа людей (партия) эти перемены опасны. Они хотят физической смерти Горбачева и его людей. В борьбе за свою жизнь что он может предпринять?

1) Политика либерализации без замены идеологии. Чешская, венгерская, etc. Это обречено, так как "не может устоять царство, разделившись само в себе".

2) Другой тип коммунистической диктатуры (Китай?), более устраивающий его лично. И это обречено, так как коммунистическая идеология мертва, а совсем без энтузиазма нельзя даже починить водопровод.

3) Попытаться произвести настоящую революцию сверху (вероятность — менее одного процента!), то есть открыто сменить идеологию. Тогда:

3-а — насадить демократию западного типа ("настоящую"). Обречено, и даже пытаться не будет, так как понимает, что погибнет, непонятый и одинокий, раньше, чем начнется первая откровенно западная реформа;

3-б — провозгласить "православие, нашедержавие, народность". Эта идеология, назовем ее для краткости русским фашизмом (отнюдь не нацизмом, он тоже существует, но, слава Богу, слаб), способна сейчас зажечь массы, понятна даже парторботнику на периферии и — имеет, на самом деле имеет много преимуществ. Если такой режим удержится, Россия на первых порах станет провинциальной и агрессивной державой вроде Московского царства, займется выяснением отношений со своими азиатскими окраинами и соседями, оздоровит экономику и, если Господь поможет своим людям, то в будущем, при помощи православия выйдет вновь на мировую арену и просияет так, как этой ей суждено. Аминь.

Но нам, той интеллигенции, которая не согласна присоединить к этому подлежащему никакого определения, не "православной интеллигенции", не "атеистической интеллигенции", не "либеральной", не "западной", не "славянофильской", не "национальной", а *только* интеллигентной интеллигенции, — нам будет в любом случае плохо. В вариантах 1, 2, 3-а после неудачных попыток перемен наступит разной степени жестокости реакция. И даже при самой слабой реакции первой жертвой ее будем "мы все". В варианте 3-б гармония возрожденной русской нации будет несомненно строиться на слезах (и костях) в первую очередь "нас всех". Дело даже не в том, что жалко жизни, но ценой нашей жизни будет куплено не спасение России Христовой правдой и верой, а всего только укрепле-

ние ее мощи и, может быть, такое же надругательство над верой и Церковью, каким иногда бывало православие в дореволюционной России.

Итак, хорошего не будет. Чудо, конечно, всегда возможно, но достойны ли мы? И я не решилась бы так безжалостно судить о России издали, если бы не думала о том, что, быть может, наш долг — вернуться, даже если это возвращение навстречу смерти.

Томас ВЕНЦЛОВА

Вторая оттепель

На Западе (особенно на десятом году эмиграции, когда живое ощущение страны уже во многом утрачено) трудно судить о новых явлениях в Советском Союзе. До меня доходят вполне оптимистические слухи и письма, в том числе по неофициальным каналам и от лиц, заслуживающих доверия. Но то, что пока происходит, кажется лишь ослабленным повторением хрущевской оттепели. Должен сказать, что на мой взгляд хрущевская оттепель была огромным событием, и даже ослабление ее повторение заслуживает внимания; если же "вторая оттепель" разовьется, то возникнет действительно новая ситуация, которая может потребовать переоценки многих взглядов — как среди оппозиции внутри страны, так и в эмиграции. Вероятность эволюции СССР и превращения его в более нормальную страну невелика, но я не думаю, что она является нулевой.

Насколько серьезным явлением окажется "вторая оттепель", не знаю, но критерий для меня здесь очень прост: безоговорочная амнистия *всех* политзаключенных, предоставление возможности эмигрировать тем из них, кто этого пожелает, и работы по специальности в нормальной обстановке тем, кто эмигрировать не желает. Если бы это произошло, атмосфера в СССР изменилась бы существенным образом и возникла бы надежда на дальнейшие реальные, а не косметические перемены.

Юлия ВИШНЕВСКАЯ

Хоть немного, да легче

Я очень внимательно читаю советскую печать в последнее время, слежу за передачами советского радио и телевидения. В силу чего могу подтвердить мнение специалистов: пока что в Советском Союзе гораздо больше острых материалов с требованием радикальных реформ, чем дел, то есть самих реформ. Пока что принятые новым руководством законы, такие, как постановление о выезде за границу по частным делам или закон об индивидуальной трудовой деятельности, — скорее разочаровывают. Иными словами, самые значительные перемены произошли там, где слово и есть дело — то есть в сфере печати и других средств массовой информации, во-первых, и в сфере культуры, во-вторых.

Боюсь, что люди, не имеющие возможности следить за советской прессой, склонны недооценивать размеры горбачевской гласности: все знают, например, что впервые за много лет советская печать стала сообщать о стихийных бедствиях и катастрофах и о человеческих жертвах при катастрофах на территории СССР, но многие думают, что высказывание точки зрения, согласно которой в бедах этого общества виновата *система*, а не отдельные лица и организации, — все еще привилегия Самиздата. Это неверно, в советской печати эта точка зрения высказывается все чаще и чаще. Или возьмем такую магистральную для Самиздата тему, как порочность советского права. Публикации на эту тему сильно напоминают главу "Закон сегодня" из третьего тома "Архипелага ГУЛаг": больше не секрет, что в Советском Союзе коррумпированные начальники сажают в тюрьму честных людей, что в советских судах царит не уголовное (гражданское, трудовое), а телефонное право, что практически исчез оправдательный приговор, что советские судьи стремятся влить подсудимому максимальный срок наказания, боясь обвинений в либерализме, что отсутствует право на защиту, что советские следователи, выполняя план "раскрытия" преступлений, совершенных в их районе, применяют "физические методы воздействия", заставляют подсудимых признаваться в преступлениях, которые те не совершали, а советские суды механически проштамповывают дутые приговоры, основанные на данных предварительного следствия. Что вообще советским обществом правит не закон, опубликованный в "Ведомостях Верховного Совета", а секретная инструкция. Обо всем этом сегодня можно прочитать в советских газетах, да еще с подробностями, самиздатчи кам неизвестными: ведь об этом пишут, в частности, обремененные научными степенями и знаниями ученые-правоведы, у которых под руками и информация, и статистика.

Точно так же публикуются в СССР книги, которые раньше были напечатаны за границей, в эмигрантских изданиях, или лежали десятилетиями. И даже такие, которые еще год назад просто невозможно было представить напечатанными в Советском Союзе, — например, "Собачьё сердце" Михаила Булгакова. Писатели, чьих десятилетиями запрещали и травили, — Булгаков, Цветаева, Пастернак, Ахматова — сегодня официально признаны классиками; в их честь открывают музеи, им

ставят памятники, их цитируют, — в то время как имена их современников — лауреатов сталинских премий поменьше исчезают со страниц критических обзоров и из читательской памяти.

Из "дел", наверное, самое значительное — смена руководства в Союзе кинематографистов СССР весной этого года. После этого кинематографы создали комиссию, которая вернула на экраны страны около двух десятков фильмов, запрещенных цензорами из Госкино. Что уже совершенно беспрецедентно — снова вышли на экраны кинотеатров Москвы и страны "Сталкер" и "Андрей Рублев" эмигранта Андрея Тарковского. (Между прочим, изменился и тон советских публикаций об эмиграции: мы больше не изменим Родины, а люди, пережившие трагедию разлуки с Родиной. Что как-то более человечно.)

Короче говоря, как бы ни были незначительны перемены, происшедшие в стране после апреля 1985 года, трудно не признать, что это перемены к лучшему, а не к худшему. Нашим родным и друзьям, оставшимся там, хоть чуть-чуть, а жить стало лучше, а не хуже. Поэтому, чем ругать нынешнее советское руководство за то, чего оно еще не сделало, мне лично кажется гораздо целесообразнее подумать, что (в своей должности Генерального секретаря ЦК КПСС, а не президента страны с многовековой демократической традицией) М.С.Горбачев вообще может сделать. В смысле — без того, чтобы быть моментально съеденным собственным аппаратом.

Понятно, что Политбюро не может в нынешних условиях самораспуститься и объявить всеобщие, прямые, равные и тайные демократические выборы в Верховный Совет. Но они могут амнистировать политзаключенных — отпустить из тюрем и лагерей людей, которые были арестованы только за то, что писали в Самиздате то же самое, о чем сейчас пишут советские газеты. Они могут отменить глушение иностранных радиопередач и разрешить свободную продажу хотя бы некоторых западных газет некоммунистического направления (таких, как "Нью-Йорк Таймс", "Монд" или "Гардиан"). Они могут разрешить гражданам СССР выезжать за границу на тех же основаниях, как это делается во многих государствах Восточной Европы (скажем, в Югославии, Венгрии или даже в Польше). Мне кажется, им легче провести в стране экономические реформы, как в Венгрии или в Китае, чем отменить закрытые распределители для номенклатуры.

Мне кажется также, что советское руководство при Брежневе совершило ошибку, по-бандитски воспользовавшись захватом американских дипломатов в Иране для оккупации Афганистана. Лучше бы им было пойти на сотрудничество с США хотя бы в этом случае — прецедент был опасный для всех. В результате Советский Союз выступил в качестве истинного врага Соединенных Штатов, готового воспользоваться любым несчастьем американского народа, чтобы прихватить все, что плохо лежит. Плоды такого отношения Горбачев и пожинать теперь после Рейкьявика. Однако допустим, что учитывая его взаимоотношения с военными, Горбачеву сегодня гораздо труднее вывести войска из Афганистана, чем Брежневу было в свое время туда их ввести. Но они могут хотя бы избежать подобных ошибок в будущем. Если теперешнее руководство действительно хочет наладить отношения с Западом (а похоже, что они очень этого хотят), у них не остается никакого выхода, как только прекратить поддержку международного терроризма. Почему бы им не пойти на сотрудничество с Западом для ликвидации международных террористических банд (тем более, что игра зашла слишком далеко и может в один прекрасный момент очень плохо кончиться)?

Что же касается общей оценки происходящего сейчас в Советском Союзе, то вообще-то говоря, ничего неожиданного тут нет. Многие западные журналисты, ученые-советологи и, между прочим, Рой Медведев давно предсказывали смену поколений в советском государстве и, как следствие ее, выход на политическую арену менее консервативно настроенных лидеров. Владимир Войнович вскоре после смерти Брежнева в своем интервью "Русской мысли" предсказал "либерализацию лояльной общественной мысли" в Советском Союзе. Можно сказать, что этих перемен ждали так давно, что и ждать устали.

М.С.Горбачеву досталось очень тяжелое наследство. Его предшественники довели страну до ручки, причем не только в экономическом, что было бы еще полбеды, но и в духовном отношении. Сколько бы ни были искренними попытки нынешних наследников Ленина—Сталина—Брежнева исправить положение, им придется считаться с еще одним фактором, причем весьма неприятным: все их предшественники так долго и столько вралы, что ни одному советскому лидеру (будь то русский Дубчек или русский Имре Надь) еще долго никто не будет верить ни внутри страны, ни за рубежом.

Владимир ВОЙНОВИЧ

О перестройке

Отвечу на ваши вопросы конспективно.

К нынешней перестройке я отношусь очень серьезно. Независимо от того, как она замыслена и независимо (не совсем зависимо) от пределов, до которых она дойдет, последствия ее будут глубокими.

Я вовсе не думаю, что в результате постановлений высших органов власти советское общество скоро станет идеальным или хотя бы нормальным. Такого не может быть при однопартийной систе-

ме (причем как называется партия, совершенно неважно). Однако я думаю, что попытки сделать систему более жизнеспособной, несомненно, приведут к некоторому ее очеловечиванию, что (может быть, в очень-очень отдаленной перспективе) подготовит почву для перехода к демократическим формам правления.

Разумеется, вся эта перестройка не может пройти безболезненно, она опасна разными осложнениями, а может быть, и неприятностями, для которых следует подобрать более сильное определение. Поэтому шаги в направлении перестройки будут отличаться половинчатостью и непоследовательностью ее сторонников и сильным сопротивлением или даже саботажем ее противников.

Ситуация кажется одновременно и трагической, и комической (но не трагикомической), потому что приступая к перестройке, некоторые ее сторонники сами же ее боятся не меньше, чем противники, и поэтому сами же ей противятся. Конкретно ей противятся не только разные звенья парт- и госаппарата, но даже Политбюро. И даже Горбачев противится сам себе. В его оправдание надо добавить, что трудно представить себе человека, который (желая вывести страну из тупика, а не ввергнуть в состояние хаоса) на месте Горбачева вел бы себя иначе.

Сторонники перестройки призывают к тому, чтобы сделать ее необратимой. Для этого еще ничего конкретно не сделано. Тем не менее она уже необратима (в истории обратимых шагов не бывает).

Перестройка, до каких бы пределов она ни дошла, возбудит многие надежды и честолюбивые замыслы, вызовет желание активно действовать и усилит стремление активно противодействовать. Она безусловно отразится на литературе (я жду появления не только новых книг, но и новых писателей), на диссидентском движении, вызовет брожение в "братском" лагере и приведет к серьезным внутренним и международным осложнениям. На каком-то этапе система будет сильно дестабилизирована, и эволюция ее к нормальному обществу станет возможной только при последовательном реформировании сверху и без безумных крайностей снизу. Короче говоря, последствия начинающейся перестройки будут или благоприятные, или даже ужасные, но в любом случае через несколько лет советское общество будет сильно отличаться от того, каким мы его привыкли видеть.

В предвидении решительных изменений советской системы я с одной своей знакомой держал не очень частное пари, поставив 10 английских фунтов против ее дома в Лондоне. Установленный мною пятилетний срок истек, и я согласен считать себя (с оговорками) проигравшим. Но будучи человеком предусмотрительным, я совсем недавно заключил следующее пари (еще на пять лет) с немецким профессором (из русских эмигрантов), поставив на этот раз 100 марок против 100 000, так что мои надежды на перестройку покоятся на материальной основе.

Михаил ВОСЛЕНСКИЙ

Закон обратной пропорциональности

Было бы, вероятно, в равной степени ошибкой как впасть в раж по поводу новых явлений в Советском Союзе, так и не замечать их. Проблема не в том, что таких явлений нет (они есть); проблема в том, что волна "обновления" прокатывается по советскому обществу уже не в первый раз, но кардинальных перемен не приносит. Тревожно то, что графически она выглядит как *затухающее* колебание.

Первой волной был нэп. Он действительно переименовал тогда жизнь страны: после "военного коммунизма" с его "красным террором", реквизициями, продотрядами, чека и прочим, нэп оживил экономику, поднял жизненный уровень населения (хотя и не до отметки 1913 года), ослабил идеологический зажим. Но удержалось все это недолго — всего 6 лет. А потом была сталинщина.

Второй волной был хрущевский период. Перемены были менее радикальные, чем в годы нэпа. Много было, но неожиданно метком выражению "Правды", "хвастовства и пустозвонства". И опять все это было недолго. А потом была брежневщина.

Третья волна катится сейчас. Реальных перемен меньше, чем в годы хрущевского "великого десятилетия", пустозвонства, может быть, даже больше. Опыт подсказывает, что и это все будет недолго.

Так что же, взирать на все происходящее в стране унылым пессимистическим взглядом? Нет, этого делать не надо, ибо положение в СССР могло бы быть значительно хуже, чем сейчас.

Представим себе на минуту, что в июне 1957 года победил бы не Хрущев, а Молотов с компанией. Ведь такой исход был тогда весьма вероятным. Результатом было бы, что в ноябре 1986 г. на Красной площади поместили бы в Мавзолей Ленина и Сталина мумию еще одного классика марксизма-ленинизма — "великого Молотова". Очередной гений человечества пробыл бы на посту генерального секретаря ЦК почти так же долго, как Сталин. А четыре года между Сталиным и Молотовым рассматривались бы в советской исторической науке как период кратковременного господства обманным путем пробравшейся к власти клики агентов международного империализма во главе с Хрущевым, стремившимся реставрировать капитализм в советской стране. Не только Советский

Союз был бы сегодня заповедником сталинизма, но и зависимые от СССР страны. Не было бы ни Демократического движения в СССР, ни Самиздата, ни "пражской весны", ни польской "Солидарности", — всюду господствовало бы угрюмое морально-политическое единство.

Ничего этого не произошло, — не по воле случая, а по воле номенклатуры. Она не захотела возврата к сталинскому всеобщему террору, так как он был направлен и против нее самой. Номенклатура хотела своей олигархии, а не тирании вождя. И она добилась своего.

Зачем номенклатуре нужны периодические волны перемен? Во-первых, это попытки преодолеть тяжелое положение в советской экономике. Отсюда ленинский нэп, хрущевские совнархозы, горбачевские семейные бригады. Во-вторых, это — операции по снижению политической напряженности в стране: молодое население принимает очередную волну за основания для осторожного оптимизма. Вот почему волны перемен пускаются по советскому обществу с промежутком примерно в 30 лет — срок вступления нового поколения в активную жизнь.

Приносят ли эти волны устойчивые улучшения в стране? К сожалению, в значительно меньшей степени, чем можно было бы ожидать. Дело в том, что все принесенные волной преобразования исчезают после ее спада. Ровно ничего не осталось ни от нэпа, ни от хрущевских реформ. И все же период после волны не является простым продолжением предыдущего: волна что-то смывает и что-то наносит. Трудно сказать, была ли сталинщина лучше "военного коммунизма", но брежневщина была несомненно лучше сталинщины, следовательно, и сейчас есть основания для осторожного оптимизма.

Почему волны перемен в СССР выглядят как затухающее колебание? Потому что высота волны обратно пропорциональна силе номенклатуры. В годы нэпа номенклатура делала свои первые шаги; при Хрущеве номенклатура только что вышла из-под суровой отеческой руки Сталина. А теперь она сильна. Она все увереннее вдавливает доступные для нее перемены в жесткие рамки своих классовых интересов. Пока номенклатура господствует в стране, волны перемен не переклестнут через рамки системы.

Вывод, мне кажется, таков: не надо игнорировать фактические перемены и тем самым отказываться от их рационального использования. В то же время не надо разделять западных иллюзий о "реформах" Горбачева.

Евгений ГАБОВИЧ

*Буря в стакане,
где все меньше воды*

Что происходит в Советском Союзе? Вместо того чтобы высказать свое мнение, постараюсь кратко изложить точку зрения двух недавних эмигрантов (из Москвы и Ленинграда), с которыми я беседовал на эту тему в конце октября в Риме. Они тоже отменяли большую откровенность советской прессы, которая что ни день сообщает о новых разоблачениях, арестах и осуждении бывших советских и партийных бонз, воровавших и бравших взятки. Народ злорадствует, млеет от сообщений о расстрелянных номенклатурщиках, надеется, что урежут привилегии удержавшихся на своих постах начальников, даже отменяют им спецраспределители. Ведь когда жить становился все хуже, — а именно таково ощущение новых эмигрантов (килограмм более или менее приличной колбасы стоит 8—11 рублей, пол-литра водки 10 руб., то есть около 10% зарплаты у многих миллионов людей), — то на душе чуть легче, если самых благополучных хоть немного прижмут, ограничат, а совсем уж зажавшихся — даже стрельнут.

Что при этом тревожит чутких людей, так это гадкое настроение — нет, не толпы даже, а ее советского упорядоченного варианта — очереди, кровожадное злорадство, коллективный поиск (тон задают вездесущие пенсионеры) виновников всех бед, напоминающий погромное настроение периода китайской культурной революции. При этом, однако, ни очередь, ни исправное трудящееся и трезвое население ни в какие существенные изменения не верит. Нет никакого сравнения с настроением, царившим в начале хрущевской оттепели. У народа нет ни сил, ни энергичного желания что-либо переменить, ни надежды. Все устали, озлоблены, ни во что не верят и все горбачевское принимают за очередной "театр". Как анекдот рассказывают, что "минеральный секретарь" просил писателей (нашел кого просить!) справиться с сопротивлением аппарата его нововведениям. Впрочем, кроме водочного крестового похода, никаких особенных нововведений народ не замечает. Да и тот ведется типично советскими методами: вчера все пили, сегодня в 9.30 навсегда добровольно перестали. А тем временем существенная часть населения проводит, не раз и не два в месяц, многие часы, а то и целый день в очереди перед винно-водочным отделом, покупает "горючего" сколько дадут, а коль скоро дома есть выпивка, то и пьют по поводу и без повода. Астрономические цены на водку, разумеется, ударяют прежде всего по детям и женам пьяниц. (Почему-то в ФРГ, где рабочий мог бы в месяц купить на зарплату не 10—20, а 200 или 300 бутылок водки, притом в любое время дня и без всякой очереди, никому не приходит в голову обрушивать всю силу государства на любителей алкогольных напитков.)

Трагедия Чернобыля и реакция властей на эту катастрофу усилили чувство безвыходности. Никто не уверен, что и его обманом не заставляют пить зараженную радиоактивной водой, потребляют радиоактивные продукты. Крестьян, чью продукцию забраковали при радиологической проверке, через час видят пристроившимися к кому-либо из более счастливых продавцов. Ходят слухи, что воду из зараженных колодцев и из новых, более глубоких скважин смешивают в пропорции 1:1, что дозиметрические данные фальсифицируются. А самовольное измерение радиоактивности считается преступлением.

Тем, кто еще верит в тягу простых людей к либеральным переменам, советуют смотреть советское телевидение: насквозь фальшивые, в орвелловском духе "беседы" Горбачева с празднично одетыми землеробами в Краснодарском крае, передачи из цикла "Мост СССР—США" или как они там называются. Советские участники, которых по правилам этих передач американский ведущий случайно останавливает на улицах, демонстрируют такой заряд агрессивной нетерпимости, непонимания сущности демократии и плюрализма, что у зрителя не остается никаких иллюзий относительно здравого смысла советского народа. Там, где надо задуматься, прислушаться к собеседнику, попытаться сформулировать свои проблемы и поискать пути их решения, выбирают более легкий и привычный путь: рапорт о наших успехах и брань в адрес собеседника — простого американца.

Таковы впечатления о сегодняшнем Советском Союзе, услышанные мною в Риме. Как в такой атмосфере, с таким населением, приученным к мысли о наказуемости любой инициативы, проводить реформы, не говоря уже о революции? Даже если полностью доверять благим намерениям товарища Горбачева, завидовать ему не приходится. В то же время опыт Югославии, Венгрии и Китая показывает, что социалистический строй обладает большим запасом прочности и может себе позволить, не подрывая своих основ, пойти на те или иные послабления в экономике, на либерализацию по отношению к частному сектору и даже — страшно вымолвить — на чуть более терпимое отношение к инкомыслию. Беда советского народа в том, что правящая иерархия сама недостаточно верит в свою способность выстоять при легком бризе модернизации и неотложнейших экономическо-социальных перемен. Ни народ, ни его пастыри не созрели для отказа от разорительной, исторически устаревшей, но по-прежнему пьяняще привлекательной великодержавной функции.

Корнелия Ирина ГЕРСТЕНМАЙЕР

В плену у самих себя

Что верно, то верно: из Советского Союза до нас доходят неслыханные вести. Писателей, исключенных из ССП, — Липкина и других — восстанавливают, произведения авторов, которых давно или вообще не публиковали, должны выйти в свет, произнесен магический пароль "гласность", и, как по волшебству, печать обсуждает вопросы, долгое время находившиеся под запретом. Немаловажным событием можно считать фильм Тенгиза Абуладзе "Покаяние", ибо с ним, по-видимому, возобновляется то, о чем долгие десятилетия нельзя было и помыслить: пристальный анализ, или, как сказали бы мы в Германии, "преодоление", прошлого.

Разговор идет о "перестройке" (а также, если верить Горбачеву, о том, чтобы не потопить перестройку в словах), об ускоренных темпах, о модернизации, демократизации, о реформах. "Новый стиль" чувствуется везде и подчас распускается — под лозунгом все той же гласности — причудливыми цветами: официальные советские представители беседуют за границей с изгнанниками-диссидентами, — все еще не изжитый и столь очевидный страх контактов уступает обычному в цивилизованном обществе диалогу.

Кое-что из происходящего мы уже однажды пережили при Хрущеве, кое-какие акценты появились впервые и свидетельствуют о том, что времена изменились. Впечатление от всего этого в общем довольно сильно; но каковы *подлинные* достижения, скрывающиеся за этой внешностью, и насколько широки — или узки — пределы "реформ"?

Мы так привыкли за долгие годы застоя к твердокаменной неподатливости партийного руководства, что теперь, когда, наконец, все зашевелилось, склонны переоценивать наступающую перемену. Если история СССР когда-либо знала решающий перелом, то он произошел не с приходом Сталина на место Ленина (что многие ошибочно расценивают как провал советской истории), а в результате правления сменившего Сталина Хрущева. Однако и этот "качественный скачок" отнюдь не затронул основ режима, не говоря уже о том, чтобы их изменить. Тем не менее оттепель 50-х годов поразила воображение многих; произошло немало конкретных перемен, вышли на свободу миллионы политических заключенных, все уголовное право было пересмотрено в смысле ограничения произвола и по крайней мере формального принятия международных юридических норм.

При Андропове сталинским карательным мероприятиям было придано внешнее подобие закона, и до сего времени эту кодификацию никто не отменил. Конкретно это означает: никаких уступок в области гражданских прав и прав человека, никаких послаблений в сфере экономических прав. Ничто не указывает на реформу по этой линии, подобную тому, что было в 1968 г. в Чехословакии или в 1980 г. в Польше. Создается впечатление, что и при Горбачеве даже попытки подобных преобразований в нынешнем Советском Союзе невозможны. Другими словами, аппарат полностью сохраняет свой тоталитарный характер, и в распоряжении народа или "общества" нет никаких средств защиты от тоталитарного насилия. На этом фоне успешные структурные преобразования хозяйства и всего общества просто неосуществимы: они неизбежно разобьются при первом столкновении с "законом", то есть неограниченной, властью партии.

Хотя под значительным внутренним давлением открылись или откроются кое-какие клапаны, хотя "либералам" разрешили — надолго ли? — существовать в их нишах, подлинное испытание этой либерализации (не говоря уже о демократизации) еще впереди. Решительного разрыва со сталинским прошлым — по причинам, которые легко понять, — не произошло. Цензура по-прежнему у власти, идеология как средство легитимации партийного руководства сохраняет все свое значение. Продолжаются аресты невинных, по нормам демократического права, людей, их жизни часто грозит опасность.

Есть все основания приветствовать недавнее освобождение некоторых узников совести (что, впрочем, бывало и при Брежневле). Но как бы ни было важным возвращение из тюрем и ссылкок — с определенной, вынужденной мотивировкой — отдельных людей, оно не означает принципиального прогресса. Прогресс — пока еще на бумаге; умелые тактические шаги и отдельные мероприятия отнюдь не ставят под сомнение притязания партии в духе ленинизма. Передвижения внутри бюрократического аппарата не нанесли никакого ущерба становому хребту власти — КГБ.

Партийный аппарат — хотя бы он и выдвигал из своей среды деятелей, добивающихся реформ, — оказывается пленником режима. Его существование едва ли позволит нам предаваться иллюзиям, питать сколько-нибудь серьезные надежды. Пожалуй, можно рассчитывать на отдельные послабления, на смягчение культурной политики (экономической — вряд ли), на освобождение других узников. Но и это кое-что значит.

Андрей ДРАВИЧ

Друзья, не бойтесь оттепели

Я предлагаю с самого начала отбросить, как совершенно бессмысленные, рассуждения на тему: серьезны ли намерения властей? долго ли это может продлиться? подвластна ли эта система вообще основательным реформам? Ибо, *ad primum*: эти намерения могут быть очень узкими (пример Хрущева), но однажды выпустив на волю дьявола либерализации (даже частичной), совсем загнать его обратно в клетку нельзя. *Ad secundum*: даже если власть завтра протрубит отступление, ликвидировать ставшее общественным фактом брожение умов в короткий срок невозможно. И, наконец, *ad tertium*: возможно, что эта система действительно не поддается реформам. Однако речь идет не столько о системе, сколько о гигантской аномалии. Было бы нелогично и бесчеловечно в корне отрицать смысл попыток возвращения к нормальному состоянию. А вдруг получится?

Кое-какие области беззакония сузились; кое-что закрытое открылось. Очевиден факт частичного исчезновения идеологической фразеологии; в политических выступлениях центр тяжести переносится на простые добродетели христианского происхождения — честность, порядочность, солидарность, доброту. По сути дела это крах идеологии без его провозглашения, и согласимся, в данных условиях, на 70-м году коммунистического режима при любой эволюционной попытке, идущей сверху, иначе быть не может. Иронизирование на эту тему кажется мне малопродуктивным.

Я говорю это, имея в виду часть эмигрантской публицистики. Удивляет желание представить происходящее в Советском Союзе исключительно как пропагандный трюк для обмана Запада. Спору нет, Запад должен быть бдительным. Однако новая ситуация в любом случае не останется без пользы для Востока. Для миллионов граждан советского блока это реальный шанс улучшения быта, даже если оно будет частичным. Да и не только шанс, ибо уже стало немного легче дышать. Хотелось бы пожелать друзьям-эмигрантам не ополчаться заранее против всего нового, происходящего на материки. Что бы оно ни означало, смысл существования эмиграции как духовной альтернативы пока незыблем. Лишь бы она проявляла достаточное желание и волю быть такой альтернативой, не упуская из виду родины. А если — в неопределенном будущем — окажется, что эта альтернатива станет не

нужна, ибо всем желающим можно будет вернуться в Россию и там продолжать свое дело, то это будет общеввропейская победа "страны" и "эмиграции", вместе взятых.

Игорь ЕФИМОВ

Не ходите в советский Гайд-парк

*У власти в лоне что-то зреет,
и, зная творчество ее,
уже бывалые евреи
готовят теплые белья.*

Игорь Губерман

Одно из удовольствий жизни на Западе — можно не читать советскую прессу. Но есть еще самоотверженные люди в эмиграции, которые делают для нас эту выматывающую душу работу, отыскивают в горах печатного мусора курьезные отрывки и перепечатывают или пересказывают их для нас. Отсюда мы и узнаем о так называемых переменах в СССР, столь возбудивших сейчас западных советологов и некоторых эмигрантов.

Вот, например, "Новое русское слово" от 31 октября 1986 г. перепечатало почти целиком статью Л.Жуховицкого "Анатомия перегиба", опубликованную недавно в "Литгазете". Автор дерзко заявляет, что не всякий крестьянин, построивший на своем участке теплицу и продающий выращенные в ней огурцы и помидоры, — преступник. Что если запретить "дядя Васе" ставить замки на двери квартир в частном порядке, все мы останемся с незапертыми дверями и никакой пользы от этого не будет. И что многие "местные товарищи" неправильно истолковывают и применяют Указ Президиума Верховного Совета от 1 июля 1986 г. о борьбе с нетрудовыми доходами.

Десять лет назад, работая над книгой "Без буржуев" (изд. "Посев", 1979; в Самиздате — "Бедность народов"), я собрал коллекцию из 500—600 подобных статей. Ничто не изменилось за эти годы: ни тон, ни разрешенная "смелость", ни даже искренняя горечь, сочащаяся сквозь строки. В моей книге на стр. 82—83 описано, как мастерская по ремонту пишущих машинок у Никитских ворот в Москве ограбила автора на 12 рублей, когда он попросил починить испорченную букву "р". В статье Жуховицкого описана *та же самая мастерская* у Никитских ворот, которая содрала с него 32 рубля, но так и не исправила букву "а". Как видим, изменились лишь масштабы грабежа.

Если бы меня когда-нибудь попросили изложить социальную историю мира для детского букваря, я написал бы примерно следующее: "Люди бывают разные, одни умеют и любят работать, другие ненавидят и предпочитают жить, отнимая наработанное другими. Труженики почитают Бога, Закон и право частной собственности, а разгильдяи почитают саблю и пистолет. Вся история мира — это борьба между честными тружениками и безжалостными разгильдяями. Разгильдяи умеют собираться в шайки, нападать на тружеников и все отнимать у них. Например, в Италии эти шайки назывались "бандити", в Китае — "хунхузы", в Древней Руси — "ушкуйники", а в современной Америке — "гангстеры". Но самые большие и мощные шайки, захватившие целые страны, назывались "коммунисты"."

Я понимаю Людмилу Алексееву, когда она призывает коллег-журналистов на Западе не ограничиваться выискиванием все новых свидетельств неизбежности советской системы, вспомнить о полных надежд соотечественниках, живущих в огромной стране, прекратить "бездушное, а то и зловерное талдычене на тему "ничего у вас не выйдет". ("СССР: внутренние противоречия", № 15, 1986, с. 10). Я тоже верю в перемены и надеюсь на них. Но узнаем мы об этих переменах не из статей, печатающихся в "Литгазете" (этом, по выражению А.Чаковского, Гайд-парке при социализме) и имеющих своей целью создать у людей иллюзию, что их горести известны и что меры принимаются.

Наш сегодняшний энтузиазм, наверное, похож на радостное волнение людей на Западе, вчитывавшихся ровно 50 лет назад в "сталинскую конституцию". Но теперь мы знаем, что сразу за 1936 годом наступил 1937-й. Увы, реальные действия новой власти показывают, что она точно так же уверена в своем праве грабить труженика, но не знает и даже знать не хочет ничего о том, как предоставить ему возможность создать материальные ценности, которые потом можно будет отнять.

Похоже, что сам новый генсек представляет собой тип коммуниста-честяги, верящего в марксистско-ленинскую абракадабру. Когда такой человек увидит, что все его закручивание гаек не дает ни молочных рек, ни кисельных берегов, он неизбежно обидится на неблагодарный народец и страшно озлобится. Это значит, что остаться он у власти еще года три, правящие разгильдяи обрушатся на несчастного советского труженика с новой волной террора.

Буду счастлив, если это пророчество не оправдается.

СССР все более входит в общий кризис системы. Это касается не только морального уровня населения (рост алкоголизма, коррупции, безразличия к работе и т. п.), но и экономики.

Слабое развитие сельского хозяйства, легкой промышленности, сферы услуг стали привычными для советской системы. Оправданием этому было прежде всего развитие тяжелой промышленности. Но с 1979 г. в реальных терминах (а не денежных) начала деградировать и тяжелая промышленность: не только резко замедлился рост выплавки стали, добычи угля, производства машин массового назначения, но по некоторым показателям, таким как добыча и переработка нефти, даже началось падение производства. Начинающийся кризис советской экономики — не результат текущих флюктуаций, но, по-видимому, расплата за семьдесят лет истощения людских и природных ресурсов.

Лидеры страны не хотят принять происходящее как начало глубокого кризиса, так как это означало бы признать несостоятельность системы. Они надеются, что назревшие проблемы можно решить в рамках централизованного механизма. За такой способ управления они будут цепляться и дальше. Одно из главных оправданий централизованного руководства экономикой — боязнь выпустить экономику из под контроля государства, сделать ее зависимой от стихийных сил.

Крайне обеспокоены всем происходящим военные. Судя по некоторым публикациям, бывший начальник Генерального штаба маршал Огарков даже предлагал введение жесткой административной системы управления экономикой под эгидой Комитета Оборона. Комитет должен был иметь иерархические разветвления в республиках и областях. Напомним, что во время Второй мировой войны Комитет Оборона был только общесоюзным органом. По-видимому, партийные аппаратчики испугались, понимая, что это создает угрозу захвата власти: в органах такого рода фанатичные квалифицированные военные легко могут взять верх над циничными партийными работниками.

Существует иллюзия особого пути повышения эффективности централизованной советской экономической системы: компьютеризация системы управления. Эти надежды были особенно сильны в шестидесятые годы, когда в развитии компьютерной техники были вложены немалые средства. Они не дали желаемого результата. Появление новых вычислительных машин может оживить подобные иллюзии.

Другие попытки совершенствования системы управления экономикой связаны с процессом деконцентрации и децентрализации. Деконцентрация означает уменьшение числа показателей, которые планируются предприятию, в пределе — их сведение к одному: к прибыли, а также менее бесцеремонное вмешательство вышестоящих организаций во внутренние дела нижестоящих. При этом полностью сохраняется централизованная система планирования и система назначения руководителей на всех уровнях иерархии. Именно такие предложения по совершенствованию хозяйственного механизма были характерны для неудавшейся экономической реформы 1965 г., они не сняты с повестки дня и теперь. Предложения эти, естественно, встречают поддержку среди руководителей предприятий: они дают им больше самостоятельности и вместе с тем не возлагают на них той огромной ответственности за результаты своей деятельности, какую несет глава фирмы в условиях рыночной экономики.

Децентрализация, в отличие от деконцентрации, означает, что участники экономической системы не зависят от центральных органов в финансовом отношении и не обязаны следовать их предписаниям. Децентрализация характерна для обсуждаемых ныне в СССР предложений Горбачева по совершенствованию сельского хозяйства и сферы услуг. Идея в целом напоминает нэп. Однако нынешняя ситуация в стране отличается от той, при которой вводился нэп (равно как и от нынешней ситуации в Китае и Венгрии). Сегодня в сельском хозяйстве СССР ощущается крайняя нехватка опытной и здоровой мужской рабочей силы; вместо лошадей используются тракторы, применяются всевозможные химикаты и т. п. Чтобы осуществить поворот в развитии сельского хозяйства (да и не только сельского), нужно создать соответствующие условия для децентрализации, а для этого в конце концов пришлось бы пересмотреть внешнюю политику экспансионизма и сплошной милитаризации страны. Нужно не только остановить отток работников из села, но привлечь туда из города активных людей. Нужно существенно изменить структуру производства тракторов: вместо тяжелых гусеничных тракторов, которые так нужны армии и могут использоваться лишь в укрупненном сельском хозяйстве, надо больше производить мелких колесных тракторов для единоличника.

Мне представляется, что компромиссное решение проблемы совершенствования советского экономического механизма может быть достигнуто путем сочетания деконцентрации в крупной промышленности с децентрализацией в сельском хозяйстве, сфере услуг и мелкой промышленности. Но и такой компромисс, при сохранении в целом централизованной экономической и политической системы, не позволит радикально улучшить положение в стране, конкурировать в широком смысле этого слова с развитыми свободными обществами. Дело в том, что без плюралистической политической системы и соответствующей ей рыночной экономики отсутствуют возможности для эффективного развития новых научно-технических направлений и внедрения их результатов; последнее требует и свободы исследований, и независимых источников их финансирования. Вместе с тем намечаемый компромисс может отсрочить крах советской экономической системы.

В целом я настроен пессимистически. Я думаю, что нынешним *циничным* лидерам не удастся преодолеть кризис и в конечном счете они приведут к власти решительное и *фанатичное* русское правое крыло (то, что Александр Янов предвидел еще в 60-х годах). К сожалению, для демократических преобразований в России, по-видимому, не хватает, как говорят физики, критической массы.

Лешек КОЛАКОВСКИЙ

По образу и подобию

Нет сомнения, что советское руководство хотело бы усовершенствовать экономику, повысить производительность труда и преодолеть коррупцию. Но все советские вожди до Горбачева хотели того же. Вопрос в том, известно ли Горбачеву, какова политическая цена подлинных реформ, готов ли он заплатить эту цену, и если готов — сможет ли.

Андропов предпринял попытку совершенствования хозяйства при помощи полиции. Не знаю, отдавал ли он себе отчет в безнадежности этого предприятия. Но самое направление подобных "реформ" совпадает с естественной логикой системы: все можно "организовать" посредством репрессий и устрашения. Пока что Горбачев идет по тому же пути. Обещанные перемены, например, легализация некоторых форм обслуживания, ранее выполнявшихся "второй экономикой", хотя и полезны, но сталинским формам хозяйства они не противоречат. Неясно даже, сколько людей воспользуются такой легализацией. Печальный опыт учит их: в любой момент государство может их уничтожить с помощью какого-нибудь постановления, а то и просто без всяких оснований, по произволу местной власти. Насколько мне известно, никаких структурных хозяйственных реформ не обещано. Весьма неправдоподобно, чтобы советское руководство отважилось на декolleктивизацию, какая предпринята (без открытого применения этого термина) в Китае.

Верно, что впервые с незапамятных времен на страницах советской печати идет дискуссия, в ходе которой противники и сторонники реформ открыто выступают друг против друга. Разумеется, все при этом ссылаются на Ленина. Возможно, мои сведения не полны. Но то, что я пока наблюдаю, — это пикировка на уровне общих мест, идет ли речь о реформах или даже о "революционных переменах". Мы так и не знаем, например, будет ли введена система *реальных* договоров между коллективами работников и администрацией промышленных предприятий. Это было бы серьезной переменной, — конечно, при условии соблюдения законов, обязательных для всех, включая КГБ, аппарат партии и государства. Каждое подлинное изменение в экономике требует реального функционирования права. Но в таком случае перемена означала бы ограничение тоталитарной власти, даже если законы сами по себе были бы суровыми. Пока что трудно представить себе, чтобы советский гражданин мог выиграть иск против государства, полиции или партии. Право может действовать только при условии, что юридический аппарат не зависит от властей; но опять-таки признать это значит разрушить все принципы советской системы и ее ленинский фундамент. Не думаю, чтобы дело шло к этому. Кроме того, в стране не существует законно действующей системы не зависящих от государства каналов информации, и даже мечтать об этом при советском строе не подобает. Послабления в литературе и кино похвально, однако они никак не затрагивают прерогатив советской номенклатуры.

Непохоже, чтобы Горбачев и его помощники намеревались отказаться от советских имперских амбиций или ослабить свое господство в Центральной Европе и в других формально независимых районах, над которыми они властвуют. Наоборот: они усиливают давление на зависимые от них страны, чтобы избежать осложнений, которые могли бы им помешать в решении внутривнутриполитических вопросов. Не думаю также, чтобы значительные перемены стали возможны без обсуждения и осуждения прошлого СССР. Горбачев воображает, что это не имеет значения, ибо "надо смотреть в будущее". Но он заблуждается.

Наверняка ему хотелось бы сменить значительную часть нынешнего партийного и государственного аппарата, опереться на людей более компетентных и более образованных. Этот процесс идет. Но весь исторический опыт свидетельствует о том, что система формирует людей по своему образу и подобию; люди с самыми лучшими намерениями в короткий срок превращаются в рабов полицейско-чиновничьей рутины. Массовая коррупция, воровство, расточительство, фальсификация отчетности и статистики — все это не "искажения", а неотъемлемое достояние этого строя, стихийные поправки, которые жизнь вводит в систему, желающую достичь невозможного — всеохватывающего планирования и контроля. И никакая полиция тут не поможет: там, где воровство и подкуп роковым образом вытекают из основ режима, ни расстрелы, ни лагеря не восстанавливают нравственность. Пан Горбачев должен хотя бы настолько знать основы марксизма, чтобы понять это.

Итак, насколько я понимаю, Горбачев хотел бы поправить советскую экономику, не касаясь ни советского империализма, ни внутреннего деспотизма, ни всепроникающего обмана, без которого этот строй выжить не сможет. Весьма мало вероятно, чтобы ему это удалось. Кроме, конечно, косметических поправок, которые восхитят Запад.

Будущее России связано с христианством

Когда спорят, что означает новая "оттепель": маневр, надувательство или искреннюю попытку улучшить состояние общества, в этом *или* я не вижу никакого противоречия, никакой "борьбы", сплошное единство противоположностей.

Искренний маневр, — тут нет никакого нонсенса. Брежневский период стагнации привел на пороги агонии, которая, увы, "интенсифицируется" быстрее социалистического хозяйства. И вот — надо же что-то делать, как-то спасать положение, тем более когда тебе еще нет шестидесяти и править собираешься долго.

Но выбираться — как? Как далеко идти? Не стоит волноваться, *слишком* далеко не уйдешь: любой шаг автоматически корректируется реальностью почти до нуля, косность имманентна режиму. Но и бег на месте все-таки физическое упражнение.

Конечно, любопытно чисто психологически: что за тип Горбачев, велика ли его добрая воля, одним словом, порядочный ли он человек?.. Каюсь, я не в состоянии, как Геллер, наделять его сталинской inferнальностью. Но не будем забывать, что в тех эмпиреях, где *они* обитают, иные физические законы, иная экология, все другое. Что у Горбачева в черепной коробке, а тем более слева под пиджаком — нам не догадаться ни в жизнь. Мы — инопланетяне.

Оттепель — это, по-моему, реабилитация политзаключенных и планомерное расширение частного сектора и предпринимательства. То, что теперь в СССР, — слишком далеко от моих, согласен, экстремистских желаний.

Лучшее, что случилось при Горбачеве, — отказ от поворота северных рек, выпуск нескольких эзров, возвращение Сахарова и цензурные поправки в культуре.

Я бы дорого дал, чтобы узнать сейчас реальное мироощущение моих товарищей-самиздатчиков; да и с трудом представляю нынешние посиделки "мальчиков русских" — при такой регламентации продажи спиртного. А открою подчас газету — уже новую, горбачевскую, — и даже от "горячих" дерзостных материалов "такое на меня уныние находит, хоть плюнуть да бежать" (Пушкин).

Конечно, в эмиграции многое перестаешь понимать, но что-то видится *четче*.

Вот, например, всегда высоко мною ценимый Н.Я.Эйдельман вдруг в письме к Астафьеву проявил бдительность почище главлитовской: зачем писатель дал отрицательному персонажу фамилию Герцев (дескать, аллюзирует с Герценом). В прошлом веке у нас было две цензуры, государственная и общественная, причем вторая более пригнетала, даже терроризировала тех писателей, кто не поддерживал нигилизма. С легкой руки Белинского стали писателя обличать, стали от писателя *требовать*. Неужели все теперь повторяется?

Или когда госкомитетчик Ненашев снисходительно объясняет интервьюеру ("Der Spiegel", 52, 1986), что "Гроссман не имел права судить, потому что был этой стране чужой", хочется крикнуть: "Ты сам — этой стране чужой! Встань перед памятью Гроссмана на колени!" ...Тут уж — конец сороковых, отвратный симбиоз национализма с советской властью.

...Мои собственные надежды по-прежнему связаны с тем процессом, что возник в начале 70-х, процессом укрепления христианского мироощущения и воцерковления сознания,

То, что рекламно называлось "религиозное возрождение", — отошло вместе с покаяниями (не церковными) Дудко—Регельсона.

Но я знаю — *уцелело глубинное*, словами, быть может, лучше не определяемое...

Лишь христианство и культура могут вернуть Россию на органический исторический путь.

Вальдемар КУЧИНЬСКИЙ

Может быть, перелом ближе, чем мы думаем

Людей, прибывающих на Запад из коммунистической "зоны", смешит и бесит наивность многих здешних интеллектуалов, политиков и журналистов, готовых расхваливать каждого нового генсека, прежде чем он делает малейший дружественный жест в сторону Запада. Однако то, что с некоторых пор происходит в Советском Союзе, не заслуживает пренебрежительного пожимания плечами. События, именуемые "перестройкой", напоминают новую оттепель. Оттепель же выражает определенную закономерность, свойственную коммунистической системе и наблюдаемую как в России, так и в Польше (или на Кубе). *Оттепель — знак того, что страна вступила в фазу активного кризиса*; вместе с тем оттепель предвещает новый кризис. Кризис, во время которого на политическую сцену выходит давно не появлявшееся перед зрителями действующее лицо — общество.

Сама же по себе "перестройка" представляется классическим приемом коммунистической власти — кампаней с целью устранить под контролем сверху некоторые изжившие себя компоненты системы (включая кое-какие фрагменты идеологической литургии) и ввести ограниченные институты

ционные изменения. В отличие, однако, от десятков прежних кампаний (например, по "вскрытию хозяйственных резервов"), которые никого не волновали, нынешняя акция действительно касается вопросов, весьма важных и для интеллигенции, и для "простых" людей. Она касается тех элементов действительной жизни, которые десятки лет досаждают людям, угнетают и оскорбляют их. Многим эта часть действительности кажется вечной, и они глубоко скрывают свое истинное отношение к ней. Отношение ненависти. И вот то, что казалось вечным и неизменным, ныне открыто подвергается сомнению, да еще с самой вершины Олимпа.

Среди польской интеллигенции популярна, если можно так выразиться, "зиновьевщина". Это теория о том, что весь Советский Союз состоит из 280 миллионов деморализованных и в сущности довольных своей жизнью "советских людей", каковое обстоятельство и обеспечивает режиму бессмертия и стабильность. Я к сторонникам концепции Зиновьева никогда не принадлежал. Я полагаю, что он весьма талантливо описал защитный слой психики, который образуется у каждого, кто вынужден жить в коммунистической стране. Но этот защитный слой, род мозоли, не исчерпывает всей психологии. Даже у советского человека, накопившего самый длительный и тяжелый опыт непосредственного общения с той аномалией нашей эпохи, которая называется коммунизмом. Я надеюсь, что ход событий в Советском Союзе подтвердит мое убеждение.

Под этой искусственно нажитой скорлупой живет человек нормальный, не советский, а русский, украинец, литовец, — просто человек. И нынешняя перестройка, хоть и начатая сверху, помогает людям внезапно совершить великое открытие: то, что им докучает, — не обязательно должно быть вечным. Если скорлупа треснет, рано или поздно — говоря высоким стилем — на сцену выйдет народ. Народ, общество станет фактором, определяющим дальнейший ход событий в Советском Союзе. Неясно, когда наступит этот момент. Может быть, он ближе, чем мы думаем. Во всяком случае, никто сегодня не в силах предугадать, как далеко зайдут перемены, начавшиеся всего лишь полтора года тому назад.

Ясно одно: огромный неповоротливый советский маховик впервые за тридцать лет пришел в движение. За ним надо внимательно наблюдать, отрешившись от типичной для изгнанников близорукости, когда перемену готовы признать лишь при условии (позволим себе преувеличенный оптимизм) ликвидации цензуры и тайной полиции, а еще лучше — тут я говорю с точки зрения польской радикальной оппозиции, — если исчезнет сам Советский Союз.

Владимир МАЛИНКОВИЧ

Начало демократизации

Верю, что перемены, происходящие у нас на родине, могут привести к демократизации страны. Полтора года назад, когда Горбачев пришел к власти, я писал в журнале "Форум": "Есть надежда, что новый советский лидер будет проводить экономические реформы в объеме, максимально возможном при существующей модели социализма". Но есть ли еще жизненное пространство для развития этой модели? Полагаю, что есть, имея в виду ленинский, а не сталинский вариант социализма (при этом я никак не сторонник ленинизма, не приемлю прежде всего ленинской теории власти — идеологической базы тоталитаризма).

По Ленину, социализм в период нэпа должен был экономически *вытеснить* частный капитал. Этого не случилось, так как Сталин совершил вторую "пролетарскую революцию", заменил нэп новым вариантом военного коммунизма, уничтожил кулака и прочую "мелкобуржуазную нечисть" как класс, ликвидировал союзные отношения между республиками и относительную внутривластную демократию, создал тоталитарную систему (вместо диктатуры компартии).

Более 50 лет созданная им система хоть и плохо, но функционирует. Сегодня она функционировать больше не может. Ее, *всю систему*, нужно менять. Горбачев вынужден вспомнить о нэпе. Времена другие, но проблема, стоящая перед руководством страны, все та же: как совместить интерес коммунистической системы и частные интересы отдельных людей? Конечно, и сегодня, как в двадцатых годах, на первом месте стоят интересы системы, но и другой стороной пренебрегать больше нельзя. Поэтому между партией и обществом возможен компромисс. Его характер будет зависеть от общественной активности населения и, конечно, от силы сопротивления консерваторов.

Компромиссными, половинчатыми являются и планируемые реформы. Но важно не столько содержание новых законов, сколько направление деятельности руководства. Сначала, к примеру, "Указ о борьбе с нетрудовыми доходами", затем ограничение сферы его применения и принятие закона "об индивидуальной трудовой деятельности" (пусть тоже далеко не совершенного). Важно и то, что Горбачев в своей борьбе с консерваторами успел уже зайти далеко, — назад пути нет, он будет искать поддержки у общества.

И, наконец, самое важное — возрождение общественной жизни в стране. Творческая интеллигенция, во всяком случае, уже проснулась от длительной спячки. Сегодня советские люди могут прочи-

тать или увидеть на экранах и на театральной сцене то, о чем даже во времена Хрущева можно было только мечтать.

А какие же опасности? Опасностей много. Опасны, думаю, не партаппаратчики брежневской школы, а те, кто сегодня еще поддерживает Горбачева, — КГБ и так называемая русская партия. В демократии видят они своего могильщика. Да еще военно-промышленный комплекс в СССР и... в США. Я не оговорился. Думаю, что настаивая на своем праве разрабатывать систему стратегической оборонной инициативы (СОИ), американская администрация вольно или невольно способствует раздуванию в СССР военного психоза, на гребне которого могут попытаться придти к власти ура-патриоты и генералы. Убежден, что обязательным требованием западных государств на переговорах о разоружении должно быть не сохранение СОИ, а вывод советских войск из Афганистана и гарантии прав человека.

Опасности есть, но я все-таки надеюсь на силу сторонников реформ — не столько на Горбачева, сколько на непреодолимое желание интеллигенции и других социальных слоев добиваться либерализации общественной жизни. Верю в реальность компромисса. На реставрацию капитализма рассчитывать не приходится (да и вряд ли капитализм является идеальной социальной системой). Но кто сказал, что демократия может быть только буржуазной? Совсем не исключаю, что она возможна и при социализме. Впрочем, меня устроит любая система, уважающая права личности.

Сергей МАКСУДОВ

Литература и жизнь

Декларированный ветер перемен дует сегодня в СССР в двух противоположных направлениях. В искусстве происходит очевидная либерализация, новая оттепель, в жизни идет подмораживание. Литературно-кинематографическая весна движется (используем модное слово) с ускорением. Каждый день приносит новые любопытные известия. "Книжное обозрение" и "64", обгоняя "Москву", публикуют Набокова. Ходасевича рвется напечатать "Крестьянка". Гумилев, как выяснилось, анти-советских стихов не написал, в заговоре практически не участвовал, а напротив, доблестно сражался с немецкими захватчиками на фронтах Первой мировой войны. По булгаковским местам Москвы следуют экскурсии, на даче Пастернака в Переделкине открывается музей, грядет издание "Доктора Живаго", обещано собрание сочинений Андрея Белого в писательском кооперативном (!) издательстве. В кругах литературоведов, историков, архивистов царит оживление. Но речь идет не только о возвращении великих теней. МетрОпольцы Попов и Ерофеев приняты в Союз писателей, а вслед за ними вернулся туда и Семен Липкин, покинувший в свое время ряды в знак протеста против исключения этих молодых авторов. И это еще не все. Муза гнева и печали перекопала в роман, властно захвативший журнальные страницы, — произведение Распутина, Быкова, Астафьева, Айтматова полны высокого гражданского пафоса, слышен пронзительный крик боли, по степени эмоционального накала в эмигрантской печати с ним сравнима лишь публицистика А.И.Солженицына. Я не говорю здесь о художественных достоинствах этой литературы.

Говорят, классический афоризм сталинской эпохи прочитан Горбачевым наоборот: "Кто не против нас — тот с нами". Чьи-то сильные руки раздвинули устоявшиеся границы, и литература социалистического реализма оказалась не то чтобы совсем без берегов, — цензура, комитет по печати, соответствующие отделы ЦК — все на месте, — но в новом, заметно расширившемся пространстве. Дерзайте, мастера культуры, ускоряйте гласности!

А на улице идет решительная борьба за порядок и дисциплину, против алкоголизма, тунеядства, взяточничества, борьба за деловую критику и здоровый морально-политический климат, против коррупции, очковитирательства и вседозволенности, борьба с неумелыми исполнителями плохих и хороших директив. Борется новое со старым. Молодые, энергичные, нового типа руководители, ополчились на старых, окостеневших в бюрократизме, пользующихся незаслуженными привилегиями, не выполняющих план, а главное, захвативших теплые места.

Особенность современных перемен в том, что они начаты по команде сверху. Их объявленная цель — демократизация общества, реальная задача — расширение социальной основы власти, поиск сил, не отравленных равнодушием и цинизмом. Дело это, прямо скажем, нелегкое. Энтузиастов и идеалистов легче сегодня найти в доме для престарелых, чем в студенческой аудитории, тем паче что ведущие идеи — дальнейшая демократизация, углубление социалистического самоуправления, ускорение социально-экономического развития страны — объявлены в узких рамках кагебешного мировоззрения. Ясно ощутимо, что большинство новых установок выкристаллизовалось в недрах славной советской разведки, а используемые методы — того же происхождения.

Идет чистка. Трудно сочувствовать упитанным бюрократам брежневского призыва, но нельзя забывать о случившемся в похожей ситуации пятьдесят лет назад. Попытка же раздуть едва тлеющие угли коммунистической идеологии представляется и вовсе безнадежным делом. Нужны действительно новые песни. Необходима демократизация без заданных границ.

Михайло МИХАЙЛОВ

Готов приветствовать

Мне кажется, что процесс, ныне идущий полным ходом в СССР, несмотря на его ограниченность весьма определенными рамками, чрезвычайно положителен. Все то, что ныне происходит в Советском Союзе, произошло в некоторых других коммунистических странах на много лет раньше. И большая "гласность" (конечно, не свобода печати), и разрешение индивидуального труда, и вольности в сфере культуры и литературы.

В Югославии такой процесс "перестройки" проходил в начале шестидесятых годов. В Польше — на десять лет позже. В Китае он начался не так давно. Тем не менее во всех этих странах по-прежнему сохраняется однопартийная диктатура.

Если не считать таких глубоко замороженных стран, как Албания и Северная Корея (можно вспомнить и Румынию), то, конечно, Советский Союз намного отстает от других коммунистических государств. Поэтому всякая реформа — дело благое. Большие перемены начинаются не с замороженного состояния, а после долгой, долгой оттепели. Это верно, что оттепель может прекратиться, скажем, с падением Горбачева, но и новые заморозки никогда не бывают такими морозными, как прежде.

Не так уж важно, является ли Горбачев подлинным реформатором. Главное, что для того, чтобы надолго остаться у власти, ему необходимо перетрясти и перестроить партийный аппарат и разместить своих ставленников, а это невозможно без реформ. Продолжать по инерции брежневский курс опасно не столько для системы, сколько для него лично. По тем же причинам Хрущев должен был осудить культ Сталина и расправиться с конкурентами в Политбюро. По-моему, основной вопрос теперь не в том, как далеко зайдут реформы, а в том, удастся ли Горбачеву избежать участи Хрущева. Если да, то можно ожидать, что "гласность" и прочие меры — лишь начало настоящих больших реформ. Но рано или поздно сам Горбачев забьет отбой. Так было в Югославии, в Польше Владислава Гомулки, в Венгрии Яноша Кадара.

И все-таки надо приветствовать возможный переход от ультраконсервативного "реального социализма" советского типа к более динамичному и открытому "восточноевропейскому". Конечно, это не означает конец диктатуры, но станет началом конца.

Борис ПАРАМОНОВ

Новая буржуазия

Происходящее в СССР вызывает смешанные чувства. Поначалу, однако, раздражала позиция эмигрантской литературы, не желавшей видеть ничего нового. Эта позиция, конечно, понятна: в эмиграции не может быть "политики", — сплошная "метафизика" ("мы не в изгнании, мы в послании" и т. д.). Потом стало выясняться, что и сама "политика" не удастся: не идет, например, семейный подряд. Сомнительно, что и частная инициатива в городах развернется: кому охота загнать себя на каторгу small business'a, да еще с перспективой налогового обложения и "легального" контроля, — когда можно просто воровать, как объяснили это тов. Ельцину.

В "Стране и мире" уже писалось, что к "гласности" Горбачев прибег не от хорошей жизни, а потому что не идет "перестройка". Если это так, то он пал очередной жертвой старой русской иллюзии: что литература — это "второе правительство". Но какая же это социальная сила? Можно ли надеяться на серьезную опору среди проституток ССП?

А между тем Горбачев мог бы приобрести социальную базу для своих реформ — "средний класс" или даже "буржуазия" — в той самой среде, которая сейчас наиболее противится его реформам. Я имею в виду номенклатуру. Ее-то и следует сделать некоей буржуазией, — тем более, что это будет всего лишь легализацией уже сложившегося порядка вещей — легализацией "второй экономики", давно уже сращенной с номенклатурой на всех уровнях.

Мне уже приходилось высказывать подобные мысли, отчасти даже и в печати ("Канал Грибоедова", "Грани" № 138). Они вызвали у слушателей моральное отталкивание. Охотно признаю таковое серьезным аргументом: у меня моральное отталкивание вызывает коммунизм, и я всерьез считаю с этим фактом. Понятно, что какой-нибудь кооперативный социализм "ленинского образца" (вот она, политика: выдавать труп за энергетический двигатель) куда симпатичнее; а "Ленина" можно и потерпеть (они не весят, номера). Но вот вопрос к товарищам социалистам: кто им позволит осуществить их скромную скандинавскую мечту? Они решают без хозяина; хозяин — номенклатура. Конечно. Горбачев понимает это; но он, видимо, сохраняет представление о том, что верховная власть в российской истории — автономная сила, способная справиться с любым противостоянием. Это так и было — до тех пор, пока на призыв этой власти откликнулся народ. Как видно, сейчас на этот призыв он откликается не слишком охотно. Горбачеву придется вспомнить другой урок истории — не

русский уже, а всеобщий: подлинная революция — это не "перестройка", а кодификация и легализация уже происшедших перемен. Кодифицировать таким образом номенклатуру — открыто признать за ней значение нового экономически господствующего класса — значит переключить ее с холодного хода на хозяйственно полезную работу. Без этого "марксизма" в СССР сейчас ничего не сделать. Время идеологии прошло, но материальные интересы остались (появились!). Но если все (за незначительными, говорят, исключениями) понимают, что идеология — это не цель, а средство, не мистика, а мотивировка, то почему мы должны отвращаться ситуацией, в которой, наконец, черное будет названо черным, а не красным и не белым?

Сергей ПИРОГОВ

Революция сверху

1. В материально-целевом отношении государственная система СССР представляет собой сочетание двух разнородных тел: военно-промышленного комплекса (ВПК) и его социальной почвы — государственно организованного общества с чисто человеческими потребностями его членов. Имперский милитаризм, словно всадник, приросший к коню (сравнение с кентавром было бы менее удачным), всегда непрочь свести к нулю волю и потребности "почвы", но факт состоит в том, что фронт не может жить и действовать без тыла. Более того, аскетизм и ригоризм военно-государственной машины, перешедшей границы выносимости, подрывает мощь самого ВПК, ослабляя его социальные, "патриотические" тылы.

Тенденция преимущественного роста "производства средств разрушения и экспансии", свойственная этатистской системе СССР, периодически создает перегрузки внутри общества и требует ликвидации опасных диспропорций посредством подкрепления ослабших тылов, создания кормовых и продовольственных фондов, путей для научных поисков (необходимых для модернизации и укрепления самого ВПК), развития культуры и безопасного для системы самовыражения, самовоспитания, самоуправления, самофинансирования, самообеспечения, самообложения и прочих видов самодеятельности вплоть до самодержавия.

Наружу показывается этот молох-ВПК весьма неохотно, лишь при крайней необходимости. Необъявленная война "ограниченного контингента" в Афганистане, которая пожирала ежегодно 3 млрд. долларов (а какими суммами измерить убитых и искалеченных?), — факт общеполитического значения, который невозможно игнорировать при любых оценках "складывающейся в СССР ситуации". Но эта советско-муджахиддинская война — не только "ловушка", из которой контингент ВПК мог бы выбраться в любой момент. Это еще и полигон для военной машины СССР, где можно отработать приемы суворовского блицкрига, подготовить необходимый контингент десантников "спецназа" на случай благоприятной для локальной войны ситуации в любой горячей точке Земли. Это, пожалуй, наиболее вероятное из возможных рациональных объяснений продолжающейся агрессии против бедной страны.

2. В социально-техническом отношении советский режим можно определить как "военно-феодалный империализм", который стремится лишить Запад ядерного "зонтика", сорвать разработку системы Стратегической оборонной инициативы (СОИ), свидетельствующей о военно-техническом превосходстве Запада, и полностью перенести соперничество двух систем в область локальных, "национально-свободительных" войн, обратив атрибуты демократии и нерешенные ею проблемы против нее самой. В механизме демократических решений имманентно заложен риск: мнение компетентного меньшинства должно быть принято и утверждено большинством профанов, людей, не понимающих всей сложности возникающих проблем. Демагогия легко может подменить уснение проблемы примитивным лозунгом, способным воодушевить и "собачье сердце". Долой "звездные войны", да здравствует первейшее право — право на жизнь!

3. Сказанное достаточно разъясняет глобально-стратегический смысл происходящей в СССР "революции сверху": модернизация экономики плюс усиление политического воздействия на внешний мир путем расширения социальной базы партийно-государственной власти внутри страны. Критики на Западе подчеркивают противоречивый и путанный характер выдвинутого группой Горбачева плана преобразований. Намечено усиление рыночных механизмов, но и укрепление государственного контроля, ликвидация всей сложности возникающих проблем. Демагогия легко может подменить уснение проблемы примитивным лозунгом, способным воодушевить и "собачье сердце". Долой "звездные войны", да здравствует первейшее право — право на жизнь!

3. Сказанное достаточно разъясняет глобально-стратегический смысл происходящей в СССР "революции сверху": модернизация экономики плюс усиление политического воздействия на внешний мир путем расширения социальной базы партийно-государственной власти внутри страны. Критики на Западе подчеркивают противоречивый и путанный характер выдвинутого группой Горбачева плана преобразований. Намечено усиление рыночных механизмов, но и укрепление государственного контроля, ликвидация всей сложности возникающих проблем. Демагогия легко может подменить уснение проблемы примитивным лозунгом, способным воодушевить и "собачье сердце". Долой "звездные войны", да здравствует первейшее право — право на жизнь!

3. Сказанное достаточно разъясняет глобально-стратегический смысл происходящей в СССР "революции сверху": модернизация экономики плюс усиление политического воздействия на внешний мир путем расширения социальной базы партийно-государственной власти внутри страны. Критики на Западе подчеркивают противоречивый и путанный характер выдвинутого группой Горбачева плана преобразований. Намечено усиление рыночных механизмов, но и укрепление государственного контроля, ликвидация всей сложности возникающих проблем. Демагогия легко может подменить уснение проблемы примитивным лозунгом, способным воодушевить и "собачье сердце". Долой "звездные войны", да здравствует первейшее право — право на жизнь!

условно), которые могут получить прямой выигрыш от свободы предпринимательства в рамках государственного регламента. Было бы напрасным трудом предугадывать размер и качество предстоящих преобразований в терминах "демократизация", "либерализация", "кодификация" и т. п. Равнодействующая многих сил определяется, говоря конкретно, в зависимости от четкости политических лозунгов социальных сил как внутри лагеря реформаторов, так и в стане противников этих реформ. К последним можно отнести как инерционную силу аппарата власти, воплощенную в "среднем звене", так и основную массу населения, охваченного чувством бессилия и усталостью. Гораздо важнее, однако, вопрос о том, каковы те социальные векторы, которые заблокированы в "лагере реформы", где ныне оказались и правозащитники-диссиденты, и упомянутые выше "прогрессисты".

4. Идейная программа советских бисмаркианцев содержит и ферменты, и рудименты, которые предписано сочетать в "оптимальных" пропорциях. С одной стороны, борьба против "буржуазной и оппортунистической идеологии", против "мещанства и накопительства", укрепление государственности и даже "проведение целостной, сильной социальной политики" (не читала ли это из Муссолини?). А с другой стороны — крепить социальную справедливость, не технократически, а гуманистически разрешать проблемы, рождаемые НТР, и т. п. Формулировки взяты мною из постановления ЦК КПСС "О журнале "Коммунист" ". В эти фразы легко может вписаться любой исход борьбы вокруг программы перестройки. И подлинная демократизация как итог давления творческой элиты общества, ориентированной на общечеловеческие ценности, и "народный сталинизм" (я заимствую термины из Самиздата), национал-большевизм с его временным попутчиком — "национал-либерализмом", если группе Горбачева удастся изолировать малочисленное правозащитное движение, на которое в течение двадцати лет обрушивалась вся мощь карательной машины государства. Этот исход программы перестройки в модернизированную "народную монархию" (точнее, олигархию Политбюро как коллективного регента при временщике-генсеке) мне видится как наиболее вероятный, если не найдется сил, способных этому противостоять. (Писатель Николай Горбачев, автор поэтического романа "Ракеты и подснежники", восторженно говоря о "перестройке, борьбе за оздоровление социально-нравственного климата в стране", простодушно выбалтывает собственное понимание этих реформ: "Вспоминается лозунг далеких тридцатых годов — время, вперед!" — Газ. "Советский патриот", 24 сентября 1986 г.)

5. "Оттепель" — вполне подходящий термин для описания текущей ситуации. Это уже не первая оттепель, и она не более противоречива, чем предшествующие. Она лучше спланирована сверху, и возникает соблазн сравнить ее масштабы с прежними. Как и прежде, она рождает надежды и законный скепсис. Что же все-таки резоннее? Каждая оттепель оставляла после себя и несбывшиеся надежды, и необратимые результаты. Я хотел бы подчеркнуть, что каждая оттепель неповторима и не может быть системы параметров для сопоставления масштаба, ширины и глубины потепления. Вспомним, что 1956 год — это и сокращение лагерей, и 20 тысяч убитых на улицах Будапешта.

Марк ПОПОВСКИЙ

Капризы континентального климата

*Эпоха гласности настала,
Во всем прогресс — но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.*

Василий Курочкин
(1831—1875)

Либерализация в СССР? Конечно, есть. Все признаки налицо. А, собственно, что вас удивляет? Я за свою долгую жизнь видел много этих самых либерализаций, сначала изнутри, как советский гражданин, потом снаружи, как эмигрант. Первая в моей жизни либерализация произвела на меня потрясающее впечатление. И на весь советский народ тоже. В том 1939 году учился я в классе, где у половины моих товарищей сидели отцы, а у многих и матери. У классной руководительницы сидел муж. И вдруг с фронтона городского совета (я жил тогда в Вологде) убрали портрет главы НКВД Ежова. Вскоре в газетах появилось сообщение: расстреляли мерзавца. А потом — одна за другой статьи о незаконных арестах, об отвратительных доносах, которые вводили власти в заблуждение и толкали их на незаконные аресты. У наших ребят в глазах восторг: наконец-то разобрались! Теперь батьку выпустят. И действительно, новый нарком Лаврентий Павлович Берия в 1939—1940 годах отпустил с миром сотни две или три узников. Ветер свободы веял над Родиной. Ветер надежд... В те же дни расстреляли отца моего близкого друга, вдова получила извещение. Этот спазм либерализма происходил одновременно с заключением договора с Гитлером, с захватом Польши, куска Румынии, всей Прибалтики и началом войны с Финляндией.

Мало кто вспоминает сегодня о поразительно либеральном жесте, который Сталин сделал вскоре после Второй мировой войны. Родина простила тысячи своих заблудших граждан, ушедших в эмиграцию после Гражданской. Какие восторги изливала в те годы эмигрантская и западная пресса! Десять тысяч русских взяли красивые паспорта только в одном Париже. Едем на Родину! Там теперь свобода! "Демократизация сталинского режима", — писали американские, английские и французские газеты. И потекли два людских потока, которым позднее суждено было встретиться: русские эмигранты с Запада — в СССР, а советские солдаты и офицеры, освобожденные из немецкого плена, — в советские лагеря...

Послесталинскую либерализацию все помнят. Как не помнить? В "Новом мире" уже в декабре 1953-го появилась потрясающая по разоблачительной силе статья Владимира Померанцева "Об искренности в литературе". Автор во всех деталях проследил механику лакировки в советской литературе. Потом роман "Не хлебом единым". И пошло, и поехало. Ольга Берггольц опубликовала неслыханно резкую статью "Против ликвидации лирики", даже битый поэт Илья Сельвинский, уверовав в то, что начинается новая эра, в "Литгазете" сравнил совлитераторов с оркестром, который слышно лишь в первых трех рядах партера. Я как молодой-начинающий был приглашен на Второй съезд писателей в 1954-м. Чего там только не кричали! Каких героев ввели в правление! Елизар Мальцев, Александр Борщаговский, Степан Шипачев. А Грибачева и Софранова выгнали из секретариата с треском. Делегатам Восьмого съезда СП СССР (1986) такая либерализация и не снилась. А что потом? Потом тридцать лет тюрьмы и удушения всякого живого голоса в литературе советской. Хотя, простите, я забыл хрущевскую либерализацию, когда Лысенко взашей выгнали, миллионы из лагерей выпустили и на полтора года приоткрыли свои двери государственные архивы (я как раз успел выхватить следственное дело академика Николая Вавилова за № 1500). В ту пору взошел Солженицын... Послесталинская либерализация, как известно, совпала с расстрелом Венгерской революции, позднее была подавлена Пражская весна. По логике очередная либерализация советской литературной и общественной жизни должна была начаться в декабре 1979 г., сразу после вторжения в Афганистан. Но, очевидно, Брежнев к тому времени уже настолько распался, что забыл правила игры.

Так что нынешняя горбачевская либерализация, откровенно говоря, меня не удивляет. В ряду других она свидетельствует о том, что советская политика преемственна и традиционна. Все вожди прекрасно понимали, что время от времени необходимо: а) выпускать пар общественного недовольства, б) свалить вину за прошлые безобразия на предшественников и в) извлечь соответствующие экономические и политические выгоды из "а" и "б". Без повторяющихся потоплений я попросту не представляю себе советскую систему. При этом неправильно было бы считать, что либерализация в СССР должна относиться только к литературе или науке. А чем, как не организованной сверху либерализацией, был нзп? А разве не была приступом либерализации статья товарища Сталина "Головокружение от успехов" (март 1930)? Из нее советский народ узнал, что не Иосиф Виссарионович, а голоוותы на местах насильно загнали мужика в колхозы. Либерализация эта продолжалась целых шесть месяцев, после чего у крестьян отобрали урожай, "кулаков" послали умирать на Север, и коллективизация благополучно завершилась победой власти над крестьянином.

Когда о раскрепощении советской литературы с умилением пишет корреспондент "Нью-Йорк Таймс", убежденный, что публикация нового сверхлиберального романа Анат.Рыбакова (бывший председатель приемной комиссии СП СССР, лауреат Сталинской премии 1951 г.) произведет потрясение основ, я не удивляюсь. Но, к сожалению, эти глупости повторяет и кое-кто из недавних интеллектуалов-эмигрантов, заговоривших о перспективе серьезных общественно-политических перемен в СССР. О таких моих соотечественниках можно сказать лишь одно — "недосиденты"...

Я не утверждаю, что мне ясен весь механизм нынешней либерализации. Многие для меня все еще тайна. Среди прочего я очень хотел бы понять, где именно находится Главный Штаб Либерализации: на Старой ли площади в здании ЦК КПСС или на площади Дзержинского во дворце КГБ?

Михал РЕЙМАН

Не будем спешить с оценками

В СССР происходят серьезные изменения. Дело не только в том, что к власти пришло новое поколение политиков. Впервые со времени революции во главе государства стоят представители образованного, культурного слоя. Ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев, как и большинство их соратников, таковыми, несмотря на наличие у них формального образования, считаться не могли. Новое положение вещей проявляется уже в изменении приоритетов советской политики, в постановке ряда проблем внутренней и международной жизни. Наиболее существенными мне кажутся, однако, элементы новой культуры политического мышления и поведения. Их развитие представляется фактором, от которого в решающей степени будет зависеть будущее страны.

Говорить о перспективе перемен в СССР пока трудно. Они будут наталкиваться на исключительные трудности. Перемены начались сверху. О характере социальных структур в СССР, о характе-

ре аппаратов власти и управления достаточно написано в прошлые годы. В том, что эти структуры и аппараты обладают большой сопротивляемостью по отношению ко всяким реформам и изменениям, не приходится сомневаться, это признает и сегодняшнее руководство СССР. В то же время перемены начались в условиях отсутствия в стране сколько-нибудь сильного и широкого общественного движения, в обстановке застоя и гниения, унаследованной от постыдной брежневской эпохи. Реальные условия жизни большой массы людей пока не изменились. Отношение нового руководства ко многим ключевым проблемам настоящего и прошлого, например, к таким вопросам, как Афганистан, Польша или Чехословакия, а с другой стороны, таким, как борьба с инакомыслием, нарушение гражданских и человеческих прав, национальная дискриминация и т. п., остается пока в лучшем случае невыясненным. Сама по себе ведущая группировка советских политиков вряд ли может считаться однородной, и не только потому, что к ней все еще принадлежат политики брежневского поколения. Среди нового поколения политиков тоже заметны немаловажные оттенки мнений. Приходится считаться с тем, что рано или поздно оформится направление, стремящееся к ограничению объема реальных изменений.

И тем не менее: в сегодняшнем советском руководстве существует ясно выраженная воля к серьезным переменам в строе советской жизни. Многие из того, что сегодня происходит в СССР, еще совсем недавно казалось немислимым. Борьба против злоупотребления властью, коррупции и некомпетентности, расширение гласности, как и улучшение условий творческой деятельности, являются фактом. Его вряд ли можно недооценивать. Конечно, в оценке характера и перспектив изменений в СССР будут сильно сказываться различия идейных и политических позиций каждого из нас. В то же время от успеха перемен в СССР зависит очень многое, и не только внутри страны. В этом деле невозможно оставаться равнодушным. Поэтому пока СССР находится в процессе существенных перемен, необходимый критицизм по отношению к его прошлому и настоящему, как и скептицизм по отношению к его перспективам, не должен мешать поддержке положительных явлений.

Василий РУДИЧ

Инвалид с компьютером

Как мне представляется, основная историческая проблема, стоящая теперь перед Советским Союзом, — это овладение компьютерной ступенью научно-технической революции. Цель в нынешних политических и экономических условиях неосуществимая, ибо — помимо трудностей, связанных с хроническим отставанием от Запада, — ее реализация в масштабе всей страны (здесь никакое частичное решение смысла не имеет) неизбежно приведет к утрате властями контроля над информацией, контроля, который составлял главный смысл их деятельности в течение десятилетий. История мстит за себя жестокой иронией, ибо сложившаяся коллизия укладывается в формулу исторического материализма, которая в этом единственном случае кажется уместной: "конфликт производительных сил и производственных отношений".

Вопрос упирается в то, верит ли нынешнее руководство в осуществимость спасительных реформ в рамках так называемой социалистической экономики, без радикальных мер, например, роспуска колхозов. Если же не верит, то возможно ли, с его точки зрения, преобразование страны в капиталистическом духе без утраты политического могущества номенклатуры? Наше столетие уже явило прецеденты сосуществования капитализма и партократических диктатур: например, фашистская Италия или сегодняшний, бурно капитализирующийся Китай. Происходящие события — такие, как новобъявленный нэп, — как будто указывают, что правительство Горбачева намерено испытать китайскую модель.

В случае успеха мы вернемся к положению вещей, сходному с временами, скажем, Александра III, что, конечно, было бы громадным шагом вперед. Политически это должно будет выразиться в допущении какой-то формы лояльной оппозиции и возобновлении некоторого подобия диалога между интеллигенцией и властью. Тем не менее препятствия на пути страны к естественному образу жизни кажутся почти неодолимыми. Даже если соответствующие решения и будут приняты на высшем уровне, удастся ли выработать навыки нормального хозяйствования у нации, три поколения которой были лишены малейшего представления о том, как это делается? Нельзя забывать и о миллионной бюрократии, менее всего способной идти на уступки, которые грозят ее привилегиям, несмотря на то, что этого могут требовать ее собственные интересы.

Поступающие из Советского Союза сведения настолько противоречивы, что единственное объяснение этому я нахожу во внутривластной борьбе на многих уровнях и прежде всего в Политбюро. На мой взгляд, существует опасность государственного переворота, если Горбачев не пойдет на пятую, как случилось в свое время с Хрущевым. Приход к власти его противников будет означать отказ от реформ, а это приведет к научно-технической катастрофе, к внешнеполитической изоляции, к тому, что через пятнадцать-двадцать лет Россия превратится в третьестепенную державу, в организующего монстра наподобие Османской империи конца прошлого столетия. История, однако, учит,

что тоталитарный ражим, однажды подвергшись либерализации, сколь угодно поверхностной, рано или поздно перерождается. Во что именно, угадать заранее вряд ли возможно. Будем надеяться, что это произойдет скорее рано, чем поздно, и с наименьшим ущербом для всех нас.

Витторио СТРАДА

Итог семидесяти лет

Когда мы спрашиваем, каковы перспективы развития Советского Союза, нам больше чем когда-либо следует отдать себе отчет, как соотносятся намерения и планы руководства с проблемами, которые предстоит решить. Иначе говоря, чего хотят, что должны и что могут сделать кремлевские вожди?

В демократическом обществе такие вопросы особых затруднений не вызывают. Все выливается в свободную дискуссию, каковой, собственно, и является культурно-политическая жизнь открытого общества. Иное дело закрытый мир советского тоталитаризма, где столь афишируемая, но крайне ограниченная гласность не выносит на обсуждение существо советской политической теории и практики. Согласно официальной идеологии, теперешнее руководство хочет того, чего, начиная с Ленина, хотели все его предшественники. Но предшественники Горбачева преследовали провозглашенные коммунизмом цели по-разному, восполняя абстрактность этих целей различными конкретными замыслами и планами. А каковы сейчас эти конкретные замыслы и планы?

Сказать, например, что во внешней политике советское руководство хочет мира, значит не сказать почти ничего, и не только потому, что мира в общем-то хотят все; вопрос в том, чего оно хочет наряду с миром, какими средствами и какой ценой оно готово "бороться" за мир. Во внутренней политике советское руководство, по его словам, хочет перестройки и ускорения. Однако и здесь, не говоря уже о том, что в течение почти семи десятилетий СССР только и знал, что ускорялся и перестраивался, требуется уточнить, как нынешние руководители конкретно понимают эти вечные цели своей политики. Обращение к прошлому лишь частично проливает свет на настоящее: нэп был краткой передышкой, на которую власть вынужденно пошла после провала "военного коммунизма", ограничившись сферой экономики и не затронув область политики, но оставив за собой право в любой момент положить конец экономическим уступкам. Этот шаг стал возможен и потому, что существовало частное крестьянское хозяйство и были еще живы традиции рынка и капиталистической инициативы. Конечно, теперь ситуация совершенно иная.

Тем не менее, сознавая неизменность советской политики в целом и в той или иной мере догадываясь о конкретных целях теперешнего руководства, мы в состоянии судить о том, что оно должно и может сделать. Оно стоит перед объективно-исторической проблемой, касающейся не только Советского Союза. Речь идет об общем кризисе коммунизма как реальности и идеологии. Этот кризис, начавшийся в 1956 году (хотя его корни уходят значительно дальше), породивший трагические события в Венгрии и Чехословакии, — привел к социальному, экономическому и культурному застою, которого не в состоянии скрыть динамизм советских лидеров последнего периода во внутренней политике и на международной арене. Динамизм этот как раз и есть выражение кризиса и один из способов хоть как-то контролировать его, если не найти из него выход.

Мы имеем дело с кризисом эпохальным, который мог бы окончиться катастрофой, если бы мир давно уже не вступил в стадию ядерного вооружения и СССР не превратился бы, наряду с Соединенными Штатами, в ядерную сверхдержаву. Современная военная техника, тяжким бременем давя на экономику СССР, вместе с тем предоставляет режиму возможность маневрировать.

Итак, правящая верхушка должна держать под контролем кризис коммунистической системы и искать способы смягчить его самые болезненные проявления. Благодаря военной мощи и динамике сил на международной арене она пока еще с этой задачей успешно справляется. Вопрос будущего страны (и всего мира) в том, каково соотношение между тем, чего хочет, что должен и что может новый советский правящий класс, то есть приведет ли кризис коммунизма к изменению общих целей коммунистической идеологии и конкретных целей правящих верхов. Если цели останутся неизменными (как это выглядит сейчас), возможности перестройки будут невелики и "ускорение" останется прежним: это будет бег на месте, без существенного обновления и улучшения.

Итак, прежде чем предаваться надеждам, строить прогнозы и изрекать пророчества, давайте трезво осмыслим настоящее со всеми заложенными в нем потенциями. Ведь есть еще и такой неучтенный фактор, как советское общество, подавленное и распыленное тоталитарным режимом. Можно ли исключить, что русский народ и другие национальности Советского Союза не пробудятся от принудительной спячки и пресловутый "гомо советикус" не станет снова просто человеком?

Придется ограничить собственную власть

Сокращение доступной информации стало признаком перебоев в функционировании советской системы на закате эры Брежнева. Симптомы болезни в обществе и экономике игнорировались. Вот некоторые примеры: отсутствие публикаций об урожае зерновых, скупость опубликованных данных переписи 1979 года, запрещение обсуждать показатели детской смертности и ожидаемой продолжительности жизни мужчин.

Оживив лозунг гласности, под которым Хрущев в свое время разрешил открытую дискуссию в обществе, Горбачев постарался изменить этот порядок. Опубликованы данные об урожае зерновых за всю последнюю пятилетку, открыто признано существование наркомании и проституции. Уделено некоторое внимание вопросу о еврейской эмиграции. Эти повороты политики пробудили взволнованные ожидания в кругах научной и творческой интеллигенции. Горбачевское руководство приняло также меры к ограничению произвола, заложенного в самой природе методов управления в СССР. Некоторые сферы, ряд областей общественной и хозяйственной деятельности, где безраздельно распоряжалась администрация (вдобавок по секрету от граждан), стали объектом гласного и более точно сформулированного законодательства. Следует напомнить, что сходный процесс в области уголовного права привел к прекращению сталинского террора.

Коренной проблемой преобразований остается, однако, вопрос о прерогативах *аппарата* коммунистической партии. Тут Горбачев действует немного более осторожно. Его речь в октябре 1986 года на совещании работников общественных наук и отсрочка ноябрьского пленума, где предполагалось обсудить вопросы кадровой политики, говорят о трудностях, стоящих перед генеральным секретарем.

До тех пор, пока аппарат будет контролировать социальную и экономическую политику, судьба любых намечаемых реформ останется в его руках. Этот аппарат был создан Лениным как инструмент политического контроля и доказал свою эффективность в этом смысле. Но в сфере экономического руководства он становился все менее эффективным. В последние годы аппарат стал одним из препятствий хозяйственного развития. Говоря марксистским языком, обострились противоречия между производительными силами и существующими производственными отношениями, основанными на господстве партийного аппарата.

Пока что Горбачев, карьера которого типична для аппаратчика брежневского периода, осуществил лишь незначительные изменения в статусе и прерогативах аппарата. Если он намерен проводить *качественные* перемены в обществе и хозяйстве, о которых он столь часто говорит, то ему придется существенно изменить и определение функций аппарата. Такие перемены потребуют ограничения власти партии, в том числе и самого генсека. Пойдет ли он на это?

Борис ШРАГИН

Не начало, а новый этап

В жизни лжеца мыслимы такие ситуации: либо его окружают легковверные, либо ложь так груба, что ей никто не верит, либо сперва верили, а потом перестали. Третий вариант, по-моему, характеризует нынешнее положение партии. Что пользы твердить небылицы? От этого лишь разрушается и без того шаткий авторитет.

Горбачев в достаточной мере прагматик, чтобы оценить реальное положение дел. Отсюда кампания за "гласность". Производит почти неотразимое впечатление, когда закоренелый лгун вдруг начинает говорить правду.

От горбачевской "гласности" до свободы получать и распространять информацию далеко. Народу нужна свобода информации, чтобы выносить свои собственные решения по вопросам, от которых зависит жизнь всех людей. Эту прерогативу — и получать информацию, и распространять ее, и принимать решения — Горбачев сохраняет за собой.

Благодаря нынешней "гласности" можно узнать из советских газет то, о чем они прежде умалчивали или что они искажали до неузнаваемости; но положи руку на сердце, ведь все это было известно — по крайней мере тем, кто не ленился думать и сопоставлять. Здесь-то и таится соблазн. Допустим, будет опубликован правдивый роман Анатолия Рыбакова "Дети Арбата" о сталинских временах. Но кто же из вероятных будущих читателей не знает, что было при Сталине? Однако это никому не мешало вписаться в советские будни, даже самому автору. Не помешает и впредь.

В условиях такой "гласности" темные пятна становятся по контрасту еще темней. Хотелось бы, например, регулярно читать в "Правде" сводки о военных потерях в Афганистане — и своих, и у противника, и среди мирного населения. Хотелось бы, чтобы правительство (а еще лучше — независимая от правительства печать) рассказало своему народу о том, почему на самом деле советская

армия оказалась в этой стране и каковы ее действительные цели. Вот это и вправду было бы гласностью.

Вероятно, многие назовут меня фантазером. В свое оправдание скажу, что видимая крайность моего подхода продиктована пониманием экстремальности ситуации. В Советском Союзе сейчас в застое не одна экономика, но весь общественный организм. Высокая степень индустриализации требует раскрепощения не только хозяйственной инициативы населения, но также и политической, и культурной свободы. Советское общество сегодня — не “коммунистическое” и не “социалистическое”, а просто отсталое. Оно сохранило значительные элементы средневековья и в этике человеческого поведения, и в отношениях между обществом и государством. Все это нужно срочно менять, полумерами не отделаешься.

Горбачевская эпоха, как она проявила себя на первых порах, — не начало выхода из кризиса, а всего лишь новый этап в развитии этого кризиса. Перефразируя знаменитую формулу Ленина, можно сказать так: “Верхи не могут жить по-старому, но они не могут и по-новому”. Это и комедия, и трагедия. В зависимости от точки зрения.

Единственный выход — возродить *самодетельное* общество. Сумятица “перестройки” открывает для этого возможности. Воспользоваться ими опять-таки есть обязанность общества.

Александр ШТРОМАС

Шесть тезисов о положении в СССР

1. Развитие советского общества носит колебательный характер — от крайней централизации политического управления общественно-экономической системой к его относительной децентрализации и затем следующей ренцентрализации. Колебания эти вызваны тем, что власть неспособна эффективно управлять экономическими процессами и экономика приходит в упадок, ставя под угрозу самое существование коммунистической власти. Тогда правящая клика вынуждена идти не определенную децентрализацию, которая, достигнув известного уровня, в свою очередь тоже ставит систему под угрозу распада. Возвращается ренцентрализация, успех которой обеспечивается не только мерами политического насилия, но и достижениями предыдущего периода. От крайней централизации политического управления обществом при военном коммунизме (на самом деле он был введен до начала Гражданской войны, во время мира с Германией) это общество перешло к системе относительной децентрализации при нэпе, а нэп в свою очередь сменился при Сталине тоталитарной ренцентрализацией. После Сталина цикл повторился в форме относительной децентрализации, осуществленной Хрущевым, и последовавшей за ней брежневской ренцентрализации. Казалось бы, ныне должен наступить период новой децентрализации, но он никак не приходит; наоборот, партия и правительство делают все возможное, чтобы укрепить централизм политического управления советским обществом. Цикл, таким образом, в настоящее время “зациклился”. Это говорит о том, что советский социализм исчерпал возможности решать свои проблемы циклическим методом и стоит перед вопросом: быть или не быть.

2. Решение этого вопроса не зависит от личных планов Горбачева. За 18 лет правления Брежнева советская система из *автократически-тоталитарной* окончательно превратилась в *олигархически-тоталитарную*, где генсек является не более чем выразителем воли правящей олигархии. Его власть ограничена ролью исполнителя выданного ему “императивного мандата”. Олигархия же в принципе не способна к радикальному обновлению, — она по определению является силой консервативной и трусливой. Все ее решения сводятся к обеспечению социально-политического статус-кво. Нельзя забывать, что генсеком Горбачева назначил тот же состав Политбюро (не считая умершего Устинова), который раньше выдвинул на этот пост Черненко. Горбачев сменил 40% руководящего состава. Но остальные 60% руководящих постов (своего рода контрольный пакет) остаются в руках брежневской гвардии, и даже те, кто уступил свои кресла более молодым преемникам, отнюдь не всегда ушли на “заслуженный отдых”. В составе ЦК, например, сохранились и по-прежнему играют активную роль Тихонов, Кузнецов, Пономарев, Байбаков, Горшков, Толубко и другие. Да и новые люди, в конце концов, — выходцы из тех же рядов.

3. Коллективная воля представляемых ныне Горбачевым олигархов сводится к тому, чтобы вывести экономику из критического состояния, не прибегая на сей раз к традиционному способу проведения децентрализующих реформ. Правящая олигархия осознала, что сегодня положение настолько обострилось, что даже самое осторожное движение в сторону децентрализации может вызвать бурный встречный процесс самодетельного осуществления предприятиями своих узурпированных аппаратом естественных прав. Следствием такого стихийного процесса было бы перемещение центра управленческой власти сверху вниз, на уровень самих предприятий, что в свою очередь привело бы к структурной и функциональной перестройке политической власти. Для партийной олигархии в этой новой структуре не осталось бы места. Поэтому перестройка, согласно уставке нынешнего руководства, должна проводиться так, чтобы ничего на самом деле перестроено не

было. Недаром ударение делается не на перестройке системы, а на перестройке сознания людей, их отношения к порученному делу.

4. Тем не менее правящая верхушка все же предлагает принять какие-то паллиативные меры, призванные заменить децентрализацию. Меры эти сводятся в основном к следующему: а) технологическое перевооружение народного хозяйства (возрождающее угасший было миф о том, что можно решить фундаментальные экономические проблемы не социальными, а чисто техническими мерами); б) переход от экстенсивных методов развития экономики к интенсивным (например, переоборудование существующих производственных мощностей вместо ввода в строй новых); в) укрепление государственной и трудовой дисциплины, в частности, борьба с пьянством; г) еще более жесткий партийно-государственный контроль над всеми сферами общественной деятельности.

5. Однако найти удовлетворительное решение экономических и социальных проблем с помощью "просвещенного сталинизма" невозможно. Если и удастся временно повысить экономический потенциал, система застопорится снова. Это предвидят и, главное, открыто об этом говорят многие советские журналисты и ученые, — назовем в первую очередь Ф.Бурлацкого, Т.Заславскую и Е.Амбарцумова. Они считают, что в стране назрела революционная ситуация, производительные силы советского общества, по их словам, вступили в конфликт с существующими в нем производственными отношениями и, чтобы избежать настоящей революции, необходима революция сверху. Жертвой этой революции должно, по их мнению стать среднее звено партийно-государственного аппарата. Любопытно, что иногда таким же языком говорит и сам Горбачев, а также некоторые лица из его окружения (Ельцин, Рыжков).

На деле, однако, все происходит наоборот. Введенная недавно сложная система законодательных и административных мер борьбы с "нетрудовыми доходами" демонстрирует это весьма ярко. Никогда прежде, даже при Сталине, экономическое поведение людей не подвергалось такому тотальному контролю. Но, с другой стороны, есть примеры активного противодействия такого рода мерам и делам. Упомянутый выше Ф.Бурлацкий, писатель Л.Жуховицкий и другие выступили с критикой "перегибов", а спустя некоторое время был принят Закон об индивидуальной трудовой деятельности, открывающий кое-какие возможности для частной инициативы. Тем не менее и этот закон предусматривает неукоснительный административный контроль за поведением людей.

6. До тех пор, пока в СССР будет существовать олигархический строй, ни о какой революции сверху не может быть речи. Предварительным условием такой революции может быть замена олигархии автократией. Стремление почти всех советских людей видеть во главе государства "сильную личность" вызвано не пресловутой любовью русских к авторитарному строю, автократии, а желанием скорейших коренных перемен, неприятием нынешнего режима. Советская система достигла предела своего развития. Она исчерпала свой "социальный ресурс" (выражение акад. Т.Заславской) и не в силах продолжать свое движение по закону "социалистического цикла". Можно предположить, что на месте рухнувшей страны Советов возникнет не только новая Россия, но и другие национальные государства, народы которых ныне находятся в плену у СССР.

Дора ШТУРМАН

Неизлечимый больной

Из-за невозможности превращения живого общественного организма в механизм, абсолютно послушный его манипуляторам, СССР так и не дошел до уровня управляемости орвелловского "анг-соца". Однако многолетняя централизация всей существенной социальной инициативы и пронизывающий все общество верховный контроль в предвидимом будущем делают крайне маловероятными принципиальные позитивные изменения "снизу", мирные или насильственные. Поэтому всеобщее внимание сосредоточено на том, что делают и чего не делают советские лидеры — единственный реальный источник перемен в Советском Союзе. Им, несомненно, ясна кризисная ситуация в СССР. Я не буду ее характеризовать, о ней достаточно пишет мировая пресса, в том числе и эмигрантская. Говорят о ней и советские средства массовой информации, нередко в подтексте своих публикаций и выступлений прозрачно затрагивая системные основания этого кризиса. Все чаще появляются партийно-правительственные постановления под заголовком "О коренной перестройке..." Но *корней* эти постановления не касаются. Перестройка не посвящает ни на "монополию легальности" (Ленин) партии, ни на идеологическое единообразие, ни на господство государственной собственности во всех сферах хозяйства, ни на закрытость границ, ни на экспансионистскую, прямую и замаскированную, политику СССР.

Впечатление таково, что советские руководители хотят все улучшить, ничего принципиально не изменяя.

Атаки гласности ориентированы властью (правда, изредка они выходят, по-видимому, из-под ее контроля) против "субъективных факторов" кризиса: против алкоголизма, хищений, взяток,

коррупции, незаконной экономической инициативы, волокиты, плохого планирования, аморализма и пр., зачастую на довольно высоких уровнях. Это ориентирует недовольство общества против конкретных виновников зла и создает впечатление активности власти в борьбе с развалом.

Однако при всем кажущемся раскрепощении гласности ни на одном из недавних съездов деятелей культуры не прозвучали слова в защиту репрессированных коллег, еще живых — в отличие от тех давно и недавно умерших, кого на съезде писателей осмелились упомянуть. Более того: репрессии против инакомыслящих, решительно отрицающих всякое насилие, в том числе и против верующих, продолжаются. Их гласная защита исключена. Тех немногих из них, кого освобождают и даже вышвыривают за рубеж, спасают своими акциями Запад и эмиграция, а не отечественная гласность.

Я не сочла бы либерализацией даже predetermined какими-то расчетами "верхов" возобновление еврейской (и в редчайших случаях не только еврейской) эмиграции. Либерализацией было бы открытие границ для свободного выезда и возвращения всех желающих вне зависимости от национальности.

Не исключено, что допущенное оживление критики и усиление репрессий против экономических преступлений связаны не только с желанием оздоровить, подлечить систему, ничего в ней в принципе не изменяя, но и со стремлением показать стране, при каком положении дел новый генсек и его помощники приступили к исполнению своих обязанностей. Припомним, что информационные бумы, связанные со сменой лидеров, уже в Советском Союзе бывали. В пятидесятых годах этот бум сопровождался широчайшей реабилитацией осужденных и освобождением выживших. После вынужденной отставки Хрущева тоже публиковались сенсационные материалы о том, до какого состояния дошла советская экономика. Поэтому одна только активизация критики (без неограниченного цензурой анализа принципиальных основ режима и без реформ, на них посягающих) еще не свидетельствует о либерализации "реального социализма".

Повторим, что нет ни малейших признаков изменения внешней политики СССР и какой бы то ни было новой ориентированности средств массовой информации в этой области.

Все это, на мой взгляд, свидетельствует, что надежды на близкую и неподдельную либерализацию в Советском Союзе серьезных оснований под собой пока, к сожалению, не имеют.

Александр ЯНОВ

Наследник Столыпина

То, что происходит в России с марта 1985 г., по-моему, очевидно и может быть определено одним словом: дебрежелизация (аналогичная хрущевской десталинизации).

Те, кто слышал о деиванизации России после Ивана Грозного в Московский ее период или о депетринизации и деекатеринизации в период Петербургский, едва ли этому удивятся. Такова антагонистическая природа политического процесса в России от начала ее имперского существования: каждый новый режим разрушает политическое наследство, доставшееся ему от предыдущего. Отличаются друг от друга только функции ее режимов: то, что они разрушают и то, чему они служат.

Петр Столыпин мог думать после 1905 г., что он спасает православную монархию. На самом деле он продолжал реформу Александра II, разрушая основы этой монархии и открывая ворота смертельному для средневековой империи процессу — формированию сильного и массового среднего класса. Никита Хрущев мог думать после 1953, что он утверждает превосходство социализма. На самом деле, разрушая суперцентрализацию сталинской командной экономики, отказываясь принимать участие в гонке вооружений, благословляя в конце своего царствования "контрактную" революцию в сельском хозяйстве, он делал то же самое, что Столыпин. Горбачев начал с того, чем закончил Хрущев: с "контрактной" революции в сельском хозяйстве и с попытки избавиться от гонки вооружений. В этом смысле он продолжает реформу Александра II и Столыпина.

Однако сам факт, что пять поколений спустя после 1861 года Горбачеву приходится начинать все сначала, свидетельствует, что действуют в русской политике и другие режимы, функция которых — разрушать все, что делают русские реформаторы, в попытке увековечить средневековую империю. Реакционный режим контрреформы Александра III разрушил реформу его отца. Революционная ленинская контрреформа разрушила реформу Столыпина. Консервативный брежневский режим стагнации разрушил реформу Хрущева.

Этот краткий исторический обзор борьбы реформистского потенциала России с ее экстремистским (революционно-реакционным) и консервативным потенциалом на протяжении полутора столетий — помогает нам увидеть то, что происходит в России сегодня в контексте ее векового политического процесса. Но в то же время он демонстрирует, что сопротивление консервативного и экстремистского потенциала слишком велико в России, чтобы реформаторы могли с ним справиться; что, плоть от плоти этой средневековой системы, они не умеют сделать свои реформы необратимыми; что Россия обречена метаться в своей исторической ловушке (реформа — стагнация — контрреформа) до скончания времен, покада мировое сообщество не поймет, что русские реформаторы нуж-

даются в его интеллектуальной и политической поддержке, чтобы раз и навсегда прорвать заколдованный круг средневековой империи.

К сожалению, мировое сообщество никогда этого не понимало. Не понимает и сейчас. На поверхностный взгляд его отношение к русским реформаторам выглядит вполне оправданным. Могло ли оно помогать Столыпину, в котором видело только "царского сатрапа", раздавившего революцию и пытавшегося спасти средневековый царизм с его дикими еврейскими погромами и постоянными нарушениями прав человека? Не естественней ли было для него помогать самоотверженным антицаристам, стремившимся раз и навсегда покончить с бесчеловечным полицейским режимом? Конечно, естественней. Именно поэтому мировое сообщество всегда отказывало в поддержке русским реформаторам — и тем обрекло реформу на гибель.

Мы знаем, что из этой словно бы естественной позиции получилось в начале века, — знаем на собственной шкуре.

И все-таки мы продолжаем делать то же самое, что делали доблестные антицаристы начала века. Кто осмелится заикнуться сегодня о поддержке Горбачева, в котором мы видим только "коммунистического сатрапа", пытающегося спасти советский строй с его постоянными нарушениями прав человека и преследованиями диссидентов? Не естественней ли помогать самоотверженным антикоммунистам, стремящимся раз и навсегда покончить с бесчеловечным полицейским режимом?

Не дай Бог нам увидеть в нашем ядерном веке, что из этой словно бы естественной позиции получится.

Судьба наших отцов и наша собственная решалась 80 лет назад в отчаянной борьбе Столыпина с дремучей и дикой царской бюрократией. Судьба наших детей решается сегодня в отчаянной борьбе Горбачева с дремучей и дикой советской бюрократией. От нас, эмигрантских писателей, немного в ней зависит. Но не повторять ошибки своих предшественников — зависит от нас. ●

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Я ответил на просьбу "Страны и мира" — об "оттепели" до того, как ознакомился с № 12 за 1986, а иначе бы написал по-другому. Там перепутан дар Божий с ячницей, в одну кучу свалено все: православие (да уж и прямо христианство, слабый вскрик Лосского не меняет дела), провокация, "аб-ли-чительство", фашизм, Солженицын. Свалено? — нет, в подаче не без умелости срежиссировано, смонтировано, организовано — одним словом, сварганено в соответствии с целью доказать неприемлемое.

Понятный страх перед антисемитизмом в эссе "Ходящего — как известно — по водам" Хазанова "По ком звонит потонувший колокол" (по иронии судьбы претендующем на разоблачение "мифа") превращается в... настоящую охоту за ведьмами. "Берегитесь, — закликает Хазанов, — читая списки деятелей революции и — в скобках — их иудейские имена. Цель этих разоблачений..." и т. п. Вот-те на: Эйдельман сетует, что не ту фамилию дал писателю герою, а тут уже и имен *подлинных* называть нельзя. Как же писать историю?

Юрий Кублановский

Уважаемая редакция, у меня есть несколько замечаний в связи с заметкой С.Чертока "Проклятая квартира" в № 12 вашего журнала за 1986 г. Не знаю, работал ли Булгаков в доме у Срегенских ворот, но если он работал в Главполитпросвете, то это было в здании Наркомпроса на Чистых прудах — там, где в романе помещается Акустическая комиссия. "Дни Турбиных" репетировали в театре, а не на квартире Станиславского в Леонтьевском переулке (где Максудов был только один раз), — впрочем, может, и на квартире тоже, точно не знаю. Что же касается Проклятой (она же Нехорошая) квартиры, то дом 302-бис (а не 304-бис) — это дом 10 по Большой Садовой, а не по Садово-Кудринской.

А.Асаркан (Чикаго)

Александр ЯСАКОВ
(Москва)

ЖЕЛАНИЕ НАДЕЖДЫ

Автор этих несколько сумбурных заметок считает необходимым предупредить редакцию журнала "Страна и мир" и его читателей о том, что он (автор) — не историк, не социолог и не экономист. Он считает себя средней руки русским интеллигентом, чьи познания в историсофии, дающие ему основание относиться к себе с известной долей уважения, являются вполне дилетантскими. Тем не менее, как всякий, даже и вовсе не интеллигентный человек, он имеет самостоятельную точку зрения на происходящее в стране, что, конечно, само по себе не делает обязательным ее обнародование. Но, может быть, эта точка зрения заинтересует редакцию и читателей?

Хочу, дорогие товарищи, заострить вопрос на текущем моменте. Нет, серьезно. Пусть не специалист я в области общественных отношений, однако ведь интересно: что же это происходит? Я смею думать, что от нас, рядовых интеллигентов (или "образованцев", которые непрочь стать интеллигентами), кое-что зависит. Совсем мало, конечно, чуть-чуть, а все же — не то чтобы вовсе ничего.

Со времени солженицынского призыва "жить не по лжи" я не встречал в доступной мне там- и самиздатской литературе серьезного обсуждения вопроса о гражданской позиции сегодняшней русской интеллигенции. Призыв, однако, остался призывом: трудно, согласитесь, рассуждать на то, что целый социальный слой пойдет по стопам единичных героев правозащитного движения. Любопытно также, что сами солженицынские рекомендации в жизни, например, инженера мало что меняют и даже, простите, вполне соответствуют партийным лозунгам. А вот легальную работу журналиста, писателя, научного работника-обществоведа делаем, если им следовать, практически невозможной.

И все же, все же, все же. Все мы люди-человеки: хочется надеяться. На что? — спросите вы. Ну, хотя бы на развитие общественного мнения. Я убежден, что оно — общественное мнение — существует в сегодняшней России. Оно неформально, оно часто неприемлемо (скажем, для меня), оно не всегда гуманно, сплошь и рядом совпадает с официальным (да ведь и солженицынский лозунг, как я уже говорил, адекватен нынешним партийным), — но оно есть. И мы участвуем в его формировании. Мне кажется, что значение процессов, происходящих сегодня в СССР, многими недооценивается — и прежде всего теми, на ком изначально лежит большая ответственность, чем на прочих, — писателями, историками, социологами.

Вот, скажем, в статье К.Любарского о чернобыльской катастрофе дается необратимо-резкая оценка личности М.Горбачева. Я полностью согласен с негативным отношением автора к поведению нового генсека во время и после Чернобыля. Но я бы воздержался от поспешности в оценке его деятельности в целом. Да и не в одном лишь Горбачеве дело: по моему глубокому убеждению, он все-таки пока не единовластен. Подтверждение тому — разногласия в высшем руководстве, отчетливо проявившиеся на XXVII съезде. Я имею в виду дискуссию между вторым секретарем ЦК Е.Лигачевым и первым секретарем МГК Б.Ельциным. Если Лигачев — и это совершенно очевидно из его выступления — готов обойтись лишь чистой аппаратурой и до упора закрученными гайками во всем прочем, то Ельцин явно замахивается на "священную корову", предлагая радикальные меры в области ущемления привилегий партийного аппарата.

А Горбачев, по-видимому, лавирует. Какое из этих двух направлений восторжествует, когда (и если) он станет единоличным правителем, неясно. А пока отметим: Горбачев — лучшее, что есть на сегодня в ЦК. Тоже, конечно, не Бог весть, но думаю, что какой-нибудь Чебриков все-таки хуже.

Кроме того: внимательно следя за публикациями в советской прессе, можно говорить о надеждах на некоторые принципиальные изменения в отечественной экономике. Я понимаю, к каким политическим последствиям может привести либерализация в этой сфере, и поэтому говорю не о реальных перспективах, но лишь о надеждах. Но и это уже немало.

Не забудем и еще одно. Не упуская из виду все традиционные мерзости нашей системы, было бы, на мой взгляд, весьма разумно обратить внимание на те росточки гуманного, либерального и правового, которые отчетливо пробиваются се-

годия сквозь глухую бетонную поверхность советской жизни. Конечно, ростки эти еще так слабы и малочисленны, что их вполне можно игнорировать. Только стоит ли? Времени ведь прошло еще слишком мало: вспомним, что и XX съезд состоялся спустя три года после смерти Сталина.

А главное — лозунг "Все или ничего" вряд ли хорош в политике. Он и так уже дорого обошелся России. Не повторить бы ошибку нетерпеливых интеллигентов-народников, не поверивших Александру II и кинувшихся на него с бомбами. А кто бомб не одобрял, те просто отошли от государственных дел.

Позволю себе напомнить: обвинения, предъявляемые народниками Александру II, были немногим слабее тех, кои мы предъявляем нашему начальству. Во всяком случае, по тем временам, не закаленным чекой и гестапо. В самом деле: согласитесь, что расстрел крестьян в селе Бездна — безоружных, шедших с иконами, — нам ли сегодня забывать о нем? Ярузельский вот ксендзов не вешает... А "большой процесс"? — несколько тысяч арестованных, десятки погибших на следствии от чахотки и сошедших с ума, и всего (!) — 193 человека перед судом в Петербурге и 50 в Москве; приговор, лично монархом ужесточенный, и все это — за вполне невинную пропаганду. А дело Чернышевского? Ну, не любим мы его нынче, — разве от этого судьба его меньше напоминает судьбу Сахарова?

Словом, солидный список. И слышится в нем что-то знакомое и родное. Сегодняшнее.

Не надо объяснять — я и сам кому хочешь объясню, чем у нас сейчас хуже. Но прошли десятилетия, и теперь нам ясна неправота народников, людей самоотверженных и честных. Никого они не спасли, и я, чтущий их память, вынужден сегодня назвать их подвиг преступлением. Ибо от этого времени осталось другое. Отмена крепостного права. Судебные уставы, — пусть покоренные, но остались. А цензура? Все большие русские писатели той поры держали в руках почти все написанное — изданным. Омерзительное многим поколениям русской интеллигенции самодержавие отчетливо, хотя — увы! — неторопливо и непоследовательно, становилось "монархией с человеческим лицом". И если процесс этот остался незавершенным, то лишь потому, что и в 1860-е годы, и после октябрьского манифеста 1905 года русская либеральная интеллигенция не захотела (отчасти — не смогла) принять в нем участия. Тем самым было очищено поле деятельности для экстремистов. А те из наших духовных прадедов, кто был уверен в том, что ничего доброго из этого самодержавного Назарета выйти не может, только негодовали и конспирировали.

Но ведь были и другие прадеды. Отказавшись от бомб, они строили земские учреждения, внушали юношеству идеалы добра, добивались "правды и милости" в судах, развивали науку и народное хозяйство. Катастрофу они не пережили: их расстреляли, сгноили в тифу, вытолкнули за границу — и решили забыть. Однако больницы и школы остались — и кое-где до сих пор. Остались труды Вернадского, Ключевского, Павлова. И я надеюсь дожить до советских изданий Бердяева и Кистяковского, Милюкова и Флоренского.

Чей же путь оказался правым? Чьи плоды мы теперь пожинаем?

Все, что было в России высокого и человеческого, смело в 17—21, 28—32, 35—37, 47—53 годах. Это верно. А потом? Тот же тоталитаризм, — говорят мне. Так ли?

Тоталитаризм подразумевает всеобщность, всеохватность управляемого кошмара. А ведь этого вроде бы теперь нету.

И дело не только в том, что "нас не жгут на площадях и царь своим железом не дребзгает углей". И не только в том, что политзаключенных (эзков, а не расстрелянных) у нас нынче около тысячи — цифра, невольно заставляющая усмехнуться тех, кто пережил "отца народов". И не в том, что нынешний глава Союза писателей СССР, Герой и депутат, пишет теплый очерк о Николае Гумилеве. И даже не во всем этом вместе.

Исчезла тотальность сознания — то самое "морально-политическое единство", которое двигало людей искренних на подлости, которое позволяло в раждом селе найти раскулачивателя с наганом и охотника снять крест с колокольни. Настаиваю: своего охотника, а не приезжего из райцентра. Точнее — приезжий и находил такого охотника, и искал его недолго.

И ведь охотники такого рода — причем искренние — оказывались в большом числе и во всех областях человеческой деятельности.

А сейчас? Прохиндеев, пожалуйста, стало больше. А много ли встречали таких, чтобы — искренний коммунист и притом не маразматик или не идиот? Я не встречал.

Умных циников — сколько угодно. Но ведь они — известное дело — народ ненадежный.

А наша коррупция? Можно негодовать, можно хихикать, но секретарь обкома, живущий на содержании у спекулянтов, — это все что угодно, кроме тоталитаризма.

И ведь такой секретарь был не один, и министр — тоже не один. Да что говорить, если сам наш многожды герой с бровями вместо усов и чудовищной дикцией склеротика по уши завяз в грязных делишках своего окружения.

Нет, вы уж меня простите, — не тоталитаризм это, не новинка XX века. Это что-то попроще; такое же мерзкое, но не такое страшное.

Или еще. Вот воюем в Афганистане. Формально — все как в недавнее доброе время: тот же набор тех же газетных штампов, те же лозунги и такая же ложь. А практически — нет, не то. И дураков, желающих пострелять, хватает, и шовинистов, все так; а — не то. Потому что — не все хотят. И горят не все. А главное — говорят об этом. Ну, не на митингах, конечно, а все же. Все же говорят. Вслух. На работе, в компании. Даже в военкомате.

Так что тоталитаризмом тут не пахнет. Этот рак нашего времени может еще у нас давать метастазы, но уже гниет в сердцеvine.

А если не тоталитаризм, то что же?

Позволю себе еще одно отступление в прошлое. В 1863 году, в разгар либеральных надежд, случилось польское восстание. Тогда-то и стал патриотом недавний либерал М.Катков. Вслед за ним национал-шовинизмом увлеклась значительная часть русской интеллигенции. В дальнейшем катковский патриотизм выродился в черносотенство.

Шовинистический подъем 1860-х и 1905—1907 годов — мутная, но вполне отчетливая струя в широком потоке русской истории. И всему этому есть аналогия в нашей сегодняшней жизни. От Каткова и "черной сотни" до нынешних литераторов-почвенников — ниточка хоть и тоненькая, а прочная. При всем том, что попытки придать хотя бы видимость благообразия — с помощью косметики — монстру, именуемому марксизмом-ленинизмом, по-прежнему настойчивы. Однако еще Сталин, словно предвидя скорое наступление "смутных времен", начал вводить в обиход имперско-шовинистические идеи. За последние двадцать лет именно на этом пути достигнуты значительные успехи. При благосклонном покровительстве властей расцвела национально-почвенная литература, которая может гордиться крупными именами и интересными работами. Сталинскому тошнотворному национализму они придали теплоту и обаяние и тем самым много способствовали возрождению черносотенной идеологии.

Я далек от однозначной-негативной оценки творчества Ф.Абрамова, В.Астафьева, В.Белова, В.Распутина: прежде всего — они хорошие писатели. Однако мне не нравится присутствие в системе их идей столь явного антиинтеллектуализма и национализма. Не пропустим и того потока откровенного имперского шовинизма, что течет со страниц В.Пикуля и прочих, имя коим легион.

Вот я и думаю: обыкновенное ли черносотенство приходит на смену тоталитаризму? Сдается мне, что именно эта ягодка созревает на развалинах государственного аппарата, и при нарастающей нищете — пока любимы мы цветочками национально-почвенной культуры. И если мы сегодня презрительно отвернемся от того малюсенького шанса, что дает нам — нет, даже не горбачевское руководство, ибо все позитивное, что сейчас происходит, лишь сопутствующий выброс других процессов, — время, время его нам дает, этот шансик, то вот так и будет: "Спасай Россию, бей жидов!"

И ведь не только жидов. Посмотрите, как относятся у нас к грузинам и узбекам, казахам и армянам. И не только в народе. Для столичной милиции "нацмен" и "чучмек" — не лучше еврея, а то и похуже, поскольку еврей может быть "своим": иметь московскую прописку.

Черносотенство внутри прекрасно сочетается с имперскими взглядами во вне. Именно эта идеология объединяет сегодня большинство русского народа. Все — или почти все — у нас хорошо понимают, что и "братья" из союзных республик, и "братья" из соседних барачков соцлагеря удерживаются в вассальной упряжке лишь с помощью силы — и одобряют это. Опять же: мало кто у нас сочувствует арабам или неграм, однако имперские соображения сильнее антипатий. Таким образом, можно, пожалуй, уже говорить не о перспективах — близких или далеких, — а о происходящем сейчас, в наши дни, процессе превращения

ленинского тоталитаризма в имперско-шовинистический авторитаризм. Параллельно, на мой взгляд, идет процесс очеловечивания социализма — появляются те ростки, о которых я уже упоминал. Вот некоторые из них: явное ослабление литературной и киноцензуры, разрешение самостоятельных объединений творческих работников, по всем признакам скорое обретение известной независимости судами и прокуратурой... Перечисление можно было бы продолжить.

Нельзя отмахнуться от того обстоятельства, что два этих процесса реально существуют и причудливо сосуществуют. Нельзя остаться в стороне и упустить шанс, что дает нам — в который уж раз! — русская история. Я даже готов предложить себе сотрудничество интеллигента с либерально-правовыми взглядами и интеллигента с мировоззрением национально-почвенным. Ибо если этот последний — не имперский погромщик, то между ними вполне можно найти точки соприкосновения, и не только в антикоммунизме.

Ну, а если отвлечься от прогнозов и размышлений о них — что останется? Та часть русской интеллигенции (к ней я отношу и себя), что была основой правозащитного движения, единственная, что сохранила в какой-то мере идеалы гуманизма, плюрализма и правового общества, — эта часть интеллигенции изверилась, она запугана и не склонна к активной социальной деятельности. Чем же прикажете жить и что делать конкретно?

Да ничего особенного. Работать и учить, писать, кто может, выступать, кто умеет и не боится. И не спешить расплевываться. Иногда даже и начальство поддержать — если оно, начальство, вдруг чего хорошего сотворит. А оно ведь иногда может: та же история с Гумилевым тому подтверждение.

Или вот Мегростроевская опять же Остоженкой стала. Так не отмахиваться — пустяк, дескать, — а вцепляться в каждую такую трещинку, в каждый вылезший камешек — и дальше, дальше. Главное же, по-моему, вот в чем: только наше сознание определит будущее бытие. Будем нравственны, терпимы к чужому мнению, будем, наконец, интеллигентны, так же воспитаем детей и внуков — авось что и получится. Тактика "все или ничего" не для нас. При Александре II погорячились, при Брежневе зашкурничали — пора делать выводы. И первый из них, пожалуй, таков: пожили при коммунизме наши отцы, пожили и мы (кто постарше), а дети наши при коммунизме жить не будут. Выбор у них небогатый: либо демократическое общество, пусть и несовершенное, либо национально-полицейское. А какое именно — в значительной мере зависит от нас. ●

Октябрь 1986

САМИЗДАТ (Москва)

Т Р У С

Записки из полумертвого дома

Этот странный текст прислан в редакцию из Москвы. Автор нам известен. Текст написан совсем недавно, но тем не менее с тех пор успели произойти значительные события: освободили Сахарова и убили Марченко, — так что с фактической стороны кое-что упомянутое автором устарело. Но, устарев фактически, текст эдак ли устарел по существу. Нам кажется, что он помогает многое понять в обществе, сейчас охваченном лихорадкой "перестройки", — увидеть те его черты, о которых в эйфории вольно или невольно забывают.

Как пишет автор: "Это было сказано здесь, в Москве, в наше время, в 86-м году".

Я трус.

Я трус, трус. Ежедневный, непрерывный и, вероятно, пожизненный. Не выдающийся, а самый обыкновенный постыдный трус, оправдания мне нет, есть только объяснение, а оправдания нет никакого.

Я не мазохист, и ни малейшего удовольствия от этого душевного стриптиза не испытываю. Я и не тщеславен, и не рвусь добиваться известности любой ценой. Но я пишу эти записки и хочу, чтобы их напечатали, потому что мне обрыдло мое молчание. Мне нужно знать: "Да, об этом было сказано, в России, в Москве, в 1986 году".

Я не собираюсь рассказывать о своей жизни. Ни в коем случае. Напротив, окончив писать, я с великим тщанием вычищу из написанного малейшие признаки моей действительной анкеты. Один пол оставляю: пол мужской. Хотя кто меня знает? Может быть, я и дама.

Хотя какая же я дама. Я трус — а это чисто мужское качество. Поэтому все мои горькие признания, когда они в какой-то степени начинают касаться других, — они касаются только нас, мужчин.

Увы: к величайшему моему сожалению, — я не могу не анонимно. Я боюсь. Зато чем анонимнее — тем смелее!

Каждую минуту ОНИ могут войти сюда. Каждую минуту. Вот в двери сам собой проворачивается и щелкает замок, я вскакиваю из-за стола, а в комнату уже входят трое, в своих пиджаках, и первые двое как-то так, не драгиваясь ("позвольте, будьте любезны, позвольте"), оттеснят, отдавят меня в сторону, а третий, переждав эти секунды, протянет руку в перчатке и засунет ее поглубже, туда, в рычажки и пружинки моей беспомощной "ундервушки", и всею кожей своей пятерней с хрустом сожмет и вытащит несчастные эти мои странички — и так вытянет, что ни одна не порвется.

Ясно представляю, как возрадутся ОНИ, когда (и если) наткнутся на эти строчки:

— Ложь! Клевета! Мы нормально ЗВОНИМ, а не взламываем.

Ладно, хорошо: "без звонка", "в перчатке", "с хрустом вытащит" — это все искусства, согласен, но не в них же дело. А дело в том, что когда позвонят, я сейчас же открою. И ничему не удивлюсь. Потому что ОНИ могут прийти сюда каждую минуту. И куда захотят.

И войдут, и разбредутся по всем углам, и вынут все ящики из всех шкафов, и влезут в самые сокровенные альбомы и бумажки, и просмотрят самые заветные письма и фотографии, и отберут, и запакуют, аккуратно и вежливо — с той уверенной бесцеремонностью, которая и роднит ИХ с последним трамвайным хамом: с уверенностью безнаказанности. Ненавижу.

Не придумаю, как же мне ИХ назвать.

Чекисты? Гебисты? Но ведь разведка, контрразведка, пограничники и те, которые по валюте и особо крупным хищениям, — это все тоже Чека. А я не о них — я об ЭТИХ. Есть же у них свой этаж на Лубянке.

Совжанрдамы? Комгестаповцы?

Есть у них этаж, и должно быть, не один, и все мало им.

Им, как и всякому департаменту, хочется расширяться — а расширяться они могут за счет искоренения. Стало быть, чем больше будет искоренения, тем больше должно быть и возрастания опасности для госбезопасности — и, стало быть, тем больше этажей, штатов, наград и привилегий. Спасатели на крови..

Наше свободомыслие — для них хлеб насущный.

Мы все — их потенциальные жертвы. Они нас любовно пасут, терпеливо ждут, когда созреем. Созревших берут и долго смакуют — а потом смотрят, хорошо ли лагерь давит человека. И в случае недодавленности растягивают срок, добавляют новый: мужчине или женщине, старому или молодому, здоровому или инвалиду — им все равно.

Им все годится.

Лучше всего, конечно, полноценный крамольник, написавший, подписавший, открыто выступивший.

Неплох и тот, кто прочел, перепечатал и дал почитать другому.

Сойдет и тот, кто всего лишь держал на дому ("хранение").

А уж за неимением, можно печь и того, кто хотя бы собирает деньги и тряпки в помощь семье уже упеченного.

Мерзость какая...

Как же мне их называть? У них ведь этаж не только на Лубянке, им и на Старой площади отведено помещение.

Не знаю. Нет им названия. ОНИ.

ОНИ и есть причина моей позорной трусости.

И всеобщей.

Как-то я ехал по Москве и вез книжку Солженицына.

Мне было страшно. У меня чуть подергивалось лицо, дрожали руки.

И каждый прохожий, казалось мне, это видел и смотрел на меня с подозрением.

Из-за каждого угла могли навстречу вывернуться ОНИ: двое молодых, в своих пальто, с безразличным видом, и, поравнявшись со мной, вдруг крепко взяли меня за локти.

Или милиционер: "Ваши документы". Затем: "Пройдемте в отделение". А там уже — ОНИ. Но главное не это.

Главное — это что обычная уличная толпа, текущая вокруг меня вместе со мной, что она, я ждал, вдруг остановится, разом обернется ко мне — тысячецелиый Вий — и оставит на меня тысячу указательных пальцев: вот он. Вот он!!!

И я бы не удивился.

И не сопротивлялся бы.

А пока солженицынская книжка лежала у меня в шкафу, все эти несчастные 10 дней моя комната, мое жилье было словно пронизано невидимыми лучами прищуренного наблюдения, напичкано незримыми ушами. Привычная мебель, даже любимые вещи стали враждебными, стали возможными предателями. Стены и полки подглядывали за мной, пальто, сброшенное с плеч на крючок вешалки, повисало на нем и сейчас же начинало подслушивать.

Опасность, опасность вокруг! Берегись!

И все это лишь потому, что в шкафу моем лежала под огромным спудом бумаг и тетрадей потрепанная книжка, извлекаемая оттуда лишь на ночь, в тишине и одиночестве, под укромный желтенький конус ночной лампочки...

Я трус — но все это не бред и не преувеличение. Конечно, они физически не могут быть повсюду, но кто мне гарантирует, что их нет ЗДЕСЬ? СЕЙЧАС?

Каждую минуту ОНИ могут сюда войти. Двое отошлют меня к стенке, а третий сунет лапу в машинку и вытащит с хрустом эти странички.

А уж тогда...

Когда у нас в очередной раз, ухмыляясь, цитируют какие-нибудь американские благоглупости, например, что по Москве свободно разгуливают дикие медведи, я чувствую, что в этой провинциальной невежественности тем не менее есть что-то верное... что? Какие медведи? На проспекте Калинина? Который всем своим ультраурбанизмом совершенно исклю...—

н е и с к л ю ч а е т !

В том-то и дело: ничего никакой урбанизм не исключает, ни Большой Балет, ни отмена цензуры, ни брифинги наших митрополитов, ни отечественные компьютеры, — все это не исключает медведей на Калининском проспекте.

Переход из чистенькой московской квартиры в медвежью — пермскую, якутскую или колымскую — у нас по-прежнему краток.

И в то же время как интеллигентнейший Сергей Капица рассказывал по вашему японскому телевизору о новых инфузориях, в якутской глуши избивали Юрия Орлова, то есть вас, потому что существенной разницы между вами нет — если говорить о миропонимании.

Вы сидите и смотрите ваш видео—Феллини, Бергман... — и вы же одновременно сидите в грязи и ужасе какого-нибудь мордовского карцера... То есть я хочу сказать: это для вас одинаковая возможная реальность... и для Сергея Капицы, пожалуй, тоже... потому что не может же быть, чтобы его образ мыслей существенно отличался от...

Никто у нас не гарантирован от каторги и унижения, никто.

И в любой момент текущая вокруг меня уличная толпа может разом обернуться и уставить на меня тысячу указательных пальцев: вот он! Хватай его!

И будет — "по-своему права"!

Но на самом деле гарантированы все.

Трусостью.

Если ты трус, тебя не тронут. Читай Солженицына сколько влезет, только потихоньку, болтай что хочешь о чем хочешь, только потихоньку. Не возникай, как принято теперь говорить.

Я трус, я не возникаю, меня не трогают.

Что может быть гнуснее этого признания?

Мы все трусы. Мы все боимся ИХ.

Соображение, от которого должно было бы полегчать: не я один, я как все... Но утрата — или сохранение — достоинства есть дело личное. Все-таки не деньги.

Все беспощадно просто.

В городе Горьком (вот почему горький, судьба нарочно заказала Алексея Максимыча, чтобы в наше время название наконец осмыслилось) беспрочно заперт Андрей Сахаров. Вот уже несколько лет.

Где-то на каторге мучают Анатолия Марченко.

Мы все об этом знаем.

И молчим.

Потому что все мы — трусы.

Ни оправдания, ни уважения мы не заслуживаем. Наши дети имеют все основания нас презирать.

Было, говорят, потерянное поколение. Где-то там, на Западе. Хемингуэй, Ремарк...

Мы — поколение трусов.

Можно и поименно.

Вы, герои-космонавты, Титов, Джанибеков, Гречко, Рюмин — вы трусы. Вы знаете о Сахарове — и молчите. Вы боитесь ИХ.

Вы, коллеги Сахарова, вы, прославленная Академия Наук СССР (кроме общественников), вы все предатели и трусы — Велихов, Марчук, кто там еще.

Вы, мастера и представители культуры, вы, Евтушенко и Вознесенский, вы, Распутин и Белов, вы, Родион Шедрин и Олег Ефремов, вы, мужественный Джигарханян и современный Боярский, вы трусы тоже.

Вы, рабочие и крестьяне, ученые и художники, маршалы и доктора, и гордые отцы, и пылкие джигиты, и отважные моряки, и храбрые альпинисты — мы все трусы, и нет нам оправдания.

Ибо гноят Сахарова и Марченко и иже с ними — а мы молчим.

Мы ЗНАЕМ и МОЛЧИМ — вот проклятье нашего поколения.

Ибо при Сталине мы не знали.

Мы родились в чистоте и правде и всеми силами стремились быть чистыми и правдивыми. Мы не знали, что нас надувают.

Нам открыли глаза в 56-м году. Не думали, не хотели открывать НАСТОЛЬКО, но открыли.

Потом кинулись закрывать, да поздно: МЫ УЖЕ УВИДЕЛИ.

Тогда ОНИ показали нам кулак: попробуй пикни.

Но мы уже не можем НЕ ЗНАТЬ!

И пикнуть не можем.

Тридцать лет — боже мой! — Тридцать лет мы знаем и молчим.

ОНИ гноят Сахарова и Марченко — мы делаем вид, что ничего не происходит.

Мы видимся с ними, пожимаем руки, а они гноят Сахарова и Марченко.

У нас нет права на уважение.

Мне осталось только подписать все это своим собственным именем.

Это будет подвиг, причем гораздо более значительный, чем, скажем, воинский или пожарный.

Но я трус, как уже известно.

Мне главное важно знать:

про это было сказано здесь, в Москве, в наше время, в 86-м году. ●

Издательство "Страна и мир" выпустило в свет на русском и английском языках "Список политзаключенных СССР", вып. 8 (по состоянию на 30 октября 1986 г.; русский текст с поправками и дополнениями по сост. на 10 февраля 1987 г.). Список иллюстрирован фотографиями, снабжен биографическими сведениями о всех известных поименно узниках, данными об их семьях, а также дополнительным справочным материалом. Цена книги в Европе 30 немецких марок, в Америке — 12 долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 13 долл.

ВЕСТН №3 СССР HUMAN RIGHTS	USSR NEWS BRIEF HUMAN RIGHTS
Verlag "Strana i Mir" Berlin Waldenstr. 37, 1000 München 2, BRD, Tel. (089) 260 50 46	Editor: Christa Lutzke Waldenstr. 37, 1000 München 2, BRD, Tel. (089) 260 50 46
<p>СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР</p> <p>ИЗДАНИЕ 8</p> <p>ПО СОСТОЯНИЮ НА 30. 10. 1986</p>	
<p>Published by DAS LAND UND DIE WELT e.V. Sendlingerstrasse 37, 8000 München 2, BRD, Tel. (089) 260 50 46 Telex 52 18017 unbi d</p>	

ВЕСТН №3 СССР HUMAN RIGHTS	USSR NEWS BRIEF HUMAN RIGHTS
Verlag "Strana i Mir" Berlin Waldenstr. 37, 1000 München 2, BRD, Tel. (089) 260 50 46	Editor: Christa Lutzke Waldenstr. 37, 1000 München 2, BRD, Tel. (089) 260 50 46
<p>LIST OF POLITICAL PRISONERS IN THE USSR</p> <p>30 October 1986</p>	
<p>Published by DAS LAND UND DIE WELT e.V. Sendlingerstrasse 37, 8000 München 2, BRD, Tel. (089) 260 50 46 Telex 52 18017 unbi d</p>	

СТРАНА И МИР ●

Анатолий МАРЧЕНКО

ЖИВИ КАК ВСЕ

Отрывки из книги

8 декабря 1986 г. в Чистопольской тюрьме после 4-месячной голодовки скончался Анатолий Тихонович Марченко – политзаключенный, рабочий, писатель.

Анатолий Марченко родился в 1938 г. в г. Барабинск Новосибирской области. Начал свою трудовую деятельность буровым мастером, работал в Сибири и Казахстане. В 1958 г. в бараке общежития, где жил Анатолий, вспыхнула групповая драка, после которой под горячую руку арестовали и А.Марченко, хотя тот в драке и не участвовал. А.Марченко был приговорен к 8 годам лагерей. Вскоре, однако, дело было пересмотрено, приговор снижен до 2 лет, но когда это сообщение пришло в Карлаг, где содержался А.Марченко, там его уже не было: Анатолий бежал из лагеря с намерением перейти советско-иранскую границу.

На границе Анатолия арестовали и обвинили в "измене родине". Верховный суд Туркменской ССР приговорил его к 6 годам лагерей. Это стало поворотным моментом в жизни А.Марченко: он попал в политический лагерь и впервые встретил политзаключенных. Знакомство с ними произвело на молодого рабочего неизгладимое впечатление. С этого времени вся его жизнь была посвящена борьбе за права человека и в первую очередь – за свободу политзаключенным.

Этот первый "политический срок" был для А.Марченко нелегким. В лагере он тяжело заболел менингитом, не получая никакой медицинской помощи, едва выжил, но на всю жизнь оглох. Освободившись, поселился в городе Александрове, работал грузчиком и в свободное время писал книгу.

Эта книга ("Мои показания"), законченная в 1967 г., – первое документальное и развернутое свидетельство о постсталинских лагерях. Книга принесла Марченко мировую славу: ее перевели на десятки языков. Лишь в родной стране "Мои показания" никогда не были опубликованы – книгу распространял только Самиздат.

А.Марченко сблизился с московскими правозащитниками; его подпись стоит под многими правозащитными документами того времени. В 1968 г. Анатолий Марченко первым в СССР в своем открытом письме выразил опасение, что Советский Союз может вторгнуться в Чехословакию, где тогда шли демократические преобразования. Вскоре после этого его арестовали, но в вину ему поставили не книгу и не письмо, а "нарушение паспортного режима" (А.Марченко якобы незаконно проживал в Москве). Суд, состоявшийся по иронии судьбы в день начала советской интервенции в ЧССР, приговорил его к 1 году лагерей.

В лагере А.Марченко добавили еще 2 года – за "клевету на советский общественный и государственный строй". По освобождении его направили под административный надзор в г. Чуну Иркутской области. Там отбывала ссылку Лариса Богораз – активная правозащитница, участница демонстрации на Красной площади в знак протеста против интервенции в Чехословакию. А.Марченко и Л.Богораз поженились и позднее переехали в г. Тарусу Калужской области.

А.Марченко стал работать кочегаром. Он по-прежнему очень активен как правозащитник; его подпись стоит, в частности, под "Московским обращением" в защиту А.Солженицына, высланного из СССР; он поддержал призыв А.Сахарова к амнистии политзаключенных. В 1975 г. его вновь арестовали – на этот раз "за нарушение административного надзора".

При аресте Анатолий объявил бессрочную голодовку. Голодающим он был доставлен и на суд, где его приговорили к 4 годам ссылки, голодающим ехал по этапу в уже знакомую Чуну. Но и находясь в ссылке, А.Марченко не прекратил своей правозащитной и публицистической деятельности. Там же он закончил и свою вторую книгу: "От Тарусы до Чуны". В мае 1976 г. А.Марченко стал одним из членов-основателей Московской Хельсинкской группы.

В 1978 г., закончив свой ссылный срок, А.Марченко переехал во Владимирскую область, в г. Карабаново, где поступил на работу оператором газовых котельных. Начал писать свою третью книгу "Живи как все" (отрывки из нее были опубликованы в сборнике "Память" № 3); направил открытое письмо акад. П.Л.Капице с призывом защитить А.Сахарова, продолжал выступать в защиту политзаключенных.

А.Марченко было предложено эмигрировать в Израиль. Он отказался, и тогда его арестовали. Теперь уже обвинение было предъявлено в открытую: "антисоветская агитация и пропаганда".

Новый срок — шестой по счету — был и самым большим: 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. А.Марченко отбывал его в пермских политлагерях, затем его перевели в Чистопольскую тюрьму. Перед этим он был избит до бессознательного состояния надзирателями, получил сотрясение мозга.

В Чистополе — как впрочем и раньше — участвовал во многих голодовках протеста. Свою последнюю голодовку А.Марченко начал в августе 1986 г. Его требования были: прекратить избивание политзаключенных и издевательства над ними и привлечь к суду тех, кто избивал его самого. А.Марченко объявил, что будет держать голодовку до конца Венского совещания по проверке выполнения Хельсинкских соглашений (оно открылось в ноябре).

В ноябре Лариса Богораз получила предложение от КГБ эмигрировать вместе с мужем в Израиль. Она сказала, что может решить этот вопрос только после беседы с А.Марченко, и потребовала свидания с ним. Вместо свидания пришло извещение о смерти.

Власти предпочли умертвить Марченко, но не дать ему жить на свободе. Они предпочли пренебречь призывами в его защиту президентов, премьер-министров, парламентариев и других государственных и общественных деятелей большинства демократических стран. Они предпочли не обращать внимания на выступления таких деятелей культуры как Джон Апдайк, Грэм Грин, Клод Мориак, Артур Миллер, Сэмюэль Беккет, Фридрих Дюренматт, Чеслав Милош, Симона де Бовуар, Эжен Ионеско, Артур Хейли, Клод Симон, Карл Поппер и многих других.

Обстоятельства смерти А.Марченко неясны: власти дают противоречивые объяснения. Рассказывая о своей последней, траурной поездке в Чистополь на похороны мужа, Лариса Богораз пишет:

"Тайна, которой власти окружили гибель моего мужа, не скрывает главного: Анатолий Марченко погиб в бою. Этот бой для него начался четверть века назад, и никогда, ни разу не выкинул он белого флага перемирия. Двадцать лет из этих двадцати пяти его война шла в тюремных камерах, в лагерных бараках, в ссылках. Анатолий мог жить на воле, но сознательно выбрал тюрьму — чтобы другие были свободны.

Я бесконечно благодарна всем, кто принял участие в судьбе моего мужа. Я прошу всех — близких и далеких — не забывать: "дело Марченко" не закрыто. *Всеобщая политическая амнистия, свобода всем политическим заключенным* — за это святое дело Анатолий отдал свою жизнь, за это он голодал последние четыре месяца, за это он и погиб в страшной Чистопольской тюрьме".

*

Мы публикуем фрагменты из книги А.Марченко "Живи как все", которая была написана еще в 1977—1978 гг., но не была опубликована (за исключением некоторых отрывков, о чем было сказано выше).

Книга посвящена событиям после освобождения А.Марченко по отбытии им первого политического срока; А.Марченко рассказывает историю написания "Моих показаний", описывает обстоятельства нового ареста и период пребывания в лагере. В фрагменте, публикуемом в настоящем номере, повествуется о первом столкновении А.Марченко с КГБ, когда он писал "Мои показания". Лариса Богораз (тогда еще не жена Марченко) уехала на свидание к своему первому мужу Юлию Данилю.

В середине декабря Лариса с Сашей уехали в Мордовию на очередное свидание, а я напросился остаться в их квартире присмотреть за собакой.

Ночью я долго просидел за машинкой. С утра, попив быстро чаю, опять засел печатать. Вся комната была устлана бумагой и копиркой. Часов около десяти утра собака залаяла на окно. Я прикрикнул:

— Кэри, тихо!

Сам же осторожно подошел к окну и сквозь штору увидел, что кто-то стоит снаружи и пытается рукой не то открыть окно, не то выдать стекло. Я быстро откинул што-

ру. Передо мной вплотную к стеклу стоял молодой человек интеллигентного вида, прилизанный, парадно одетый. От неожиданности он вздрогнул, чуть отшатнулся, но тут же снова вплотную приблизил лицо.

— Вам чего надо? Что вы шарите под чужими окнами?

— Откройте! — читаю я по его губам.

— Будете через окно входить?

— Откройте! Открывайте!

— Хозяев нет дома. Без них я никого не впущу. А тех, кто ломится в окно, тем более.

— Откройте дверь!

— Еще чего! Кто вы такой?

— Говорят вам, откройте!

— Кто вы?

Он медленно, как бы нехотя, лезет во внутренний карман своего черного пиджака. Достал красную книжечку и показывает мне ее лицевой стороной. И я читаю золотом на красном фоне под золотым гербом: Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР.

”Ну, вот и началось!” — мелькнуло у меня.

Я ждал встречи с этой организацией. Вот она.

А гебешник все еще держит свои корочки перед стеклом, очевидно, рассчитывая ими воздействовать на меня в нужном направлении. Я чуть приоткрываю окно, подаю ближе к нему и говорю быстро:

— А теперь вали отсюда вместе со своими корочками!

И мгновенно захлопываю окно, поворачивая ручку замка. Гебешник запоздало ломанулся в окно рукой. По губам снова читаю:

— Откройте! Откройте, вам говорят!

Я быстро задергиваю штору и начинаю лихорадочно собирать в кучу раскиданные по всей комнате листы бумаги и копирку. Решаю все это жечь в уборной. Бросив кучу бумаги в унитаз, бегу на кухню и мечусь по ней в поисках спичек. Спичек нет — вот так номер!

В дверь непрерывно звонят. Я боюсь, как бы Павел Ильич, сосед, не вышел на звонок. Я знаю, что он у себя в комнате, — но почему-то не выходит открыть.

Забегаю снова в туалет и под непрерывный трезвон начинаю рвать бумажные листы на четвертинки. Потом спускаю воду, и она безвозвратно уносит ”улики”. Снова рву, снова нажимаю на рычаг для спуска воды, но вода не идет: нужно время, пока наполнится бачок! Таким способом мне и за час не управиться. Они не станут ждать, выломают дверь. Либо Павел Ильич все же не выдержит и отопрет им.

В этой спешке пытаюсь соображать: так, меня сейчас возьмут, и об этом никто не узнает. (Павел Ильич, насколько я успел его понять, как и сейчас, будет держаться так, будто его здесь нет и не было). Потом возьмут все раскиданные по комнате мои бумаги — к тому же у меня была книга Джиласа ”Новый класс” и произведения Терца и Аржака. Всю эту ”крамолу” ГБ радостно припишет Ларисе, хозяйке квартиры, — на нее уже и так точат зубы. Моя версия: меня оставили присмотреть за собакой и квартирой, а чем я собирался там заниматься, об этом хозяевам не говорил. Если бы удалось Ларису убедить, чтобы она поддержала эту версию! Надо предупредить ее, надо с ней увидеться.

Я выскакиваю из уборной, бросив там кипу листов машинописи. Накидываю пальто, всовываю ноги в туфли — зашнуровывать некогда. Хватаю паспорт, а в нем последние мои пятнадцать рубликов, и кидаюсь к окну. Осторожно выглядываю из-за шторы: ”интеллигента” нет, зато поодаль маячит второй — неряшливо одетый, с бандитской физиономией. Я еще тогда приметил, как он из-за куста выглядывал. Стоит, черт, на том же месте, караулит окно.

Иду в другую комнату, открываю осторожно окно. Оно выходит в закрытый двор, огороженный высокой, метра в два, железной сеткой. Выглядываю — ни души кругом, как обычно. Выскакиваю через окно и бегу во весь дух вдоль к проспекту. Добегаю до забора-сетки и мигом оказываюсь наверху. Впервые на мгновение оглянувшись, я вижу,

как за забором в другом конце двора мечется гебешник, тот, с бандитской рожей. Поди не может сообразить, что ж ему теперь делать: увидел меня, да поздно.

Я спрыгнул с забора и кинулся к троллейбусной остановке. Едва успел вскочить в отходящий троллейбус, и за моей спиной закрылась дверь. Я еще увидел, как из арки выскакивают оба гебешника и нервно мечутся среди прохожих.

Проехав одну остановку, я вышел и забежал в первый же двор. Дворами пробрался к рынку: там полно народу и полно будок с телефонами-автоматами. Мне нужно успеть сообщить хоть кому-нибудь из своих о случившемся. Слава Богу, номер сразу ответил. Рассказываю все в двух словах и слышу:

— Приезжай к нам или жди, мы сейчас за тобой приедем!

Благополучно добравшись до этой своей знакомой, я стал спокойнее обдумывать и решать, как быть дальше.

Теперь, когда знакомые предупреждены и смогут все рассказать Ларисе, может быть, следует вернуться в квартиру и посмотреть, что там происходит.

— Известно, что происходит, — шмон! И тебе там делать нечего, — решительно запротестовали друзья. — Еще чего, самому идти! Пусть поищут, им за это деньги платят.

На квартиру Ларисы поехала Ира Белгородская со своим приятелем. Всем на удивление, они там застали все так, как я оставил: открытую пишущую машинку, разбросанные по комнатам бумаги, клочки и целые машинописные листы, сваленные грудой в уборной, незапертое окно. И посреди этого хаоса, как бы не видя его, невозмутимо расхаживал сосед. Никто посторонний, как видно, в квартире не побывал. Почему? Это одна из загадок поведения КГБ, которую нам не разгадать.

Ира с приятелем привели все в порядок и ушли, унеся с собой улики моей преступной деятельности. Непонятное поведение ГБ озадачило нас еще больше. Зачем они приходили? Кто им был нужен — Лариса или я? Все равно надо предупредить Ларису, раньше, чем она вернется домой.

И я решил поехать вслед за ней, встретить на обратном пути в Потье или в Явасе. Меня отговаривали. Но я так хотел увидеть ее еще раз перед тем, как меня посадят..

Я не мог никому рационально доказать необходимость своей поездки, и друзья свалили все на мое хохлацкое упрямство: "Марченко не переубедишь". Ну, раз такое дело, они взялись помогать мне.

Прежде всего, надо было надеть на меня более приличные штаны: я сбежал через окно в чем был; т. е. в старых сатиновых шароварах с большой прорехой на колене. Найти лишние целые брюки у наших знакомых — проблема. Однако, нашли, правда, несколько большего размера, чем нужно.

Чтобы я не мельтешил на вокзале, приятельница отправила за билетом своего сына — студента. Он купил мне билет со скидкой и отдал свой студенческий билет. Он знал, что если меня схватят с его студбилетом, его выгонят с последнего курса института. Я же, к моему стыду, понял это только на другой день, плотно окруженный в вагоне кучей гебешников, которые сопровождали меня даже в вагонную уборную. С трудом улизнув от них и запершись в уборной, я рвал студбилет на мельчайшие клочки и постепенно отправлял их через унитаз на волю. В дверь колотили мои "охранители". Благополучно разделившись с чужим документом, я думал: "А что, если бы мне это не удалось?"

Конечно, вся эта моя поездка в Мордовию была чистой авантюрой и кончилась бесславно. Меня же в Потье каждая собака (в форме) знает. Первым встречным оказался кум 11-го лагеря Афанасьев. Он узнал меня издали, несмотря на мой "штатский" вид и маскарадные чаплинские штаны. Ждали меня здесь, что ли? Сейчас же Афанасьев побежал в Управление, и вскоре меня догнали начальник КГБ Дубровлага майор Постников и уполномоченный КГБ 11-го лагпункта капитан Круть. Разговор короткий: "Убирайся с первым же поездом отсюда, здесь тебе делать нечего". Я для виду попрепирался:

— А если не уеду?

— Тогда мы вас, Марченко, посадим на 15 суток за хулиганство, — спокойно объясняет Постников. — А пока будете сидеть, подберем что-нибудь более подходящее. Что-нибудь от трех до семи...

Действительно, раз попался им на глаза, то здесь делать нечего, каждый шаг проследят. Остается ждать Ларису с Саней в Потье.

Но на Потье рядом со мной откуда-то вынырнул Афанасьев:

— Бери, Марченко, билет до Москвы и уматывай к е...й матери!

Я огрызнулся:

— Вали от меня! Ты мне здесь никто, и я тебе тоже..

— А ты помни, что тебе Постников обещал!

Гляжу, а он не один, — с ним человек шесть. Взяли меня в кольцо плотно, сопроводили к кассе, оттуда (без билета — билетов не было) — таким же манером к подошедшему поезду:

— Не вздумай остаться! И без билета доедешь!

И толкнули с толпой безбилетников в вагон. Может, им надо только, чтоб я уехал? Но когда поезд отошел от Потьмы, я обнаружил, что еду в той же компании. Они сменяли друг друга, одни (например, сам Афанасьев) сходили на станции, другие являлись им на смену, перенимая меня с рук на руки. В Рязани я попытался смыться, выскочив из вагона перед самым отправлением. Не тут-то было: сопровождающие — а их оказалось больше, чем я думал, — выскочили вслед за мной сразу из обоих тамбуров, навалились на меня, скрутили и толкнули обратно в уже отъезжающий поезд. Я орал на весь перрон:

— Смотрите, это КГБ! Смотрите, как КГБ хватается человека! Я еду из Мордовских политических лагерей!..

Люди останавливались, толпились, но не вмешивались. Сами же гебешники считали нужным оправдываться:

— Никакое не КГБ, обыкновенные пассажиры. Вот водительские права, я шофер..

— Так чего же вы меня хватаете?!

— Успокойтесь, товарищ, вы душевнобольной, мы должны доставить вас в больницу.

Так, значит, арест? Странный арест: еду вроде как сам по себе, но не по своей воле и под охраной.

Вот в этот момент я и уничтожил студбилет: сначала растер его в кармане, а потом прорвался в уборную и отправил по частям в унитаз.

Потом я попытался использовать свое необычное для арестанта положение — незаметно на верхней полке написал несколько записок Ларисе и потихоньку перебросил их безусловно посторонним пассажирам. Я видел, как они подбирали эти записки; но, как потом выяснилось, ни один не доставил их по адресу.

Вот таким образом я и скоротал время до Москвы.

На перроне около вагона меня встретили несколько человек в штатском и милиционеров, и мордовский эскорт передал меня им буквально в руки. Московский конвой подхватил меня под руки прямо со ступенек и поволок по перрону, тихо приговаривая:

— Спокойно, спокойно, не сопротивляться..

А я опять орал изо всех сил про КГБ и про мордовские политлагеря. Тут уж мне досталось и кулаками под бока, и пинками по ногам.

Я хочу объяснить: я орал не со страху и даже не от избытка эмоций, а вполне сознательно. Как-то в компании шла речь о том, что при столкновении с властями интеллигент ведет себя слишком интеллигентно. Его подхватывают с двух сторон под руки и тихо-тихо говорят: "Пройдемте, нам надо побеседовать". Или: "Следуйте за нами, спокойно". И он спокойно следует. Даже не спросит, кто, зачем, по какому праву. Тем более не упрется, не подымет крик: ему это неудобно, неловко.

Зато очень удобно КГБ. Схватят человека на улице — никто не обернется, никто ничего не заметит, никакого лишнего шума и беспокойства. Черт их возьми, пусть будет неловко мне, зато и им тоже! Я не интеллигент, как-нибудь переживу эту неловкость.

Пиная ногами, они протащили меня через весь вокзал, поволокли куда-то за угол, а там втащили на второй этаж, толкнули в какой-то пустой кабинет и усадили на стул, приставив по бокам двух типов в штатском. Здесь я уже, конечно, не орал, поскольку аудитории не было.

Сажу, жду; вот сейчас предьявят мне постановление об аресте и повезут в тюрьму. Вдруг заходит какой-то в штатском и вежливо говорит мне:

— Анатолий Тихонович, сейчас еще рано, никого из начальства нет ("Когда это для тюрьмы было "рано"?). Побеседовать с вами некому. ("Какие беседы? Шмон — и в во-

ронок!"). Так что сейчас можете быть свободны, а к нам зайдите, пожалуйста, часам к десяти.

Не сон ли это?! Я был настолько ошарашен, что сдуру меня понесло:

— Никуда я не явлюсь ни утром, ни вечером! Схватили, везли-везли, неизвестно зачем, беседы какие-то...

Ну, опомнился, конечно, выскочил из кабинета, кинулся на улицу — а все не верю, что отпустили. Что все это значит? Просто играют, как кошка с мышкой, вот сейчас снова схватят: "Эй, Марченко, ты куда же?!" Может, какие формальности не довершили, а довершат — догонят, и за решетку.

Я кинулся к телефону-автомату: поскорей позвонить куда-нибудь, пока я по ошибке на свободе. Позвонил Н. П., поднял ее с постели. Она обрадовалась:

— Бери такси и поскорей ко мне.

И вот я уже мчусь по пустынной рассветной Москве и все еще не верю, что я на свободе.

Одна из больших удач в моей жизни после Мордовии и до сего дня — это знакомство и дружба с Н. П. Женщина необыкновенной доброты, с высоким понятием о человеческом долге, она постоянно помогает всем, кто нуждается в помощи, попадает в поле ее зрения, даже сама разыскивает таких людей. Что мне особенно нравится — Н. П. делает это не напоказ, незаметно, по потребности своей души. Ее подопечные — не только политзаключенные, политссылные и их семьи. Она помогает никому неизвестным старушкам, молодым людям — своим дальним родственникам. И ее помощь никогда не тяготит, не создает у вас ощущения неполноценности. У Н. П. с ее подопечными отношения на равных, дружеские, не формальные. Ко мне она всегда относилась как к родному, как к младшему брату, и у нее я чувствовал себя не как в убежище, а как в родном доме.

Я рассказал ей о своих приключениях, и мы вместе гадали, что может значить загадочное поведение властей. Когда наступило настоящее, но все еще раннее утро, мы позвонили Ире Белгородской и просили ее встретить Ларису и Саню на вокзале и привезти к нам. Я опасался, что они могут возвращаться из лагеря с какой-нибудь письменной информацией и, не ожидая плохого, нарвутся на Ленинском проспекте на шмон. Этого еще не хватало!

Н. П. в этот день не надо было идти на работу с утра, и она принялась готовить завтрак на всех. Я от нечего делать вышел на площадку. Инстинкт или предчувствие толкнули меня выглянуть в окно. Сверху хорошо видна противоположная сторона улицы, проезжая часть со сквером посередине. Прохожие в утренние часы спешат к автобусным остановкам. Но вот вижу: какие-то мужчины никуда не спешат, прохаживаются в сквере против подъезда Н. П., переговариваются между собой, поглядывая в сторону подъезда. Тут же стоит машина — тьфу, черт, прямо как в детективном фильме, именно черная "Волга". И в ней трое или четверо в штатском, и к ним иногда подходят те, что следят за подъездом, что-то им говорят.

Я сразу понял, что это "мой" топтуны, персональные. Проследили от вокзала или засекли по телефону? Будет ждать, пока я выйду, или сами придут в квартиру? Значит, все-таки "кошки-мышки"!

Я вернулся, Н. П. вышла на площадку, посмотрела и подтвердила, что да, ей тоже кажется, что за подъездом следят.

Вскоре приехали Лариса с Саней, а с ними Ира и ее приятель. Ира рассказывает, что на вокзале обнаружила слежку, какая-то машина преследовала их от вокзала, но где-то по пути исчезла.

— Ничего, здесь у нас есть своя! — смеемся мы с Н. П.

После завтрака Н. П. должна ехать по служебным делам. Мы решили не оставаться в квартире без хозяйки, а выйти вместе с ней — там будет видно, что дальше. Но прежде Н. П. позвонила своему брату и просила его приехать, прихватив с собой кинокамеру.

Ю. П. — человек солидный, депутат райсовета, ученый, инвалид войны (ходит на протезе). Его даже пускали в загранкомандировки. Тем не менее, он спокойно выслушал сестру (Н. П. хотела взять у него кинокамеру) и сказал, что выйдет вместе с нами. Восьмая в нашей компании — подруга Н. П.

Итак, мы выходим из подъезда. Сейчас же агенты оживились, произвели какие-то перегруппировки, рассеялись кто куда; "Волга" зафырчала мотором. Мы переходим на противоположную сторону к стоянке такси. Идем медленно: Ю. П. сильно хромает. За нами следуют несколько типов, дежуривших у подъезда. Один из них, в меховой шапке, забегает вперед, и вот мы видим, как он выглядывает из витрины булочной. Лариса вошла в стеклянную будку телефона-автомата, он мигом очутился в соседней будке и поглядывает, какой номер она набирает. Не позвонив, она вышла и присоединилась к нам — "меховая шапка" тоже выскочил, бросив трубку. Выражение лица у него какое-то паническое, заполошенное, как будто он плохо вызубрил урок и боится получить двойку.

Ю. П. бормочет:

— Какая наглость!

Снимает кинокамеру с плеча и на ходу ловит в объектив преследователей. Их внимание обращено на идущих впереди — Ю. П. немного отстал, — и они не сразу замечают съемку, а когда заметили, стараются отвернуть лица, даже закрываются руками.

Когда мы подошли к стоянке, "наша" "Волга" была уже там — успела развернуться. Около нее стоит крытый "газик", которого я до этого не видел. Обе машины — с выдвинутыми антеннами.

Мы решили не разъезжаться в разные стороны, а ехать всем вместе до Белорусского вокзала, куда нужно Н. П. Оттуда, если ничего не случится, каждый поедет по своим делам. Нам пришлось занять два такси: в одном Н. П., ее брат, Саня и я, в другом — Лариса, подруга Н. П., Ира с приятелем. Тотчас же агенты попрыгали в свои две машины, и вся колонна двинулась почти разом. Впереди шла их "Волга", потом друг за другом наши такси, замыкающим — "газик". Нам было видно, как в их машинах пассажиры суетятся, вертятся, оборачиваются на нас, переговариваются друг с другом по радио. Иногда их машины менялись местами: первая замедляла ход и пропускала нас, а последняя в это время увеличивала скорость, обходила нас сбоку и занимала место в голове колонны. В эти моменты мы могли видеть этих типов, что называется, нос к носу. Наши таксисты, конечно, обнаружили преследование, и, как это часто бывает с шоферами в подобной ситуации, их охватил азарт. Они пытались обогнать идущую впереди машину; но это не удавалось (впоследствии я видел не раз такую же реакцию шоферов на погоню: не пытаясь узнать, кто гонится, за чем и почему, они прибавляли газу, делали резкие повороты, неожиданно меняли маршрут и т. п.).

Все это время Ю. П. снимал гонки на кинопленьку.

Наша машина подъехала к вокзалу и затормозила недалеко от метро. Сразу же остановилась и черная "Волга", агенты высыпали из нее и заняли позиции вокруг нас. Прилетная "меховая шапка" топчется перед входом в вокзал, курит, не спуская с нас глаз. Тут как раз прибыла вторая наша машина, а за ней газик.

Пока мы расплачиваемся с таксистами, Саня подходит вплотную к "меховой шапке":

— Разрешите прикурить?

Тот испуганно шарахается, шипит:

— Иди, иди, иди отсюда!..

И все-таки странно: буквально наступают на пятки, а брать не берут. Зачем же ходят следом?

Лариса, Саня и я быстро, почти бегом идем к метро (остальные наши поотстали), я опускаю пятку, мигом проскакиваю через контрольный автомат и бегу вниз по эскалатору. Агенты кидаются за мной, не успеваю опустить пятки (может, не приготовили?), автоматы срабатывают и перекрывают проход. Тогда агенты, недолго думая, перепрыгивают через преграду и, рассталкивая пассажиров, мчатся вниз. За ними, возмущенные такой наглостью, бегут контролеры метро, вслед им свистит милиционер. Я наблюдаю эту картину снизу: стою и жду друзей. Спрашивается, зачем бежал, куда? И сам не знаю. Тот же азарт ухода от погони охватил и меня.

Лариса, Саня и агенты оказываются рядом со мной все одновременно. Лариса и Саня с двух сторон крепко берут меня под руки — чтоб не вырвали. А сзади в самое ухо противный голос бормочет: "Куда бежишь, куда бежишь?.."

К нам подбегают запыхавшиеся работники метро, а за ними следом милиционер. Этим до нас нет дела, они тянут нарушителей за рукава, требуют подняться вверх, в комнату милиции. А нарушители твердят какие-то смутные слова, что мол, без нас они ни шагу, что мы все вместе. Тогда милиционер приглашает и нас:

— Граждане, пройдемте, там разберемся.

Некуда деваться, приходится подчиниться службе порядка. В комнату милиции набивается полно народу: четверо агентов — это "нарушители"; нас восемь человек — "свидетели"; несколько служащих метро и милицейских. Мы видим, как "меховая шапка" в стороне что-то шепчет милиционеру, тот шепотом докладывает начальству — офицеру милиции, показывая глазами на нас. Офицер кивает. После этого "меховая шапка" и милиционер куда-то смылись, а офицер начал довольно вялые и бестолковые расспросы, что да как. Видно, что происшествие его уже ничуть не интересует, он просто тратит время, занимая нас "делом". Явно ждет чего-то или кого-то.

Так оно и есть. В комнату входят двое в штатском, в шляпах: один маленький, круглый, другой высокий, сухощавый. Офицер вскакивает, уступает свое место маленькому, и тот располагается по-хозяйски: сразу видно, начальство.

— Что произошло? — спрашивает маленький.

— Вот они, — женщина-контролер показывает на агентов, — нахально проскочили...

— Ладно, ладно, вы идите на свой пост. Товарищ старшина в курсе? Он доложит. Вы идите, идите...

Офицер ловко выпроваживает ее из комнаты.

Тогда маленький обращается сразу к нам:

— В связи с происшествием — предъявите документы.

Мы понимаем, что у них какой-то свой план и что спорить бесполезно, но начинаем базарить: какие-то типы преследуют, нарушили порядок в метро, а нас из-за них здесь держат, да еще и документы требуют. Пусть они предъявят свои!

— Пожалуйста, можем начать с них. Давайте ваши документы, — протягивает он руку к агентам.

Те поочередно подают ему — не паспорта, а какие-то служебные удостоверения. Он просматривает и зачитывает вслух:

Мастер завода... Работник склада... слесарь... Ну вот, мы это все запишем.

— Запишите еще, что эти мастера и слесари гонялись за нами по всей Москве.

— Я не гонялся, — говорит "меховая шапка". — Я ехал по делу и случайно влип в эту историю.

— Случайно! В одной машине вот с этими случайно ехали вслед за нами от дома, случайно все вместе побежали за мной в метро, окружили там меня тоже случайно? И через барьер на эскалатор без пятаков тоже прыгали случайно?

— Почему вы так думаете, что он за вами ехал? — останавливает маленький. — Кто вы, собственно?

— А вы кто? Мы вас не знаем, и вы без формы.

— Мы оба, я и вот этот товарищ, — он показывает на своего молчаливого сухопарого напарника, — мы из угрозьска. Моя фамилия Медведев. Мы разыскиваем одного человека, некоего Марченко. Может, он среди вас. Предъявите документы.

У Ю. П. не оказалось никаких документов, только бесплатный проездной билет (с фотокарточкой) на городской транспорт — привилегия депутата райсовета. Медведев бегло просматривает паспорта — кроме моего. Немного дольше вертит в руках депутатский "мандат" Ю. П. Записывает фамилии всех моих друзей на клочке бумаги — и принимается за изучение моего паспорта.

Тем временем высокий, пошептавшийся с одним из агентов, обращается к Ю. П.:

— Товарищ, откройте кинокамеру и засветите пленку.

— Почему? — спрашивает Ю. П.

Мы тоже ввязываемся в спор. Высокий настаивает. Медведев, держа в руке мой паспорт, переговаривается с "меховой шапкой". Потом он вмешивается в разговор о кинокамере:

— Вы делали съемки на улицах Москвы и в метро...

— А это не запрещено. Около секретных объектов мы и близко не были.

— Засветите пленку, просим вас, — опять разговор с нами ведет один Медведев, а высокий отошел в сторону.

— Я не стану этого делать, — упирается Ю. П. — Объясните, в чем дело, почему вам не нравится кинокамера?

— Вы должны засветить...

— Вы меня засняли, — влезает "меховая шапка", — а я, может, не хочу. Это нельзя.

— А выслеживать нас можно? Я этого тоже не хочу.

Медведев пытается перевести все в шутку:

— Поверьте, не каждому вообще приятно сниматься. Вот я, например, не хочу с моей прической красоваться на фотокарточке.

Он театрально снимает шляпу и гладит себя по голому черепу.

— Мы снимали этих людей, потому что они преследуют нас. На пленке доказательство.

Шутки шутками, но появился и угрожающий тон: если вы добровольно не согласитесь, отберем пленку и засветим сами. Услышав это, Ю. П. был взбешен. Тогда остальные, видя, что этот очень сдержанный человек в ярости может наделать глупостей и нажать себе неприятностей, стали его успокаивать и уговаривать согласиться. И Ю. П. в конце концов засветил пленку.

Медведев объявляет:

— Все могут быть свободными. Идите по своим делам. А Марченко нам нужен, — он оборачивается ко мне: — Прошу за нами.

Мои друзья в один голос запротестовали:

— Мы без него никуда не пойдем! Одного его с вами не пустим!

И опять меня крепко держат под руки мои друзья — милиции без применения силы не подступиться. А потасовки они не хотят.

— Что вы так расстроились за своего Марченко, — опять шутит Медведев, но в тоне его слышно недовольство, — ничего с ним не случится. Поговорим, и все: вы в него так вцепились, будто его у вас собираются вырвать из рук!

— Пусть себе идут все вместе, если им так хочется, — вмешивается высокий.

И теперь чувствуется, что настоящий начальник не Медведев, а он.

Я уговариваю друзей оставить меня и подождать где-нибудь, пока мы "объяснимся". Но и меня они не слушают. Большой компанией мы выходим из метро и, возглавляемые Медведевым и вторым, идем в отделение милиции. Агенты идут сзади на почти-тельном расстоянии от нас.

В кабинет все же ввели меня одного, остальным пришлось ждать в коридоре.

В кабинете мне указали на стул около стола. Медведев отошел чуть дальше, как бы уступая первую роль высокому, а тот стал прохаживаться по кабинету. Потом он остановился рядом со мной.

— Марченко, вы постоянно нарушаете паспортные правила. Длительное время проживаете в Москве без прописки.

И он делает паузу, видно, ожидая моей реакции на сказанное. Но я молчу. Тогда он продолжает:

— Если вы в течение трех суток не выедете из Москвы, вас будут судить за нарушение паспортных правил. Предупреждаем: не задерживайтесь в Москве более 72-х часов после нашего разговора.

Мне опять не верится: отпускают, что ли? Так и хотелось спросить: а брать-то когда будете? Я не чувствовал к своему "освободителю" никакой благодарности.

Выдержав паузу, он сказал:

— Нам с вами, Марченко, необходимо поговорить. Вы сами знаете, о чем.

— Говорите, я слушаю.

— Не здесь и не сейчас. Давайте договоримся, когда.

— Ни о чем ни собираюсь с вами договариваться...

— Эти трое суток вы будете жить в квартире Богораз? Я вам туда позвоню, и мы условимся.

Напряжение последних дней прорвалось у меня настоящим взрывом:

— Не понимаю, что вам нужно от меня! Ваши молодцы преследуют меня по пятам,

ловят, волокут — а вы: "поговорить", "условимся"! Лучше я эти трое суток с друзьями проведу!

— Нам все равно придется встретиться и побеседовать, и вы, Марченко, это отлично понимаете.

С тем он меня и отпустил. Я вышел, меня окружили друзья. До этой минуты они не верили, что меня отпустят, боялись: а вдруг в кабинете есть другой выход, и меня тайком увезут в тюрьму.

Это первое мое столкновение лицом к лицу с ГБ так и остается для меня загадочным. Все мои друзья ломали голову над неожиданной, новой тактикой этой организации, в большинстве случаев прямолинейно-сокрушающей, бьющей наотмашь всегда, когда она может ударить. Каждый выдвигал свою версию, но все сходились на одном: верить им нельзя, они задумали что-то хитрое и коварное. Опять мне советовали исчезнуть и во всяком случае не возвращаться в Александров: раз меня так настойчиво вы провожают туда, значит, именно там меня ждет наибольшая опасность... Мне самому это казалось вполне вероятным: в городке у меня ни одного знакомого, живу на дальней окраине, пробираться домой приходится через железнодорожные пути, пустыри и трущобы, по зимнему времени в полной темноте, — очень удобная обстановка для любой провокации, для того, чтобы разыграть несчастный случай, драку с поножовщиной, да что угодно.

И я решил съездить в Александров буквально на несколько часов: показаться хозяйке, успокоить ее, что я не сбежал. А потом скрыться где-нибудь на пару месяцев.

Теперь я спрашиваю себя: если бы у меня и у всех окружающих не было абсолютной уверенности в том, что власти непременно расправятся со мной за книгу, если бы я пусть не вполне поверил, но хоть надеялся, что меня не ждет со дня на день тюрьма, — как бы я вел себя в этом случае? Даже в том состоянии, в каком я был тогда, я строил планы своего образования и самообразования — но они мне казались маниловскими проектами; у меня не хватило самообладания начать их реализовывать. Другое дело, если бы я не думал, что мое время на свободе отмерено. Может, я постарался бы устроиться в том же Александрове или еще где-нибудь вблизи Москвы более основательно, найти более удобное жилье, лучшую работу...

Но стоило ли укореняться в "вольной" жизни, раз она мне заказана? И я жил, как на вокзале в ожидании поезда.

За прошедшие десять лет¹ я привык к нестабильности своего существования, обзавелся семьей, и теперь где бы и на какой срок мы ни устраивались, как бы ни было неопределенно наше ближайшее будущее, мы примащиваемся так, будто будем жить до конца дней, будто и детям, и внукам оставим гнездо: приспособливаем по себе жилье, сколачиваем мебель, кладем печь, сажаем деревья, покупаем книги, обзаводимся утварью. За десять лет трижды начинали все заново, и через несколько месяцев, даст Бог, примемся в четвертый раз — после ссылки. Живем, как жили русские крестьяне под татаро-монгольским игом.

И еще я себя спрашиваю: может быть, все мы сильно преувеличивали грозившую мне опасность? То есть, наверное, так и есть. Ведь за книгу меня так и не посадили, и вообще посадили только через семь месяцев.

Действительность оказалась значительно мягче, чем мы ожидали: и в лагере, и на воле все думали, что того, кто на весь мир расскажет о лагерях, власти сотрут в порошок, к этому я и готовился. А мне дали всего один год. Правда, в лагере добавили еще два; но три года лагеря почти не наказание по нашим меркам, а так, отеческое внушение. У нас до сих пор жива поговорка: "Не ври, что десятку ни за что отсидел, "ни за что" дают пять".

Если бы после "Моих показаний" я не проявлял никакой общественной активности, — может, меня и вовсе не посадили бы? Ведь непосредственно причиной ареста было мое письмо о Чехословакии в июле 68-го года.

Но могло быть и наоборот: не был бы я в 68-м году, как говорится, на виду, оборвались бы мои связи с москвичами — и безызвестного автора разоблачительной книги уцепили бы так, что и концов не сыскалось бы.

Что гадать! Из этой истории я для себя сделал одно полезное заключение: в нашей стране, где постоянно и закономерно говорится одно, а подразумевается другое, я не должен давать формальных посторонних поводов к уголовному преследованию. Не то, чтоб это гарантировало мне свободу, но все же уменьшится фактор риска. К сожалению, выполнить это правило у нас крайне трудно, почти невозможно. Почти каждый наш гражданин является нарушителем чего-нибудь: паспортных правил, закона о тунеядстве, бродяжничестве и попрошайничестве или еще какого-нибудь административного установления, внесенного в уголовный кодекс. Конечно, никакой милиции не вздумается сажать в тюрьму человека, приехавшего в гости к родителям и не прописавшегося; или старушку из деревни, которая у детей в городе без прописки нянчит внука; или подмосковных жителей, регулярно два выходных в неделю проводящих у друзей в Москве; или тех, кто прописан в одном городе, а работает в другом, соседнем. Но все эти люди — нарушители закона о прописке, и в случае надобности их можно штрафовать, насильно выселять и даже засадить в лагерь. А обстоятельства у любого человека могут сложиться так, что ему легче умереть, чем не нарушить этот закон.

Но зимой 67—68 года я не старался соблюдать все дурацкие формальности, считая, что моя судьба и без того решена однозначно.

Сейчас для определенного круга людей подобные детективные истории, слежка, преследование на машинах, дежурство топтунов под окнами и у дверей подъездов и тому подобное — стали деталями быта, не только привычными, но и надоевшими. В конце 67-го года лишь немногие сталкивались с КГБ на допросах, а в будничной жизни недреманное око над собой еще не ощущал, пожалуй, никто. — Я имею в виду тех, кто оставался на свободе и над кем не висела угроза ареста в ближайшие дни. Зато все знали о стукачах, топтунах, подслушивании, прослушивании и прочей "технике госбезопасности", и всевидящее око и всеслышащие уши казались явлением мистическим, потусторонним и потому особенно грозным.

И еще все знали по слишком недавнему историческому опыту, что контакты с человеком, удостоенным внимания КГБ, опасны, как чума. Всего двадцать-тридцать лет назад эта зараза косила многоквартирные дома, дружеские компании, выкашивала до одного разветвленные семьи. И сколько дружб и семей распалось тогда из-за страха окзаться вблизи зачумленного!

Что произошло с советским обществом в середине 60-х годов? Никто из друзей (почти никто) не откачнулся от семей арестованных Синявского и Даниэля; незнакомые люди, не таясь, предлагали им помощь. Лагерные цензоры не управлялись с работой: письма, книги с авторскими автографами шли от знакомых, малознакомых и совсем чужих людей; бывало, Даниэль получал по 6—10 писем в день.

После ареста Галанскова, Гинзбурга, Лашковой и Добровольского то же повторилось и с их семьями. Не помню, чтобы когда-нибудь, зайдя к Людмиле Ильиничне, матери Гинзбурга, я застал ее одну: всегда у нее было двое-трое знакомых сына или тех, кто пришел высказать матери свое сочувствие и предложить помощь.

В рассказанной здесь истории друзья наперерыв предлагали мне помощь и убежище; парень-студент отдал свой студбилет; совершенно не знавшие меня люди — Ю. П., подруга Н. П., приятель Ирины — молодой научный работник — составили как бы мою охрану, не дали КГБ столкнуться с жертвой один на один, без свидетелей. И уж от общения со мной не отказался ни один даже из малоизвестных мне людей, хотя я всех предупреждал о слежке. Люди, наверное, считали своим долгом поддержать меня. И они считали мужественным мой поступок, не замечая собственной отваги!

С удивлением и досадой прочел я в мемуарах А.И.Солженицына об "открытии", которое он сделал в 74-м году: когда его арестовали и выслали, нашлись люди, которые самоотверженно помогали его жене и детям. Весь тон этого рассказа таков, будто вот как власти просчитались, вот какую неожиданную реакцию получили в ответ на расправу с писателем. А на самом деле этому общественному явлению — открытому сопротивлению и взаимопомощи — к 74-му году было уже лет десять или около того. Мог ли Александр Исаевич не знать этого? Мог ли писатель не заметить реакции общества на процесс Синявского и Даниэля? Не задуматься и об их деле, о его глубокой сути? Имена Синявского и Даниэля появляются в "Теленке" только как временные ориентиры — а ведь их работа, их процесс составили целую эпоху русского общественного развития.

Не могу поверить, что Солженицын этого не знает или не помнит. Не в своих ли т е р а т у р н ы х мемуарах он не нашел этому места. Как будто в пустыне жил, где были только Дуб — советская власть, да он сам, одинокий и отважный Теленок. ●

ГАДЫ ПОЛЗУТ НА МОСКВУ,

или о делах писательских

Как-то недавно, покупая на мюнхенском вокзале журнал "Огонек", я с удивлением заметил отсутствие на его обложке ордена Ленина. Я было подумал, уж не проштрафился ли бедный еженедельник и не лишили ли его награды, как в свое время академика Сахарова, но мои опасения тут же рассеялись: изображение ордена обнаружилось под обложкой, точнее на титульном листе. Такое стыдливое перемещение высокой правительственной награды мне показалось забавным и даже примечательным. Раньше, с орденом на груди, журнал был похож на передового колхозника, а теперь скорее смахивает на агента секретной полиции, который свой номерной знак прячет под лацканом пиджака. Как говорится, зримая примета времени. Бывший главный редактор "Огонька" Анатолий Софронов, имея с секретной полицией самые тесные связи, сам, тем не менее, был похож на колхозника, а новый — Виталий Коротич, неутомимый и не очень чистый на руку разоблачитель Запада, относится уже к новой породе. Заметно меняются и другие фигуры на советской политической сцене. Обрюзгший и мрачный бюрократ, произносящий по бумажке унылые доклады на колхозном наречии, постепенно уступает место деятелю нового типа: воспитаннику института международных отношений или высшей школы КГБ. Этот, спрятав свой номерной знак под пиджаком фирмы Диор, понимает толк в иностранных напитках, чарует собеседников улыбками, целует дамам ручки, щелкает каблуками, по-английски чешет с бруклинским, а то даже и с оксфордским произношением, а порой даже бравитует незнанием родного языка и досадливо морщит лоб — как это? как это будет по-русски шопинг?

Наблюдая этих людей в основном по телевидению (некоторых, впрочем, мне приходилось знать и лично), я вспоминаю одну даму из московского, так сказать, света, которая гордилась тем, что в детстве вышла из колхоза. На что ее муж с неизменной язвительностью замечал: "Зато колхоз из тебя до сих пор не вышел".

Такие вот примерно ассоциации невольно приходят в голову.

Что же касается журнала "Огонек", он, благодаря курсу партии на перестройку и личным честолюбивым устремлениям нового главного редактора, стал, надо это признать, интересным и по количеству сенсационных публикаций занимает в советской прессе одно из ведущих мест. Именно в "Огоньке" появились отрывки из романа Владимира Дудинцева, стихи Гумилева и совсем недавно — Ходасевича с объяснительным, как полагается в таких случаях, и осторожным предисловием Андрея Вознесенского.

В том же номере "Огонька" материал, посвященный восьмидесятилетию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: короткая автобиография с пропуском важнейших вех в жизни юбиляра и интервью с ним, в котором он демонстрирует свойственные ему мудрость, широту взглядов и благородство. Людей такого уровня в сегодняшней России можно пересчитать по пальцам, но меня всегда удивляет, что они вообще еще водятся. В интервью Лихачев, пользуясь ситуацией и своим нынешним положением, ратует за издание Сологуба, Ремизова, Мережковского и Набокова.

Эта посмертная и частичная реабилитация писателей, к которым советская власть всегда относилась крайне враждебно, идет неравномерно и со многими

оговорками. Они, мол, были, конечно, не совсем хорошие, иногда даже по поводу нашего строя высказывались в общем неодобрительно, но они все-таки наши. При этом, если ничего положительного (с советской точки зрения) в поведении реабилитируемого автора не наблюдалось, то в качестве смягчающего вину обстоятельства принимается якобы (или не якобы) снедавшая его при жизни тоска по родине. Соблюдая правила игры, в этом же духе высказывается и Лихачев: "Не надо, — говорит он, — бояться, что Набокову станут подражать, это невозможно, не надо бояться каких-то нам чуждых взглядов Набокова."

Насчет взглядов я совершенно согласен. Мне лично чужды взгляды многих писателей, которых я с удовольствием читаю и не боюсь. А вот насчет подражания — не знаю, насколько оно угрожает советскому строю, но оно непременно будет и даже уже есть. Потому что книги Набокова, несмотря на усилия бдительных таможенников и соглядатаев КГБ, давно и в изрядных количествах распространяются по всей территории СССР и на черном рынке пользуются большим спросом. Литературной молодежи, особенно в Москве и Ленинграде, эти книги доступны. И влияние Набокова чувствуется в сочинениях многих молодых и даже не очень молодых писателей. Во времена моей молодости такое же влияние на литературу оказывал тогда еще только-только реабилитированный Бунин. Была целая группа писателей, которых Твардовский называл модными бунинистами. Ну, а теперь, значит, есть и еще появятся модные "набоковцы". Ну и что? А ничего. Само собой разумеется, что мода со временем пройдет, сменится другой, как меняется мода то на широкие, то на узкие брюки. Напомним, кстати, что с шириной брюк советская власть тоже всегда боролась. Причем, когда в моде были широкие брюки, она, усматривая в этом идеологическую диверсию, боролась за то, чтобы их сузить, а когда наоборот, по той же причине воевала за то, чтоб расширить.

Лихачев говорит, что когда "наши читатели узнают прозу В.Набокова, они прежде всего поразятся его филигранному литературному мастерству". А я думаю, что когда читатели прочтут не только Набокова, а все книги, которые от них скрывали, они удивятся, почему эти книги вызывали такой панический ужас. Например, выйдет вот многострадальный пастернаковский "Доктор Живаго", прочтут его люди, кому-то понравится больше, кому-то меньше, кому-то даже совсем не понравится, но ни те, ни другие, ни третьи никогда не поймут, для чего было устраивать колоссальный скандал, позориться на весь мир и затравливать до смерти автора.

У российских правителей и раньше к литературе отношение бывало весьма настороженным, но паранойя советского образца представляет собой явление исключительное в истории всех времен и народов. И хотя сейчас есть маленькие сдвиги в сторону выздоровления, до полной поправки еще далеко.

Тут недавно на Западе объявился не совсем обычный Самиздат: запись беседы Михаила Сергеевича Горбачева с группой советских писателей — участников их съезда. Речь Генерального секретаря в неприглаженном виде в общем-то кажется искренней и впечатляет. Но меня лично и удивляет. Обращаясь к своим гостям, Горбачев задает им старый вопрос: "С кем вы, мастера культуры?"

Я не знаю, что они ему ответили, но если бы он спросил меня, я бы ему объяснил, с кем они, эти вот мастера.

Перед съездом Союза писателей и во время съезда в "Литературной газете" печатались статьи и речи, по советским понятиям ужас какие смелые. Против серой литературы, за гласность, за правду и за критику, не взирая на лица и должности. Давайте, призывает отчаянный правдолюбец, назовем поименно тех, кто творил серую литературу, насаждал в Союзе писателей дух чиновничества, неуемной лести и угодничества, печатал других и сам печатался по благу. При чтении таких речей у меня иной раз дух захватывало. Ну, думаю, сейчас назовут Маркова, Чаковского, Грибачева, Михалкова или Софронова. Но смотрю, ни-

каких имен нет, и правдолюбец сам призыву своему не следует. Другой голос еще смелее: мы, мол, только говорим, давайте называть, а сами не называем; и опять никаких имен. На съезде, правда, кто-то Чаковского и Михалкова слегка ущипнул, но тут же, по выражению Достоевского, и стусевался.

И на этом кончилось. Теперь уже никто даже давайте-давайте не говорит. Говорят нечто противоположное. По-моему, первым одобряющий знак сочинителям серой литературы подал лично товарищ Егор Лигачев. В журнале "Театр" он писал, что нам нужна полная правда, а не только, мол, негативная. Ну, а эти мастера культуры, они как раз насчет правды, исключающей негативную часть, большие специалисты. Они, конечно, тут же приободрились, перестроили боевые порядки, и вот уже новый первый секретарь Союза писателей Владимир Карпов со свойственным ему героизмом кидается на амбразуру. Между прочим, когда Карпов захватил бразды правления в Союзе писателей, я даже в западных газетах читал, насколько выгодно отличается он от смененного им заевшегося бюрократа. Он и жертва сталинизма, и герой, и взгляды у него прогрессивные. Насчет первых двух характеристик спорить не буду, но, читая его публичные речи, я различия во взглядах Карпова и Маркова не вижу. Выступая недавно на сессии Верховного Совета СССР, Карпов сказал, что критика дело хорошее и даже отчасти нужное, но злоупотреблять ею не следует. А то некоторые литературные трутни зашли в своем критиканстве так далеко, что уже не смущаются именами даже Айтматова и Белова. Я не знаю, кого он называет литературными трутнями, но я знаю, что во все времена новейшей истории от такого определения до политического обвинения был только один шаг, иногда даже очень короткий. Защищая Айтматова и Белова, Карпов, конечно, имел в виду не столько их, сколько тех самых неназываемых номенклатурных серых (в том числе, может быть, и самого себя), на которых критики наемкнуть осмелились, но назвать не сумели. Они еще рот не открыли, как вступила в бой тяжелая артиллерия привычной демагогии. Мы, мол, конечно, можем себе позволить своеобразное восстановление справедливости и побаловать читателя отдельными книжками Набокова или Булгакова, но надо понимать, наше главное направление — это Горький, Маяковский, Шолохов, Фадеев и другие. А другие, это, понятно, опять те же самые серые, которые временно лишились имен. То же самое почти слово в слово повторил публично предводитель московских писателей Феликс Кузнецов. А с главным редактором "Литературной газеты" Александром Чаковским на секретариате Союза писателей, говорят, вообще случилась истерика: он воздевал руки к потолку и кричал: "Гады ползут на Москву!"

Тем, кто не знает, что это значит, объясняю: это образ из пока еще благодаря усилиям серых не напечатанной фантастической повести Михаила Булгакова "Роковые яйца". Там в результате опытов одного неосмотрительного профессора из яиц выводятся в большом количестве гигантские змеи и действительно ползут на Москву, но героическая Красная армия их нападению в конце концов отбивает. Так вот, Чаковский, вероятно, опять-таки с помощью армии и вооруженных сил КГБ, надеется и на этот раз отбиться от гадов, или, как он их еще называет, белогвардейца Булгакова, сексопата Набокова и антисоветчика Пастернака.

Тревога вполне понятная. Много лет серые писали (а то и помощникам поручали писать) серые романы про секретарей обкомов и маршалов. Государство серые романы издавало огромными тиражами и распределяло по библиотекам, где они и пылились. Может, их иногда кто-то за неимением ничего иного даже читал. Авторам за эти сочинения платили деньгами (сотни и даже миллионы рублей) и натурой, награждая их роскошными квартирами, дачами, автомобилями, отдыхом в правительственных санаториях, лечением в кремлевских больницах и поездками за границу для борьбы за мир и дополнительного обарахления на распродажах. Положение этих серых всегда было лучше и надежнее даже высших небожителей,

то есть членов Политбюро. Членов Политбюро иногда все же смещают, и они остаются почти ни с чем, а эти инженеры человеческих душ от подобных неприятностей застрахованы. Потому что, по официальной советской формулировке, талант — это народное достояние и с ним надо обращаться бережно. Это, скажем, Пастернака можно называть свиньей под дубом, Зощенко пошляком и хулиганом, Ахматову блудницей, а потом посмертно или чуть раньше частично реабилитировать. В порядке, как выразился художник слова Карпов, "своеобразного восстановления справедливости". Но усомниться публично в литературных достоинствах заведомо бездарных романов Маркова, стихов Грибачева или пьес Софронова — это не только никогда не позволялось, но приравнивалось к государственной измене. Ни больше ни меньше. Я помню, когда в шестидесятые годы кто-то из критиков посмел слегка задеть стойкое и злобного сталиниста Всеволода Кочетова, это было воспринято как покушение на устои. Как же можно критиковать секретаря Союза писателей СССР, главного редактора журнала, депутата Верховного Совета и члена ревизионной комиссии ЦК КПСС! Сам Кочетов решил, что за критикой неизбежно должна последовать физическая расправа, и постоянно имел при себе заряженный пистолет, из которого впоследствии и застрелился.

Секретарей Союза писателей нельзя критиковать и сейчас. Во всяком случае, пока что еще нельзя. Но если справедливость восторжествует, не своеобразная, а обыкновенная (а это когда-то все же должно случиться), если когда-нибудь успех советского писателя будет поставлен в зависимость от реальных достоинств его сочинений, то большинство нынешних секретарей Союза писателей, героев соцтруда и лауреатов высших литературных премий на доходы от своих сочинений не смогут прожить и дня. То же самое, впрочем, можно сказать о подавляющем большинстве рядовых членов Союза писателей, численный состав которого в результате расцвета коррупции сильно пополнился за счет партийных чиновников и их родственников, за счет офицеров КГБ, милицейских чинов, директоров магазинов и прочей торгующей публики, чья общая деятельность соответствует не столько литературным критериям, сколько статьям уголовного кодекса. Понятно, что реальное оздоровление обстановки для них очень и очень опасно.

Впрочем, опыт борьбы с подобными опасностями у них накоплен немалый. Трудные времена вроде нынешних они однажды уже пережили. В свое время они успешно утопили в помоях так называемую хрущевскую оттепель, точно так же надеются справиться и с нынешней перестройкой.

В уже упомянутой мною речи Горбачев, судя по имеющейся записи, сказал так: "Наш враг нас разгадал. Их не пугает наша ядерная мощь. Они не начнут войну. Их волнует одно: если у нас разовьется демократия, если у нас получится, то мы выиграем".

Я думаю, что если у врагов и в самом деле есть подобные опасения, они преждевременны. До развития демократии в Советском Союзе еще так далеко, что враги могут спать спокойно. Тем более, что у них есть надежные союзники в партийном аппарате, в армии, в КГБ, и почти полный состав десятилетиячного Союза писателей СССР во главе со своими прославленными секретарями тоже стоит на страже. ●

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ, РЕШАЮЩЕМУ — СДЕЛАТЬ БЫ ЖИЗНЬ С КОГО

Хоть и принадлежат эти строки незабвенному Владимиру Владимировичу, а для заголовка все-таки длинновато. Но — не выходили они у меня из головы, пока я читал книгу Юлиана Семенова и Александра Горбовского "Без единого выстрела". С названием хорошо сочетаются и последующие строки Маяковского, которые все, конечно,

хорошо знают: "Скажу не задумываясь — "Делай ее с товарища Дзержинского". Однако не о "Железном Феликсе" и не о славных его последователях идет речь в книге. Имеет она подзаголовок "Из истории российской военной разведки", и рассказывается в ней, как вы теперь догадываетесь, скорее о предшественниках всех тех, кого Юлиан Семенов раз и навсегда избрал героями своих бесчисленных "политических хроник". Вышла она в 1983 году (попала ко мне, к сожалению, совсем недавно) в издательстве "Мо-

лодая гвардия” и, как и вся продукция этого издательства, адресована тому самому ”юноше”, на ком еще Владимир Владимирович проверял силу поэтического убеждения.

Подробной рецензии книга ”Без единого выстрела” не заслуживает — как, впрочем, и все другие творения Юлиана Семенова. Говоря о ней в целом, отмечу лишь одно обстоятельство: деятельность русской разведки, историю которой автор начинает чуть ли не со времен татаро-монгольского нашествия, вызывает у него (и, соответственно, у читателя) чувство патриотического восхищения. Лишь в русско-японской войне 1904 года и Первой мировой разведки противника стали переигрывать нашу, отечественную. По мнению Семенова, причина этого очевидна: назревавшие революции — результат ”гнилостного царского режима”, и как часть его, разведка конечно же должна была загнить вместе с ним.

Оставлю, однако, всю книгу рецензентам, сведущим в истории военной разведки. Остановлюсь лишь на одной ее главе — ”Тайная война Наполеона Бонапарта”, — самой объемной в книге, и посему — даже не на всей главе, а только на нескольких ее страницах. Посвящены они резиденту русской военной разведки в Париже Александру Ивановичу Чернышеву.

”Полковник Чернышев, прикомандированный к русскому посольству в Париже, был аристократ и боевой офицер, участник войны с французами 1805—1807 годов”. В Париже он ”приятно проводил время” в кругу высшего французского общества, куда его ввел сам Талейран. По-видимому, ”приятное времяпрепровождение” отвело от Чернышева возможные подозрения, поскольку даже Наполеон, пишет Семенов, распорядился оставить в покое молодого русского полковника, не досаждайте ему слезкой, которую поначалу установила за ним французская полиция.

А между тем ”аристократ и боевой офицер”, с восхищением рассказывает Юлиан Семенов, был талантливым русским разведчиком, истинным патриотом, которого благодарные потомки должны вспоминать с глубоким почетом. Ибо он поставлял военному командованию России неопределимые сведения. В феврале 1812 года Чернышев покинул Париж, ”везя Александру I и русскому генеральному штабу данные о военных приготовлениях против России”. За что не был обойден и современниками. Описание его заслуг на ниве военной разведки заканчивается следующим образом: ”Чернышев вернулся в Россию, участвовал в Отечественной войне, командуя кавалерийским отрядом, а потом дивизией. Умер он через 45 лет, будучи генералом, светлейшим князем и военным министром”.

Таким образом, логика семеновского повествования подводит читателя к тому, что деятельность Чернышева во славу отечества и русской военной разведки была в конце концов щедро вознаграждена: именно она, эта деятельность, принесла ему титул ”светлейшего”, высокий чин и даже кресло министра.

По своему обыкновению Юлиан Семенов — справедливо надеясь на нашу необразованность — о многом умалчивает, часто передергивает, а порой — попросту лжет. А посему — вот несколько разрозненных и не всегда равноценных фактов из жизни Александра Ивановича Чернышева.

Все перечисленное он действительно получил. Но за участие в военных действиях, в том числе и тайных, — лишь генерала. Остальное же — со всем, совсем за другое...

С 1825 года генерал-адъютант Александр Иванович Чернышев — член следственного комитета по делу о вооруженном восстании на Сенатской площади. Все члены сего славного комитета работали, что называется, рука в руку, без различия чинов и званий. То есть, формально они вели следствие на равных, подчиняясь лишь Николаю I. Но если в отношении прочих чинов комитета мнения подследственных, а потом и осужденных, были весьма различны, и даже о Бенкендорфе — не всегда плохие, то о Чернышеве декабристы отзываются на удивление одинаково. В своих воспоминаниях они поразительно единодушны: генерал Чернышев — убежденный палач, человек без каких бы то ни было нравственных принципов. Не случайно именно ему Николай I поручил разгром Южного общества: внезапный налет в Тульчине, захват бумаг, арест Пестеля и других...

Еще больший след в умах современников оставила попытка Чернышева завладеть майоратом своего однофамильца. Граф Захар Григорьевич Чернышев был правнуком петровского денщика — бедного польского шляхтича, сумевшего при Петре стать графом и генералом-аншефом, — и внуком одного из первых фаворитов Екатерины. Фаворит-то и заложил основу благосостояния семьи, неустанно преумножал подарки императрицы, вкладывая средства в заводы и фабрики. Но же сумел добиться высочайшего соизволения на учреждение майората, который в России был явлением редким и потому экзотическим. Его внук, Захар Чернышев, офицер кавалергардского полка, единственный прямой наследник по мужской линии, владел огромным состоянием: усадьбой, 6000 десятинах земли, десятками предприятий. Этим состоянием и попытался завладеть ”один из важнейших людей Николая I” (выражение известного военного историка А. М. Зайончковского) — высокомерный и самовластный, но и жуликоватый Александр Иванович Чернышев.

Захар Чернышев неизбежно стал членом тайного общества: его привели туда круг друзей и образ мыслей; причем скорее все-таки первое, чем второе. Активности он не проявлял, а во время восстания его не было не только на Сенатской площади, но и в Петербурге. Тем не менее, судьба его была предreshена. Этой предreshенностью (Захар получил 4 года каторги и пожизненную ссылку с лишением дворянства и всех прав состояния) и хотел воспользоваться недавний резидент русской разведки в Париже. Изначально попытка была не лишена даже некоторого изящества: Александр Иванович задумал об-

ставить все так, чтобы его родство с семьей декабриста подтвердил сам Захар в присутствии свидетелей. Для этого он как бы случайно появился на одном из первых допросов Захара и спросил, изобразив лицом крайнюю степень изумления: "Как, кузен, и вы состоите в числе виновных?"

Но – не вышло. С аристократическим достоинством, едва взглянув на вошедшего, Захар Чернышев ответил: "Может быть, я виновен, но я никогда не был вашим кузеном".

После отправки Захара на каторгу Чернышев вновь попытался завладеть майоратом. На сей раз история вышла за пределы следственного комитета, и разразился грандиозный скандал. И без того декабристы пользовались известным сочувствием в среде образованного русского общества. А тут – откровенно жульническая попытка отнять семейное достояние одного из них, да еще предпринятая человеком, не просто исполнявшим порученную ему следственную работу, но усердствовавшим в ней. Мнение русского общества о претензиях Чернышева на "чужой караван" наиболее точно и емко выразил генерал Ермолов: "В подобном требовании, – писал он, – не было ничего удивительного: одежда жертвы всегда и везде поступала в собственность палача". Даже Николаю I, как ни благоволил он своему любимцу, пришлось стать на сторону семьи декабриста, и майорат получила старшая сестра Захара.

Тем не менее деятельность Чернышева по преследованию инакомыслия не осталась без награды. С 1832 года он – военный министр, а с 1848 года – и председатель Государственного совета, и уже граф. Скажем несколько слов еще и о том, как проявил себя Александр Иванович на посту руководителя военного ведомства.

Младший современник Чернышева, Анатолий Федорович Кони рассказывает о двух эпизодах, связанных с деятельностью военного министра. Однажды в петербургском театре давали оперу из жизни древнего Рима. Уже в те времена для массовок использовались армейские подразделения; одно из них изображало римских легионеров. Вышло так, что "римские легионеры" прошли по сцене не в ногу, а в ложе на беду случился Чернышев. На следующий день командир полка, солдаты которого участвовали в массовке, получил от Чернышева резкий выговор.

Главное действующее лицо другого эпизода – великий русский хирург Николай Иванович Пирогов. Действительный тайный советник, профессор петербургской медико-хирургической академии, находившейся в ведении военного министерства, Пирогов несколько месяцев провел на Кавказе, где впервые применил анестезию в полевых условиях. Вернувшись в Петербург, он был вызван для отчета к военному министру. За то время, что Пирогов отсутствовал, в военной форме произошли незначительные изменения, о которых он, естественно, ничего не знал. Явившись к Чернышеву с отчетом о перспективах применения анестезии, но в форме старого

образца, он не только не был выслушан, но "удостоился" весьма грубой отповеди. Более того: Чернышев обязал ректора медико-хирургической академии объявить Пирогову выговор в присутствии всего профессорского состава. После чего Николай Иванович, болезненно относившийся ко всякого рода подобной чепухе, подал в отставку.

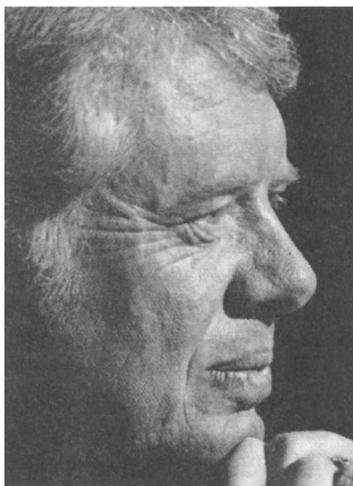
Но, в конце концов, оба эти эпизода – не более, чем курьезы: ни опера, ни тем более русская медицина от них, слава Богу, не пострадала. За 20 лет пребывания на посту военного министра Александр Иванович Чернышев оставил по себе более серьезную память. Современники считали его виновным в развале русской армии. Установленные им порядки привели к тому, что из каждых 5 рекрутов умирали двое. Любовь Чернышева к парадам – в ущерб военной подготовке и заботам о снабжении – нанесла непоправимый урон боеспособности русских войск. Результатом его двадцатилетнего владычества стало поражение России в Крымской войне; бесславная отставка Чернышева за год до ее начала не спасла положения.

Теперь, когда мы немного знакомы с деятельностью Александра Ивановича Чернышева на благо отечества, вернемся к книге Юлиана Семенова. Не станем обращать внимание на некоторые неточности, в ней содержащиеся. К примеру, военным министром Чернышев пробыл отнюдь не до самой смерти, как утверждает Семенов, а лишился этого поста за пять лет до нее. Обратимся к главному: за какие же все-таки заслуги получил Чернышев кресло министра и титул? Как вы помните, Семенов убеждает читателя в том, что всем этим Чернышев был вознагражден за свои успехи на поприще военной разведки. На самом же деле, возвышен и приближен он был за отменную расправу над декабристами и теми, кто имел к ним хоть малейшее отношение. И так превосходно проявил он себя в качестве палача, что даже жульническая попытка завладеть чужим имуществом не помешала его уверенной карьере.

И вот его-то Юлиан Семенов, а вместе с ним – издательство "Молодая гвардия", предлагают нашей молодежи в качестве образца для подражания! Опять же достойный предшественник наших нынешних славных органов! Преемственность очевидна и сомнений не вызывает.

Вероятно, вы обратили внимание, что авторов книги – двое, а я все о Семенове да о Семенове. Ну, тут ничего не поделаешь: уж больно громкое у него имя. Да и завлекательно-бойкий стиль вполне узнаваем. И еще – мое личное пристрастие к адепту и певцу ЧК всех периодов ее деятельности, даже тех, когда и самой-то ЧК еще не было. Но в послесловии соавторам воздано поровну, оба они названы "профессиональными историками, прекрасно знающими цену источника, архивного документа". А раз так – ответственность за подобное препарирование русской истории у них равная. ●

Марк Дейч (Москва)

“У ВАС ПОВСЮДУ ЕСТЬ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ”

Беседа с Джимми Картером

Джеймс Эрл Картер, 39-й Президент Соединенных Штатов Америки, родился в 1924 г. в городе Плейнс в Джорджии, одном из южных штатов США, в семье владельца арахисовых плантаций. Служил во флоте, в том числе пять лет на подводных лодках. В 1970 году был избран губернатором Джорджии, на этом посту возглавил кампанию против расовой дискриминации. В 1976 г. был выдвинут кандидатом от демократической партии на пост Президента и на выборах нанес поражение республиканцу Дж.Форду. Избирательную базу Картера составили главным образом сельские жители, рабочие (“синие воротнички”), цветное население, либеральная интеллигенция.

На посту Президента США Дж.Картер получил широкую известность (особенно в Советском Союзе) как первый политический деятель, поднявший проблему прав человека до уровня государственной политики. Он провозгласил, что характер отношений США с другими странами должен определяться степенью соблюдения прав человека в этих странах. Он открыто поддержал борьбу советских правозащитников; с целью оказания давления на советское правительство неоднократно использовал торговое эмбарго. После советского вторжения в Афганистан объявил о бойкоте Московской олимпиады 1980 г., который поддержали многие страны мира. Первым шагом Дж.Картера на посту Президента была амнистия лиц, уклонявшихся от призыва в армию во время вьетнамской войны.

Среди важных внешнеполитических событий президентства Джимми Картера было восстановление дипломатических отношений с КНР, подписание договора о передаче Панаме суверенитета над Панамским каналом, организация мирных переговоров между Израилем и Египтом. Администрация Картера перенесла тяжелый кризис, вызванный захватом американских заложников в Иране.

Во внутренней политике Картеру удалось добиться меньшего, чем во внешней. Его программы административных и экономических реформ встретили сопротивление Конгресса, и осуществить их не удалось. Президентство Дж.Картера было отмечено серьезным трудовым конфликтом – забастовкой шахтеров в 1977–1978 гг. Попытки разрешить конфликт путем переговоров потерпели неудачу, и чтобы вернуть шахтеров на работу, Президент был вынужден прибегнуть к закону Тафта–Хартли.

В 1979 г. Дж.Картер был выдвинут кандидатом в президенты от демократической партии на второй срок, несмотря на соперничество сенатора Э.Кеннеди и других. На выборах, однако, Картер потерпел поражение от кандидата республиканцев Рональда Рейгана.

Оставив Белый Дом, Дж.Картер вернулся в Джорджию, где основал Президентский центр Картера, целью которого является изучение проблем борьбы с голодом, с нарушениями прав человека, проблем охраны окружающей среды и разрешения международных конфликтов. Дж.Картер является одним из директоров Фонда Картер–Мениль, присуждающего ежегодные премии лицам, особо отличившимся в деле защиты прав человека. В 1987 г. эту премию разделили основатель Московской Хельсинкской группы проф. Юрий Орлов и Группа взаимной поддержки из Гватемалы, которая основана родственниками лиц, арестованных или похищенных по политическим мотивам.

В декабре 1986 г. Дж.Картер встретился с нашим специальным корреспондентом Кронидом Любарским и дал ему интервью.

Президент Картер, ваше имя до сих пор популярно в Советском Союзе как имя человека, поставившего права человека во главу угла государственной политики. Скажите, что служило для вас побудительным мотивом: политический расчет или нравственные соображения? Короче говоря, каким был ваш личный "путь в Дамаск"?

Я думаю, это было в первую очередь моральным и этическим побуждением. Большое влияние оказал также опыт, который я приобрел на Юге, во время борьбы за прекращение расовой сегрегации. Я увидел огромные преимущества, которые приобрели граждане моего штата и страны в целом, равно белые и черные, когда мы прекратили расовую сегрегацию и юридически, и фактически. В период моей президентской кампании мне также стало ясно, что американский народ хочет, чтобы мы выступили в защиту прав человека во всем мире. Я основывался в своей деятельности на международных соглашениях, подписанных государствами — членами ООН, на Уставе ООН и на Хельсинкских соглашениях 1975 года, подписанных и Советским Союзом. Задолго до моего прихода в Белый дом я объявил, что права человека станут краеугольным камнем нашей политики, что наши отношения с другими странами будут зависеть, по крайней мере частично, от положения с правами человека в этих странах.

Получили ли вы как Президент достаточную поддержку в вашей борьбе за права человека со стороны европейских правительств?

Нет, не очень. Чаще всего они были слишком заняты своими собственными внутренними проблемами. Другие главы правительств в Европе весьма критически относились к тому, что наша политика в области прав человека была открыто и громко провозглашена. Одним из них был Гельмут Шмидт, — он считал, что его политика "тихой дипломатии" в отношениях со странами Варшавского пакта гораздо более эффективна и что предание проблемы прав человека широкой гласности может повредить его усилиям. Я не хочу его критиковать, может быть, он по-своему и прав, но я считал себя обязанным делать то, что с моей точки зрения было наиболее правильным. Я знаю, что США — самое сильное государство на земле, как в военном отношении, так и политически и экономически, и я полагал, что должен оказать в области прав человека максимум того влияния, которое я имел. Иногда это приводило и к неблагоприятным последствиям, но я никогда не сожалел о тех усилиях, которые предпринимал в области прав человека. И если бы мне пришлось вновь повторить все это, единственной разницей было бы то, что я действовал бы еще более энергично и целеустремленно.

Оказали ли, по вашему мнению, эти усилия реальное воздействие на положение с правами человека в Советском Союзе?

Думаю, что да. В Советском Союзе права человека все еще серьезно нарушаются. Людей сажают в тюрьмы за политические убеждения, отправляют в ссылку, пытаются их дискредитировать, объявляя сумасшедшими. Я считаю, что все это является прямым нарушением подписанных Советским Союзом международных соглашений, в особенности Хельсинкских соглашений. Однако я также вижу, что советские руководители, а генеральный секретарь Горбачев, я бы сказал, в особенности, крайне чувствительны к мировому общественному мнению. Мой подход к проблеме прав человека в Советском Союзе состоит в том, чтобы привлечь общественное внимание к совершаемым там нарушениям этих прав (это, кстати, касалось того, как я вступил на пост Президента, я написал Сахарову личное письмо, которое тот предал гласности). Не было ни одной моей встречи с советскими руководителями — будь то посол Добрынин, г-н Громыко или Председатель Брежнев, — когда бы я не представил им, в вежливой, но твердой форме, список лиц в Советском Союзе, чьи права, по моему мнению, нарушаются, кого надо освободить из тюрьмы или позволить ему покинуть страну. И я думаю, что

это оплачивалось сторицей, ибо, например, в 1979 году число лиц, которым было позволено выехать из Советского Союза, перевалило за 50 тысяч. Я уверен, что упор, который мы делали на предании гласности происходящего в Советском Союзе, содействовал тому, что Брежнев был вынужден отпустить этих людей.

Могут ли советские правозащитники и далее рассчитывать на поддержку западных стран, как со стороны общественности, так и на правительственном уровне?

Уровень поддержки со стороны западных правительств неизбежно будет колебаться. Я надеюсь, что следующая вашингтонская администрация вновь поднимет вопрос о правах человека на максимальную высоту и советские руководители, равно как и руководители Чили, Южной Кореи, Парагвая и Южной Африки, поймут, что отношения между нашими странами в существенной мере будут определяться позицией соответствующих правительств в вопросе о правах человека. Когда бы я ни встречался с западными лидерами — с руководителями Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, даже Японии или Канады, — я всегда вступал с ними в серьезные дискуссии о злоупотреблениях в области прав человека в СССР. А до тех пор, пока необходимая правительственная поддержка не достигнута, наш долг в этой области обязаны выполнять частные группы и организации, такие как Международная Амнистия, Хельсинкские группы в различных странах или созданный г-жой де Мениль и мною фонд.

Некоторые считают, что Запад скорее заинтересован в том, чтобы советская система осталась неизменной, больше обеспокоен поддержанием политической стабильности, ибо внутренние перемены в Советском Союзе могут привести к непредсказуемым результатам. Согласны ли вы с этим мнением?

Я думаю, что большинство людей на Западе согласятся со мною, что внутренние перемены в Советском Союзе — это дело самих советских людей. Что бы я хотел видеть, так это то, что две различные системы, два правительства, следующие разной политической философии, могут жить в этом мире в согласии друг с другом. Я никогда не боялся мирного соревнования с Советским Союзом. При малейшей возможности я старался сотрудничать с советскими руководителями, например, в разработке соглашения ОСВ-2. Я всегда стремился избежать конфликта, но никогда не пытался вмешаться во внутренние дела Советского Союза, чтобы свергнуть существующую там форму правления и заменить ее другой, мне более приятной.

Считаете ли вы, что правозащитное движение в СССР сыграло важную роль, в частности, оказало влияние на движение за права человека во всем мире?

Да, очень важную. Все отдают себе отчет в том, что когда такие люди, как Сахаров, Орлов, Щаранский, Боннэр и другие посвящают себя делу защиты прав человека, они навлекают на себя жестокие репрессии, рискуют своей свободой, а иногда и жизнью. Их жертвенное поведение несомненно служит вдохновляющим примером для борцов за права человека во всем мире.

Думаете ли вы, что есть сходство между движением за гражданские права в США и правозащитным движением в Советском Союзе?

Да, безусловно. Они очень близки. Когда Мартин Лютер Кинг и его соратники боролись за равноправие цветного населения, они то и дело попадали в тюрьму. Это напоминает то, что сейчас происходит в других странах. Конечно, это неточная параллель, каждая страна, каждое общество имеет свои особенности. Мартин Лютер Кинг старался в первую очередь привлечь к делу черного населения внимание американских судов,

Конгресса и общественности. Правозащитники в Советском Союзе стремятся привлечь к своему делу внимание внешнего мира, чтобы добиться изменений в политике Советского Союза в области прав человека или, по меньшей мере, защитить свою собственную жизнь и свободу.

Считаете ли вы, что вопрос о правах человека в США в основном решен, или в этой области все еще существуют трудности?

И в нашей стране, и во всем мире все еще существуют проблемы в области прав человека. Администрация Р.Рейгана, по моему мнению, недооценивает приверженность американского народа делу прав человека. Наиболее ярко это было продемонстрировано совсем недавно, в связи с проблемой апартеида в Южной Африке. Члены Конгресса, и демократы, и республиканцы, проголосовали за отмену вето, наложенного Президентом Рейганом на резолюцию о санкциях против ЮАР. Конгресс сделал это с полного одобрения американского народа. Это показывает, что Конгресс, выражающий чувства американского народа, может оказать воздействие — по крайней мере до некоторой степени — на политику администрации Рейгана в области прав человека.

Разделяете ли вы высказанный некогда Президентом Рейганом взгляд на Советский Союз как на "империю зла"? Считаете ли вы, что коммунизм или, говоря более широко, марксизм, имеет свой *raison d'être*?

Я считаю, что это серьезная ошибка со стороны кого бы то ни было — утверждать, что американцы — "дети Бога", а народ Советского Союза принадлежит к царству Зла. Это прямо противоречит моим религиозным убеждениям. Я думаю, что советские люди перед лицом Бога столь же...

Простите, речь, конечно же, идет не о народе, а о руководстве.

Ах, о руководстве! Очевидно, мы с ними сильно расходимся в нашей политической философии. Я верю в плюралистическое общество, такое, которое существует в нашей стране, где есть полная свобода передвижения, свобода выбора занятий, нет проблемы воссоединения семей и т. п. Я бы никогда не согласился жить при советской тоталитарной системе, при однопартийном коммунистическом режиме. Но и в нашей стране есть свои проблемы: у нас высокий уровень безработицы, многие люди не имеют своего дома, отсутствует равенство в распределении общественного богатства и возможностей, несмотря на то что по закону оно гарантировано. В коммунистическом государстве существует более равномерное распределение богатства, сколь бы мало оно ни было. Так что и то, и другое общество имеет свои преимущества, но в целом, конечно, лично я решительно предпочитаю американскую систему правления. Разумеется, мне бы хотелось быть свидетелем того, что в Советском Союзе произошли существенные изменения, чтобы там прекратились преследования политической оппозиции, появилось больше свободы, включая свободу слова, свободу передвижения, свободу выбора занятий. Мне бы хотелось также, чтобы каждая семья в Советском Союзе могла получать за свой труд больше, чем она имеет сейчас, но об этом должны позаботиться сами советские люди.

Как вы оцениваете события, происходящие сейчас в СССР? Могут ли они привести к положительным изменениям в советском обществе?

Да, такая возможность есть. Я нахожу, что Генеральный секретарь Горбачев, с которым я лично не знаком, уже доказал, что он очень сильный, очень эффективный, стре-

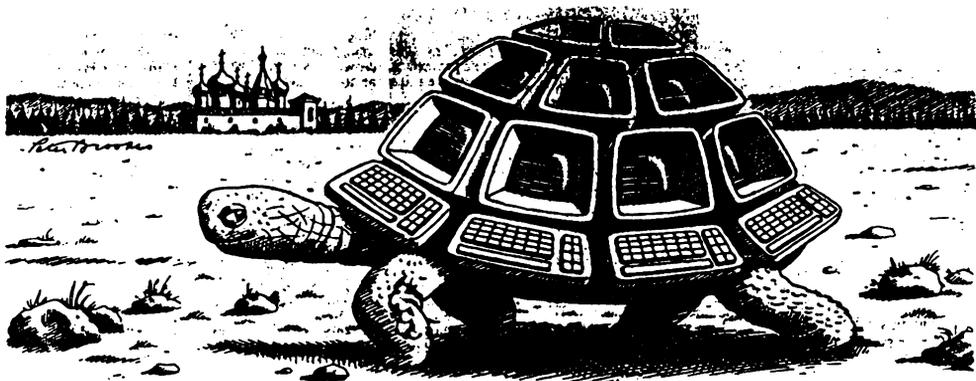
мящийся к новому лидер. Он чувствует себя непринужденно с западными лидерами и перед западными средствами массовой информации. Я считаю его превосходным пропагандистом — я употребляю этот термин не в уничижительном смысле. Думаю, что он крайне чувствителен к мировому общественному мнению. Некоторые из предложений, которые он сделал в области контроля над вооружениями, мне очень нравятся: мораторий на ядерные испытания, запрет размещения разрушительного оружия в космосе, строгое соблюдение существующих соглашений относительно контроля над вооружениями. Вероятно, он предложил все это, идя навстречу мировому общественному мнению, но я не вижу в этом ничего плохого. Неважно, каковы были мотивы, важен результат. Я не знаю, какие изменения могут быть произведены в Советском Союзе в области экономики. Я внимательно наблюдал за тем, что происходит в Китае. Китайское сельскохозяйственное производство и производство других товаров быстро увеличивается, быстро улучшается качество продукции. И все это в результате введения системы свободного предпринимательства. Отдельные семьи могут производить товары по своей личной инициативе, возможно, в соревновании со своими соседями. Это привело к гораздо лучшему использованию земли, производство хлопка, например, возросло втрое. Не знаю, возможно ли нечто подобное в Советском Союзе, но некоторое небольшое движение в этом направлении я наблюдаю. Надеюсь, что при наличии такого сильного, уверенного и эффективного руководителя, каким выглядит Горбачев, в Советском Союзе окажутся возможными благотворные изменения. Во всяком случае, они более вероятны, чем при его предшественниках, которые были крайне нерешительны и неспособны ни к чему новому.

Ваш прогноз весьма благоприятен. А вы не боитесь еще раз получить нечто вроде того шока, который вы испытали, когда советские войска вторглись в Афганистан? Помните, вы тогда заявили, что чувствуете себя обманутым.

Я бы очень не хотел, чтобы такое случилось еще раз. Что касается Афганистана, это было прямым нарушением международного права. Надеюсь, что Горбачев понимает, что для Советского Союза лучше вывести оттуда свои войска. Не знаю, сумеет ли он сделать это без потери лица, но было бы поистине замечательным достижением, если бы Советский Союз прекратил оккупацию Афганистана, прекратил кровопролитие, дал афганскому народу возможность свободно избрать свое руководство. Произойдет это или нет — не знаю. Пока же я рассматриваю Афганистан как своего рода советский Вьетнам. Советское руководство по-настоящему увязло там, как в трясине. Страдает авторитет Советского Союза в глазах мирового общественного мнения, страдает афганское население от зверств, творимых советскими солдатами, страдают и сами эти солдаты.

Несколько дней назад в тюрьме умер выдающийся советский правозащитник Анатолий Марченко. И сейчас еще в Советском Союзе многие борцы за права человека томятся в лагерях и тюрьмах. Что бы вы хотели передать этим людям?

Я хочу сказать им: не теряйте надежды, не уступайте давлению. Не забывайте, что у вас много друзей во всем мире, которые всем сердцем разделяют с вами ваши страдания — пусть не столь жертвенным образом, как вы сами. У вас повсюду есть братья и сестры. Они никогда не забудут самоотверженности советских политзаключенных и не дадут миру забыть о том деле, за которое они борются. ●

Алекс БИМ (США)

ПУТЬ В КОМПЬЮТЕРНЫЙ ВЕК

Техника всегда была ахиллесовой пятой Советского Союза. Хотя в советских научных институтах изобилие талантливых ученых, их открытия редко находят себе применение. В таких областях, как металлургия, медицина и космос, у советских ученых на счету много крупных открытий, которые внутри страны никак не используются.

Основная причина, по которой советские технические новшества не выходят за пределы лабораторий, состоит в том, что система централизованного планирования не дает изобретателю никаких стимулов добиваться выпуска своего продукта на рынок, не побуждает заводы модернизировать производство. Техническая отсталость питает сама себя. Некоторые американские компании переводят советские математические журналы и ищут там идеи для своих компьютерных программ, но ни одной компании не придет в голову покупать советский компьютер. "Мозги у нас не хуже, чем у них, — говорит один советский математик. — Просто у нас нет оборудования, с которым можно работать".

В то время, как на заводах, оснащенных западной техникой (купленной или украденной), производятся новейшие ракеты, советская промышленность не способна изготовить высококачественные шариковые ручки или электродревоты. Более половины советских заводов до сих пор оборудованы станками времен стремительной сталинской индустриализации 30-х годов. Даже на современных заводах автоматизация — редкость.

Техническое отставание — это не только пятно на репутации Советского Союза как сверхдержавы. Это еще и угроза национальной безопасности. Предпринятая по инициативе президента Рейгана разработка оборонной программы СОИ (получившей не очень точное название "Звездных войн") представляет собой вызов, на который Советский Союз вынужден будет как-то ответить — или же ему придется оставить за противником территорию космической обороны.

С момента своего прихода к власти М.Горбачев стал призывать к "технической реконструкции" советской экономики в широких масштабах. Во время своих тщательно инсценированных поездок в Ленинград и в Киев он демонстративно

посетил конвейер сборки электронных приборов и завод, где автоматизирован процесс производства тракторов. Стоя перед доской, исписанной сложными уравнениями, он обратился с вдохновляющей речью к студентам политехнического института. По словам Джерри Ф.Хоу, советолога из Дьюкского университета, "на языке у него — техника, техника, техника".

Краеугольный камень технологической программы Горбачева — это план компьютеризации экономики, который давно уже надо было разработать и осуществить. В Советском Союзе сейчас около 30 тысяч компьютеров и миникомпьютеров, в то время как в Соединенных Штатах — 620 тысяч. Более половины советских компьютеров — это копии вышедших из употребления американских моделей фирм IBM. Советские миникомпьютеры сделаны по образцу модели компании Digital Equipment, а недавно появившийся персональный компьютер — плохая копия американского Apple-1 почти 10-летней давности. Советские компьютеры не только устарели, но и очень ненадежны. Советскими микропроцессорами пользоваться можно, но их магнитная память весьма несовершенна. Советскому Союзу приходится импортировать компьютерные диски с памятью из ГДР и даже из технически отсталой Болгарии.

И тем не менее фундамент, на котором Горбачев собирается строить свою техническую политику, существует. Хотя у СССР и нет соответствующей техники, советские экономисты уже давно предлагают использовать компьютеры для разработки моделей плановой экономики. Благодаря тому, что в средней школе делается упор на точные науки, талантливых математиков в Советском Союзе, вероятно, больше, чем в какой бы то ни было другой стране. Их знания находят себе некоторое применение в разработке компьютеров и в создании компьютерных программ. В больших городах на компьютер уже переведены такие области обслуживания, как выписывание счетов за электричество, газ и телефон, ведение счетов в сберкассах и частично — оформление билетов на поезда и самолеты.

Но на пути к дальнейшей компьютеризации — множество препятствий, в том числе и не слишком благосклонное отношение к компьютерам со стороны директоров советских предприятий. Директора, привыкшие приукрашивать результаты выполнения плана, не хотят отказываться от личного контроля над процессом учета. Директор вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР А.С.Алексеев признает, что высокопоставленное начальство лишь недавно открыло для себя значение компьютеров: "В недалеком прошлом эти люди спрашивали, эффективно ли вообще использовать компьютеры в экономике".

Первым шагом к всеобщей компьютеризации было сделанное в 1984 г. заявление, что к 1990 году в советских школах будет установлен миллион компьютеров. С тех пор эту цифру в прессе снизили вдвое. Практически же еще нет ни одного школьного компьютера советского изготовления, который был бы пригоден для массового производства. Пока что Советский Союз закупил 10 000 японских персональных компьютеров Yamaha и собирается использовать их в качестве показательных моделей. Государство также призывает заводы и институты в свободные часы давать школьникам доступ к своим компьютерным центрам.

Создатель компьютерной учебной программы советский ученый Андрей Ершов признает ее недостатки, но утверждает, что ее осуществление повлечет за собой широкое использование малых компьютеров в различных областях. "Мы надеемся, — заявляет Ершов, — что использование компьютеров для обучения возбудит всеобщий аппетит к технике".

Многие западные эксперты, однако, сомневаются, что программа, спущенная "сверху", когда-либо приведет в СССР к расцвету компьютерной техники, подобному тому, который в Америке был создан механизмом капиталистического рынка. "Таким способом они добьются лишь того, что в области техники разрыв будет только расширяться", — говорит профессор Массачусетского технологического института Лорен Р.Грэм. Грэм также считает, что персональные компьюте-

ры никогда не найдут себе широкого применения в Советском Союзе, поскольку с точки зрения властей они представляют собой "угрозу государственной безопасности". Персональный компьютер с печатной машиной — это потенциальный инструмент для распространения диссидентской литературы и прочей неофициальной информации. Не случайно фотокопировальные машины и другая множительная аппаратура в советских учреждениях находятся под замком.

Ершов признает, что для того, чтобы широко ввести персональные компьютеры в Советском Союзе, "некоторые установления и правила, возможно, придется изменить". Но еще более насущный вопрос — где эти компьютеры достать. Производство первого советского персонального компьютера ограничено, и в широкое потребление этот компьютер не попадает: стоит он несколько тысяч рублей, и к нему требуются импортные диски. Второй компьютер, под названием "Тимур", так и не вышел за пределы лабораторий. Немногие средние школы, оснащенные компьютерами советского изготовления, используют аппараты "Электроника-60", но для них не налажено массового производства клавиатуры и запасных частей.

С тех пор как впервые было объявлено о советской школьной компьютерной программе, Москву посетил целый ряд руководящих западных администраторов из компаний Apple, Commodore, Sinclair и других. Но если не считать контракта с Yamaha, Советский Союз еще ничего не закупил. Мало кто из наблюдателей верит, что Советский Союз станет тратить драгоценную иностранную валюту, чтобы поддерживать школьные программы. Персональные компьютеры в советских учреждениях пока остаются далекой мечтой. "Что им на самом деле нужно, так это приток нашей техники, — говорит один западный бизнесмен. — Они хотят, чтобы мы приехали и построили им завод для производства персональных компьютеров". Но если не наступит потепление в советско-американских отношениях, компьютерные заводы, построенные Западом, останутся лишь в воображении советских плановиков.

Максин ПОЛЛАК (Мюнхен)
Росс Аллан СТЕПЛТОН (Тусон, США)

КАК ИДЕТ "КОМПЬЮТЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" В СССР

Президент (теперь уже бывший) АН СССР Анатолий Александров однажды заявил, что борьба за компьютерное образование сегодня так же важна, как борьба с неграмотностью, которая велась в стране в первые годы после революции. Речь идет о том, чтобы к концу этого года добиться всеобщей компьютерной грамотности среди выпускников средних школ Советского Союза. Реальна ли эта цель? В 64 тысячах школ СССР учится более 8 миллионов девятиклассников и десятиклассников. На всю эту армию в 1985—86 учебном году приходилась всего лишь тысяча компьютеров. Советская печать обрушивается на педагогов за неумение выбрать стандартную компьютерную модель, пригодную для обучения; газеты пишут об отсутствии подходящих учебных руководств. Но проблема значительно глубже. По сути компьютерная грамотность рассматривается в СССР лишь как нечто сугубо прикладное: обучать работе на компьютере собираются для того, чтобы сегодняшние школьники смогли затем занять в заводском цехе или административном корпусе свое рабочее место рядом с аппаратом. Ни о каком общем образовании, расширяющем кругозор молодого человека, речи не идет.

Но если даже эта программа окажется реальной, она вряд ли устранит те препятствия в использовании компьютеров, которые вызваны жестким планированием, а также стремлением советской системы добиваться сиюминутных результатов вместо успехов серьезных и долгосрочных. Приходится очень долго убеждать директоров предприятий внедрить у себя компьютер. Как правило, они заинтересованы лишь в достижении немедленных производственных целей. Им нет дела до того, как будет работать их завод через 10—15 лет. Они рассматривают компьютеризацию как нежелательное вторжение в нормальный, каждодневный производственный процесс.

Таким образом, даже появление самых современных компьютеров едва ли сколько-нибудь изменит производственную обстановку в Советском Союзе, если не считать военной промышленности. Европейские эксперты полагают, что Советский Союз на целое десятилетие отстает от Запада, как в технологии производства компьютеров, так и в их использовании. Термин "персональный компьютер", давно уже известный в Европе и Америке, только недавно появился в СССР. В советском варианте слово это, впрочем, означает лишь то, что аппарат, принадлежащий государственному предприятию, будет стоять на рабочем месте сотрудника. Советский инженер или администратор не может даже помыслить о том, чтобы оказаться владельцем хотя бы самого простейшего микрокомпьютера.

Некоторые обозреватели считают такое положение неслучайным. Советское руководство воспринимает "индивидуальное" пользование компьютером как угрозу своей безопасности. По той же причине под запретом находится копировальная аппаратура, которая доступна лишь немногим сотрудникам, владеющим специальным допуском. Компьютерная революция невозможна в условиях политической системы, подавляющей инициативу личности и воспринимающей свободную инициативу как что-то нежелательное и даже опасное.

Это препятствие, так сказать, политическое, но у компьютерной революции в СССР есть серьезные препятствия и технического порядка. Советский Союз по своему техническому уровню пока не в состоянии производить аппаратуру, которая по качеству могла бы соперничать с западной.

Первое поколение компьютеров, которые в какой-то степени были подобны их прототипам, созданным в США и Великобритании, появились в Советском Союзе в 60-х годах. Но скорость, с которой советские ученые и инженеры совершенствовали свое детище, не шла ни в какое сравнение с тем, что происходило в Европе и Америке.

Страны восточного блока, объединенные в СЭВ, разработали в последние годы две программы производства компьютеров: ЕС (Единая Система), рассчитанная на компьютерную продукцию СССР и его союзников, и СМ (Система Малых), которая охватывает микрокомпьютеры, выпускаемые странами Восточной Европы (Румыния — единственная страна СЭВ, которая отказалась от участия в разработке этих двух программ). Примерно третья часть советских компьютеров является точной копией аппаратов американской фирмы IBM. В начале 70-х гг. советские инженеры создали компьютеры серии РЯД-I, скопировав их с образцов фирмы IBM, известных под названием System-360. Затем последовали компьютеры серии РЯД-II, основанные опять-таки на прототипе фирмы IBM System-370. Компьютеры типа РЯД-III были внедрены в производство еще в 1976 г., но первые промышленные образцы начали появляться только недавно и о них мало что известно.

В общем программу ЕС можно рассматривать как относительный успех стран СЭВ. Тем не менее построенные в этих странах компьютеры далеко не являются новинкой. Это копии хорошо известной на Западе продукции, которая в США, например, дано уже заменена на более совершенную. Кроме того, компьютеры ЕС значительно менее надежны в эксплуатации, чем их оригиналы, произведенные на предприятиях фирмы IBM.

Советская программа СМ, которая началась с четырех моделей миникомпьютеров, тоже базировалась на уже известных на Западе прототипах, в частности на компьютерах типа DEC Hewelett-Packard. Страны СЭВ выпустили также ряд компьютеров помимо программ ЕС и СМ. Так в СССР была скопирована американская модель APPLE-II, которая носит в Советском Союзе название АГАТ, а также некоторые другие аппараты.

Производство микро- или миникомпьютеров в разных странах СЭВ скоординировано между собой довольно плохо. Возможно, что со временем СЭВ удастся преодолеть этот недостаток. Не исключено также, то будущие советские микрокомпьютеры смогут стать частью программы СМ. Впрочем, делу сильно мешает внутриведомственная конкуренция и неразбериха. Микрокомпьютеры, которые вероятно будут использованы в учебных и научных заведениях, выпускаются предприятиями советского министерства радиопромышленности. Это же министерство наблюдает за программой ЕС. В то же время программа СМ контролируется министерством приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Это разделение чрезвычайно усложняет работу исследователей и инженеров.

Хотя программы ЕС и СМ считаются многонациональными, главную роль в координировании производства и конструировании компьютеров играет, разумеется, Советский Союз. Каждый из членов СЭВ имеет свою область специализации в производстве деталей и блоков компьютеров. Единственной страной среди государств — членов СЭВ, которая производит системы математического обеспечения, имеющие сбыт на Западе, является Венгрия. Самым удачным ее продуктом была система M-PROLOG, которая является вариантом разработанного на Западе языка PROLOG, используемого для работ по созданию искусственного интеллекта. M-PROLOG был продан Франции, ФРГ, Канаде и Японии. В настоящее время венгры в сотрудничестве с западногерманской фирмой работают над компонентами новой программно-инженерной системы SOFTORG.

Наиболее болезненное место советской компьютерной промышленности — разрыв между разработкой новейшей аппаратуры и ее внедрением в практику. Этому в значительной степени мешает ведомственная неразбериха. Кроме того, Советский Союз и страны Восточной Европы сильно отстают в производстве электронных деталей, от которых в значительной степени зависит производство компьютеров. Снабжение гражданской промышленности СССР высококачественными деталями недостаточно, ибо предпочтение отдается, как правило, промышленности военной. Гражданская промышленность снабжается объедками. Главное, что тормозит технические нововведения в СССР, это отсутствие конкуренции и обратной связи между промышленностью и потребителем.

Как уже говорилось, все микропроцессоры, производимые странами СЭВ (Чехословакия, ГДР), являются копиями западных. Похоже, что в делах высокой технологии страны советского блока более ориентируются на опыт Запада, нежели на потребности своего собственного внутреннего рынка. Возможно, что восточноевропейские страны совместно с Советским Союзом сделают попытку в ближайшее время увеличить выпуск компьютеров, но их слабым местом останется программное математическое обеспечение. Оно полностью скопировано с западных образцов. Сделано это настолько нетворчески, что даже программирование и ввод информации приходится производить по-английски.

Наблюдатели полагают, что производство компьютерного оборудования и программного обеспечения в странах СЭВ зависит от того, насколько эти страны получат доступ к сложной западной технологии. В прошлом поставки такого рода технологии с Запада на Восток сдерживались не только торговым эмбарго, но также ограниченной покупательной способностью стран СЭВ. Теперь ситуация как будто несколько меняется и масштабы закупок западной технологии странами СЭВ растут. Кроме того, эти страны придают все большее и большее значение приобретению самой современной техники.

В настоящее время импорт с Запада в страны СЭВ покрывает только 55—60% потребности в материалах, необходимых для производства сложной электроники.

Для возникновения творческих стимулов и появления интересных новшеств в области компьютеростроения нужны радикальные экономические и политические реформы в странах этого региона. Похоже, что такого рода реформы еще не созрели. Есть все основания считать, что Восток еще долго будет оставаться по отношению к электронной индустрии Запада в положении просителя.

Стюарт ГАННЕС (США)

КОМПЬЮТЕР В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА

Несмотря на значительное продвижение вперед в попытках сравняться в области технологии с Западом, СССР грозит все большее отставание в той жизненно важной области, где даже одно крупное открытие может означать драматический сдвиг в равновесии военных сил. Эта область — микроэлектроника и все, что с нею связано. Запад — в особенности США — преуспевает в микроэлектронике, а Советский Союз плетется позади. Он бросает в военную промышленность большую долю своих ресурсов, чем Соединенные Штаты, и тем не менее советское руководство с ужасом начинает понимать, что для того, чтобы сравняться с Западом в использовании микроэлектроники в новых поколениях высокотехнического оружия и военно-стратегических компьютеров, нужны затраты неизмеримо большие.

Революция в оборонной микроэлектронике бросает СССР вызов как раз в тот момент, когда советская сторона, можно сказать, достигла равенства с Западом в традиционных видах вооружений. "Перспектива технической революции, которая заставила бы их пересмотреть структуру своих вооруженных сил, всегда была кошмаром для русских, — говорит Артур Александер, специалист по военной технике из Rand Corporation. — И вдруг, как гром с ясного неба, сегодня микроэлектроника заставляет их пересмотреть все, чего они с таким трудом добились. Двадцатипятилетний вклад в военную технику вот-вот может устареть". Так, например, "умные" ракеты, способные разыскивать и уничтожать цель, могут свести на нет численное превосходство в танках, на котором построена советская стратегия в Европе. Большинство западных военных специалистов полагают, что Советский Союз попытается как-то ответить на микроэлектронное наступление Соединенных Штатов, во сколько бы это ни обошлось советской экономике. Возможная его тактика будет состоять в том, чтобы делать упор на виды техники, которым на Западе уделяется второстепенное значение.

С конца Второй мировой войны тон в военной исследовательской работе задавал Запад. Соединенные Штаты первыми взорвали атомную бомбу и создали ракеты с несколькими боеголовками. С тех пор Советский Союз несколько раз сокращал разрыв между своей и западной техникой. Большинство западных специалистов по обороне сходятся на том, что советское стратегическое оружие по мощности и точности, в общем, не уступает западному. В нескольких важных областях обычных вооружений — таких, как ракеты "земля-воздух" и танки — ни та, ни другая сторона не имеет технического превосходства.

Несмотря на то, что Советский Союз вложил колоссальные средства в исследование и производство вооружений, в большинстве областей США остаются впереди. В СССР эта работа ведется в сотнях научно-исследовательских институтов и примерно в 50 крупных конструкторских бюро. В секторе обороны работает по

меньшей мере 60% квалифицированных советских инженеров и ученых. Американские же ученые и инженеры отдают исследованиям в военной области от 25 до 30% своего общего времени.

Советский вклад дает себя знать в нескольких очень важных областях военной техники. Специалисты высоко оценивают советские исследования по криогенике (науке об охлаждающих смесях), взрывчатым веществам, океанографии, физике высоких давлений и управляемому ядерному синтезу. Начиная с конца 60-х гг. Советский Союз более интенсивно, чем Соединенные Штаты, работает над проблемой лазеров высокой энергии, необходимых для уничтожения ракет. Догоняет он Запад и по шести из двадцати основных видов техники, которые Пентагон считает в военном отношении наиболее важными. "Они уже двадцать лет осуществляют интенсивную программу изучения и разработки оружия, и это начинает давать плоды", — говорит полковник Дон Фенг, который занимается для Пентагона сравнением американской и советской техники.

Но все эти достижения второстепенны по сравнению с микроэлектроникой и компьютерами. Через сорок лет после начала ядерной эры гонка вооружений определенно переходит на компьютерную основу. Хотя многие политики и военные относятся критически и к стоимости, и к надежности высокотехнического оружия, американские и западноевропейские производители оружия всерьез занялись микроэлектроникой. Высокоусовершенствованная компьютерная техника проникла во все виды военного снаряжения. В 1960 г., когда шла работа над тогдашним самым популярным американским истребителем *Fantom F-4*, примерно 2% исследований приходилось на компьютерные программы. Десятью годами позже компьютерами выполнялось уже 26% работы над истребителем *F-15*, приемником *F-4*. Для новейшего морского истребителя *F-18* соответствующая цифра дошла до 43%.

Лет 15 назад сложная электронная схема была слишком ненадежной и слишком громоздкой, чтобы ее можно было вмонтировать в подвижное оружие. Сегодня развитие микропроцессоров позволяет дать электронные глаза и уши новому поколению танков, кораблей, торпед, ракет и самолетов. Микроэлектроника находит себе применение и для интерпретации данных от инфракрасных, радарных, лазерных и сонарных установок, и в сетях связи, с помощью которых можно координировать атаку.

Новая техника, когда она будет усовершенствована, даст возможность опознавать, брать на прицел и атаковать вражеские силы, находящиеся далеко за пределами радиуса действия традиционных видов оружия. Эта ситуация представляет собой опасность для советских вооруженных сил, которые, чтобы компенсировать техническое превосходство Запада, полагаются на свое численное преимущество и вкладывают в него значительные средства. Большая часть советских сухопутных войск в Европе (чье соотношение с войсками НАТО — примерно 2,8 млн. к 2,3 млн.) стоит далеко за восточногерманской границей. Если начнется война, то, по мнению экспертов, эти войска могут не устоять перед американским высокотехническим глубинным ударом, который сильно сократит их ряды еще до того, как они выйдут на поле боя.

В состязании за превосходство в воздухе перевес тоже на стороне американцев. Новые компьютерные радарные установки способны обнаруживать и брать на прицел вражеские истребители вдвое быстрее, чем советские. Таким образом, советские самолеты могут подвергнуться атаке, на которую не успеют отреагировать. В случае морского сражения советские перспективы также весьма плачевны. "Советский надводный флот сможет продержаться не более 24-х часов, — утверждает Энтони Престон, сотрудник английского журнала *Jane's Defence Weekly* специалист по советским вооруженным силам. — Их суда будут взяты на прицел и поражены с такого расстояния, на котором они не смогут ответить. От них попросту ничего не останется".

Компьютеры — это также ключ к технике уничтожения подводных лодок. Как известно, на неуязвимости подлодок, несущих ядерные ракеты, держится вся стратегия ядерного устрашения. Если одна из сторон сделает скачок вперед в технике обнаружения подлодок, это может в корне изменить соотношение сил. В настоящее время такие фирмы, как IBM и Raytheon по контракту с американским флотом разрабатывают сложную компьютерную технику, способную опознавать звуки вражеских подводных лодок на очень большом расстоянии. Это потребует весьма быстродействующих компьютеров, чтобы отсеивать шумы волн, морских животных, коммерческих судов, полярного льда и т. д. В Соединенных Штатах системы сортировки сигналов уже сейчас развиты лучше, чем в Советском Союзе; кроме того, американские подлодки движутся менее шумно, чем советские.

Система СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), разрабатываемая сейчас в США и вызывающая столько споров, тоже не может существовать без микроэлектроники. "Сколько бы ни было разговоров о лазерах и т. п., настоящая революция сейчас происходит путем совершенствования датчиков, анализаторов и компьютеров, управляющих ходом боевых действий, — говорит Стивен Мейер, специалист по советской оборонной политике в Центре международных исследований при Массачусетском технологическом институте. — Американцы здесь впереди, и русским это известно".

Советский Союз явно начинает отдавать себе в этом отчет. Первым забил тревогу маршал Н.Огарков еще в начале 1984 г., сказав в интервью газете "Красная звезда", что целый ряд нововведений в западной технике дает возможность увеличить разрушительный потенциал обычного оружия по меньшей мере в десять раз. Вслед за этим М.Горбачев заявил, что "микроэлектроника, компьютерная техника, приборостроение и вся информационно-научная промышленность требуют ускоренного развития". Политбюро ЦК КПСС одобрило государственную программу развития производства и эффективного использования компьютерного оборудования и автоматических систем. Чтобы стимулировать исследовательскую работу, правительство намеревается ввести такие меры финансового поощрения, как увеличение зарплат и премии за повышение производительности труда.

Некоторые эксперты придерживаются мнения, что, пытаясь прыгнуть дальше Запада, Советский Союз делает рискованную ставку на пока еще экспериментальные отрасли техники. Например, некоторые западные специалисты считают, что московские и киевские научно-исследовательские институты принадлежат к числу ведущих в области разработки оптических схем, которые когда-нибудь, возможно, заменят в компьютерах электронные схемы.

"Русские так сильно отстали в современной компьютерной технике, что пытаются сразу перепрыгнуть в следующее поколение", — говорит один французский эксперт. В США в рамках исследований СОИ также разрабатывается оптическая компьютерная программа, но такого упора, как в Советском Союзе, на нее не делается.

То, что Советский Союз отстает в оборонной технике, в значительной степени является результатом его экономической системы. Соединенные Штаты и их союзники пожинают плоды коммерческого развития микроэлектроники и компьютеров в гражданской промышленности. Существует и обратная связь: например, полупроводниковые кристаллы с интегральной схемой (chips), разработанные для вооруженных сил компаний Honeywell, теперь используются в системах автомобильного зажигания, аппаратах для измерения кровяного давления и термостатах. "У нас в Америке, — не без гордости замечает Джордж Мехлин, вице-президент компании Westinghaus, — есть весьма основательный слой людей, разбирающихся в микроэлектронной технике. Некоторые применяют эти знания в коммерческом секторе, некоторые — в военном, а некоторые — и там, и там. С технической точки зрения разница очень невелика".

В Советском Союзе подобных ресурсов нет. Советская компьютерная промышленность, как признает ее же собственное руководство, безнадежно отстала от

западной. В этой отрасли царит хаос, постоянно поступают жалобы на качество и надежность компьютеров. Но наиболее показательный признак кризиса советской микроэлектронной и компьютерной промышленности — это то, в каком количестве советским вооруженным силам приходится покупать или красть западную технику и аппаратуру. "Каждый год они приобретают кучу техники, — говорит С.Гудмен, профессор Аризонского университета и ведущий специалист по советской компьютерной промышленности. — Но сейчас оказывается, что им приходится увеличить свои приобретения только для того, чтобы приостановить темп отставания".

Советские специалисты и сами этого не отрицают. В июне 1985 г. президент Академии Наук СССР А.Александров заявил в интервью газете "Известия": "Парадокс состоит в том, что слепое копирование иностранной научной или технической идеи иногда как раз и приводит к отставанию. Привычка делать закупки за границей иногда сопровождается ослаблением наших собственных усилий". Кроме того, копируя уже существующую западную аппаратуру, Советский Союз обрекает себя на использование уже устаревающей техники.

Задача Советского Союза тем труднее, что американские вооруженные силы не жалеют денег на то, чтобы сохранить свое превосходство в высокотехническом оружии. В 1985 г. американское министерство обороны истратило почти девять миллиардов долларов на научно-технические исследования. Из этих денег примерно 194 миллиона долларов пошло на проект развития сверхскоростной интегрированной цепи (VHSIC), цель которого — к 1990 г. увеличить в сто раз скорость и эффективность работы силиконовых компьютерных "чипсов". Нынешние усовершенствованные микропроцессоры, как правило, вмещают несколько десятков тысяч транзисторов, но в некоторых экспериментальных элементах VHSIC уже сейчас вмещается почти 500 тысяч. В моделировании компьютерных микродеталей Советский Союз отстал от Соединенных Штатов по крайней мере на пять лет.

К 1992 г. Пентагон намеревается использовать первое поколение микродеталей VHSIC в 37 видах оружия. Эти новые детали могут применяться в радарных установках для защиты от помех, в датчиках, наводящих ракеты, в электронно-оптических анализаторах, обнаруживающих и опознающих потенциальные мишени на поле боя. Фирмы TRW, IBM и Honeywell уже имеют контракты с правительством на разработку второго поколения еще более скоростных микродеталей.

Еще один проект Пентагона направлен на то, чтобы компьютерные программы могли составляться в десять раз быстрее, чем это делается сейчас. Создание антиракетной системы СОИ невозможно без автоматизации написания компьютерных программ. Подполковник Н.Рэдклифф, принимающий участие в разработке датчиков для СОИ, говорит: "Мы знаем, что для системы ракетной обороны нам будут нужны десятки миллионов строк запрограммированных кодов. Сейчас программист пишет примерно десять строк в день. Если собрать программистов со всей страны, нам их не хватит". Советская промышленность, производящая компьютерные программы, сильно страдает от нехватки хорошей аппаратуры; некоторым программистам не на чем писать программы.

Для разработки усовершенствованного оружия вооруженным силам необходимы и усовершенствованные компьютеры. В соответствии со стратегической компьютерной программой Пентагона полмиллиарда долларов вкладывается в пятилетний план создания сверхумных компьютеров к концу этого десятилетия. Эти новые компьютеры помогут ученым, работающим над такими экзотическими техническими проектами, как "зрячие" машины, аппараты, способные узнавать человеческую речь, и "системы-эксперты", которые с помощью программ искусственного мышления анализируют сложные ситуации. Предвидятся и еще более сложные компьютерные программы для разработки военной тактики и маневров. В 1985 г. в Соединенных Штатах был создан простой прототип так называемого автономного сухопутного движущегося аппарата, который в будущем сможет без водителя проникать на вражескую территорию и сообщать об "увиденном".

"Взять почти любое описание нового проекта, которое сейчас выпускает Пентагон — и там, в той или иной форме, идет речь об искусственном мышлении", — говорит Джордж Хейльмейер, вице-президент компании Texas Instruments. По данным, которыми располагают западные наблюдатели, у Советского Союза работа над "системами-экспертами" пока не пошла дальше зачаточного состояния. Проф. Гудмен из Аризонского Университета говорит, что и по скорости работы советские компьютеры сильно отстают от американских. В Советском Союзе построено не более чем несколько сот компьютеров, способных принять больше миллиона команд в секунду. В Соединенных Штатах таких компьютеров тысячи. В советском производстве нет ничего подобного американским сверхкомпьютерам, принимающим 100 млн. команд в секунду и даже больше.

Советское военное руководство остро осознает препятствия, мешающие соревноваться с богатым ресурсами Западом. Для того, чтобы переориентировать советскую экономику на компьютерный век, понадобятся многие годы усилий, и придется на миллиарды рублей урезать другие важные программы — например, сельскохозяйственные.

Простое численное превосходство — и такие факторы, как выучка и моральный дух — по-прежнему могут быть незаменимы в конкретной боевой ситуации. Но техника оказывает решающее влияние на современную военную мощь. В 30-е годы — например, во время гражданской войны в Испании и немецкого "блицкрига" против Польши — механизированные части сыграли чрезвычайно важную роль. С Хиросимой человечество вступило в ядерный век. Теперь на первом плане — микронэлектроника, и советское военное руководство не может закрывать глаза на действительность гонки высокотехнического вооружения. ●

ПАТЕНТНОЕ БЕСПРАВИЕ

Пусть погибнет мир, но восторжествует закон.

Римская пословица

Закон, что дышло, куда поворотил, туда и вышло.

Русская поговорка

Боюсь, что только профессионал сразу поймет скрытый смысл названия этой статьи. Поэтому тут же объясню, что придумал его в противовес привычному термину "Патентное право", коим во всех странах обозначают как свод законов, защищающих интеллектуальную и промышленную собственность изобретателей, так и сложившуюся в государстве практику работы в этой области.

Термином "Патентное и изобретательское право" пользуются и в СССР, хотя название этой статьи более отвечает тому, что происходит в этой области советской юриспруденции. В 60-е и 70-е годы мы пережили периоды возрождения и вырождения этой важнейшей области правоведения, регулирующей как отношения изобретателей с государством, так и в значительной мере техникой и научный прогресс страны. Как и все, что начиналось в Советском Союзе "за здравие", патентное и изобретательское право очень быстро было низведено до уровня "за упокой".

Впервые идея патента на изобретение появилась в период промышленной революции в Англии в VII веке. Тогда патенты на изобретение выдавались королем, хотя выдача документа, подтверждающего права изобретателя, была скорее королевской милостью, нежели обязанностью государства. Но европейцам и американцам с самого начала промышленной революции было ясно, что изобретения нужно охранять от краж, а труд изобретателя должным образом оплачивать.

Кража изобретений — явление не новое. Большинство даже великих открытий в области техники в конечном счете просты для понимания и реализации. Их трудно придумать, но легко скопировать. Это относится и к паровой машине, и к телефону, телеграфу или фонографу. И если бы государства не защищали права изобретателей, то профессия эта явно утратила бы для многих свою привлека-

тельность. Конечно, изобретателя побуждает к творчеству не только надежда на заработок, но и "удовольствия от трудов своих", как было написано в "привилегии" (так назывались в XVIII в. патенты, выдаваемые в Российской империи), полученной Михайлой Ломоносовым на способ изготовления цветного стекла. Но что ни говори, а прибыль является основным двигателем почти любой человеческой деятельности...

Появление системы патентов преобразовало в XX веке техническое и экономическое лицо многих стран. Ряд государств создали свое экономическое благополучие, покупая изобретения в странах технически более развитых. Таковы, например, Япония и Тайвань: они тысячами скупают изобретения сделанные и запатентованные в США. Практически в Западном мире ни одно изобретение не продается и не покупается, если оно не защищено патентом той страны, куда отправляется покупка. Это не только гарантирует изобретателя и предпринимателя, который заинтересовался изобретением, от краж и недобросовестной конкуренции, но и дает предпринимателю уверенность, что его не привлекут к суду за то, что он пустил в производство "чужое" изобретение. И хотя запатентованные изобретения стоят значительно дороже, покупают в Западном мире преимущественно именно их. Риск покупки незапатентованной технологии или машины слишком велик.

Многие запатентованные изобретения в наше время становятся источником гигантских доходов для изобретателя и фирмы, которая его поддерживает. Так американская фирма Dupont потратила 12 лет и несколько миллионов долларов на разработку способа производства нейлона. Возможно, это было самое дорогое изобретение в мире. И вряд ли руководители фирмы пошли бы на такие расходы, если бы не были убеждены, что вернут затраты с лихвой. Эту уверенность давало им, в частности, и патентное право. Патентуя в США и в десятках других стран каждый новый этап, достигнутый в творчестве своих изобретателей, фирма защитила их и себя от конкуренции и промышленного шпионажа. Уже две первые проданные лицензии на производство нейлона покрыли все расходы фирмы; разумеется, не остались в накладе и изобретатели. В дальнейшем продажа этих изобретений и готовой продукции в странах, где нейлон был запатентован, принесла фирме и изобретателям фантастические прибыли. Средняя цена лицензии на производство нейлона равнялась пяти миллионам долларов.

Защищенная законом наука стала на Западе источником прямого дохода для творцов новых идей. Создатели нового в науке и технике, кроме творческих радостей и признательности современников, получают также солидные суммы, которые им выплачивают те, кто хочет их открытие или изобретение реализовать. Так на Западе. А в СССР?

В царской России патентное право находилось примерно на том же уровне, что и в других европейских странах. Однако вскоре после Октябрьской революции отечественные авторы были лишены права на исключительное использование своих изобретений. Право это перешло к государству. Изобретатель стал получать только авторское свидетельство, подтверждающее его авторство и обещающее ему весьма призрачное вознаграждение.

Таким образом, изобретатели в СССР были практически лишены материального стимула для работы. Получить вознаграждение до середины 60-х гг. практически никому не удавалось. Поди взыщи с государства свои деньги, тем более, что изобретение с твоей же помощью (попробуй откажись!) уже внедрено в производство совершенно бесплатно. О патентовании же изобретений за границей, у классового врага, с начала 30-х годов не помышляли и самые отъявленные "вредители", да и закон вскоре запретил это. Мои старшие коллеги по Всесоюзному НИИ нефтетехнических процессов рассказывали мне, что до конца 50-х гг. на изобретателя, осмелившегося не то что деньги требовать, а заявление подать на авторское свидетельство, смотрели, как на рвача и хапугу, с одной стороны, и как на сумасшедшего, рискующего жизнью, с другой.

Можно с уверенностью сказать, что к моменту смерти Сталина дело разрушения патентного и изобретательского права в СССР было окончательно завершено, да так, что и в Комитете по делам изобретений и открытий почти никого не осталось. Кто попал в лагерь и там погиб, а кто удрал из этого учреждения подобру-поздорову.

Привыкнув красть у собственных изобретателей, "первое в мире государство

рабочих и крестьян” совсем уже без зазрения совести крало у изобретателей зарубежных. Как у тех, кто имел глупость патентовать в СССР изобретения за свой счет, так и у тех, чьи изобретения были опубликованы в их собственных странах. В первом случае это прямо противоречило законам СССР, а во втором — здравому смыслу, так как зачастую обходилось гораздо дороже, чем покупка изобретения.

При полной закрытости советского государства установить факт воровства невозможно. Да если бы и было возможно, то какой советский суд будет судить родное правительство? Прецедентов, насколько я знаю, не было.

Все это длилось бы еще Бог знает сколько лет, но начавшаяся в 60-е годы “оттепель” привела к серьезным изменениям в этой области. Однако при этом Советский Союз столкнулся с совершенно новой для него проблемой. При первых же попытках продать за рубеж советскую промышленную продукцию, советское правительство вдруг оказалось перед непреодолимым и совершенно непривычным для него препятствием — перед законом. (Правда, чужим. Свой-то никогда препятствием не был и сейчас не является).

Попытка (насколько я помню, в 1959—60 гг.) продать в США большую партию автомобилей “Москвич” провалилась. Советские газеты сначала громко трубили о небывалой сделке под заголовками вроде “Москвич” завоевывает американский рынок”, но ничего не сказали о том, что “Москвичи” продать так и не удалось, и сделку пришлось с огромным убытком расторгнуть.

Эти, очевидно, самые плохие в мире автомобили оказались, как говорили в те годы, “цельностянутыми”. Все — от двигателей до дверных ручек — было защищено в США патентами. Но, увы, патенты эти принадлежали не московскому заводу, а американским фирмам. Почти все было скопировано с американских разработок. Понятное дело, продавать такие автомобили было нельзя, да и покупать тоже. Но в те годы даже в Министерстве внешней торговли не нашлось человека, хотя бы слегка знакомого с основами патентного права.

Скажу попутно, что слепое копирование никогда не приводит к добру. В патентах рассказывается далеко не все, особенно о методах повышения надежности патентуемых изделий. Такие секреты чаще всего вообще не публикуются. Очевидно, низкое качество “Москвичей” возникло вследствие того, что те, кто крал американские данные, плохо разбирались в ворованных документах и не имели доступа к секретной информации фирм.

Таков был первый урок, полученный советским государством. Однако он оказался не единственным. Патентная неграмотность привела к еще большему убытку при попытке построить в СССР с помощью чужих патентных публикаций и промышленного шпионажа крупные дизельные двигатели для больших кораблей. Несколько лет было потрачено впустую, десятки миллионов рублей были выброшены на ветер, а двигатели упорно не хотели работать как следует. В конце концов пришлось обратиться к владельцу патентов и секретов фирме Burmeister & Wein с просьбой продать лицензию на производство. Фирма продала Советскому Союзу свои технические секреты и помогла наладить производство двигателей в СССР. Снова подтвердилась старая истина, что ворованное впрок не идет.

Я снова хочу подчеркнуть, что в воспроизведении чужих изобретений, если они не запатентованы в стране, где их воспроизводят, ничего противозаконного нет. Это просто крайне невыгодно. Во-первых, с помощью владельца патента (не бесплатно, разумеется) производство можно наладить в считанные месяцы, а не тратить на него годы, притом без гарантии успеха. Во-вторых, даже если удастся воспроизвести изобретение, то к моменту его массового выпуска оно уже устаревает. В этом и состоит еще одна причина отставания советской промышленности. Годы, затраченные на копирование чужой техники, все время держат советскую технологию позади цивилизованного мира. Купить и выгоднее, и быстрее. Однако и по сей день десятки советских НИИ заняты копированием западной техники, как законным, так и противозаконным образом.

В приведенных выше примерах полной патентной безграмотности, царившей в стране в начале 60-х годов, речь идет об убытках, связанных с копированием западной техники. Не менее существенны и убытки иного рода. Те выдающиеся изобретения, которые делались в СССР и могли быть с успехом проданы в развитые страны, нигде за границей не были запатентованы и даже авторскими свидетельствами внутри страны не были защищены. Продать же изобретение в

страну, где оно не было запатентовано, почти невозможно, так как незапатентованное изобретение не защищено от недобросовестных конкурентов. Когда советское правительство в начале 60-х годов попыталось продать такую прогрессивную технологию, как выплавка стали в мартеновских печах с использованием природного газа вместо жидкого топлива, то оказалось, что эта ценная, оригинальная технология не была запатентована, и все ее секреты были изложены в открытой советской печати.

Тогда было решено перестраиваться и патентовать свои изобретения за границей. Однако выяснилось, что это не так-то просто. И не только потому, что почти никто не умел этого делать. Оказалось, что СССР не является участником международной конвенции по охране промышленной собственности. Поэтому патентовать в СССР, а, следовательно, и продавать туда новейшие достижения технологии мало кто хотел. Поди потом взыщи со страны, не имеющей никаких международных обязательств!

В результате всего этого советское правительство было вынуждено приступить к разработке новых патентных законов, создать патентные службы в исследовательских и конструкторских организациях. После долгих колебаний СССР даже подписал вышеупомянутую международную конвенцию. Новое патентное законодательство, принятое в конце 50-х годов, было значительным шагом на пути законности и охраны прав изобретателей и ученых. В новом законе было, в частности, сказано, что учреждения, внедрившие изобретение, обязаны выплачивать изобретателю вознаграждение без всяких напоминаний с его стороны. Было указано также, что развитие изобретательства есть одно из важнейших дел хозяйственной политики, и что оно может развиваться только на основе строгой законности. Даже за волокиту закон грозил строгими карами. В начале 60-х годов тысячи специалистов (ученых и инженеров) прошли курсы патентной подготовки, во всех крупных НИИ и КБ были организованы патентные отделы и группы, а при Комитете по делам изобретений организован Всесоюзный НИИ патентной экспертизы (ВНИИГПЭ) и институт патентной информации (ВНИИПИ).

Все началось очень хорошо, энергично и с размахом. Я помню, как в 1962 г. вместе со мною на курсах ВНИИГПЭ учились сотни инженеров, химиков и даже врачей. Все мы готовились посвятить себя этому интересному и необходимому стране делу.

Итак, изобретатели почувствовали, что они более не рассматриваются как рвачи и что к ним относятся с уважением. Количество заявок на авторские свидетельства, подаваемых в Комитет, стало увеличиваться чуть ли не в геометрической прогрессии, в том числе резко возросло количество заявок из-за рубежа. Началась торговля лицензиями. Но удачно начатое дело стало быстро затухать и вырождаться. Первые признаки этого появились, когда кому-то из высших руководителей в Совете Министров пришло в голову догнать Америку или хотя бы Англию по числу выданных патентов и авторских свидетельств. Заметим, что число патентов, выданных почти за 200 лет в США, подходило тогда к 3 миллионам, а в Англии — к полутора миллионам, тогда как в СССР оно не достигало и 150 тысяч.

Приказано — сделано: в числе важнейших отчетных показателей работы НИИ и КБ появились графы "количество заявок, поданных в СССР", "количество заявок, поданных за рубежом" и "количество полученных патентов и авторских свидетельств". Мало того! При получении каждого авторского свидетельства, независимо от его технической и научной ценности, автору или авторам, если их было несколько, выплачивалось вознаграждение. Само по себе оно было невелико — не более 200 рублей за каждое изобретение, но если вспомнить, что младший научный сотрудник без степени или инженер редко получает в СССР больше 120—150 рублей, то эти деньги, даже поделенные на число соавторов, были хорошей приманкой.

И началось! Люди, которые никогда в жизни ничего не изобретали, стали буквально осажать патентные отделы своих предприятий. Их подстегивало начальство, стремясь выйти в передовики по развитию изобретательства, то есть количеству поданных заявок. Ведь от этих показателей зависели теперь и суммы премий, и продвижение по службе, и заработки.

Надо пояснить, что обмануть самого квалифицированного эксперта по изобретениям очень легко, особенно в химии. Эксперт не может и не обязан проверять

сведения об эффективности предложенного метода. Этого не делают ни в одной стране. Во всем мире эксперты полагаются на изобретателя, — ведь патентуются только те изобретения, которые есть надежда реализовать или продать. Само патентование на Западе очень дорого, и нет такого сумасшедшего, который станет тратить деньги и время на патентование бессмысленных изобретений. Цель получения патента — прибыль.

Совсем другая картина сложилась в СССР. Если вам платят за бумажку, называемую авторским свидетельством, если количество этих бумажек сказывается на вашем служебном и общественном положении, и если вы к тому же нечестный человек, которому нечего делать, как только сочинять липовые изобретения, то преуспеете вы в этом деле блестяще. У нас в институте были герои, подававшие в год по десять заявок!

Настоящим изобретателям было трудно да и противно участвовать в этой вакханалии. Однако у них была надежда на получение вознаграждения за реализацию настоящих изобретений. Закон ограничивал эту сумму 20 тысячами рублей за изобретение (независимо от числа авторов). Он гарантировал также выдачу вознаграждения в зависимости от экономического эффекта, полученного при реализации. Фальшивые изобретения, разумеется, никакого эффекта не давали. Но срабатывал старый российский принцип: "Не подмажешь — не поедешь".

Изобретатель должен был добиться, чтобы была подсчитана экономия и цифры были утверждены во множестве инстанций. Лишь после этого можно было добиваться выплаты вознаграждения. На всех этих этапах изобретатель должен был делиться ожидаемой в будущем суммой: платить за расчет экономии, за ее утверждение и за выплату вознаграждения. Если он работал на заводе, то не включив в число соавторов хотя бы главного инженера, он практически лишался надежды получить причитающиеся ему деньги, так как именно главный инженер утверждал экономический эффект и план реализации изобретения, а также выплату вознаграждения автору. На 1-ом московском нефтеперерабатывающем заводе, например, директор (кстати, Герой Социалистического труда), главный инженер и начальник патентного отдела зарабатывали на этих неблагоприятных делах десятки тысяч рублей ежегодно.

Но даже честные люди, настоящие изобретатели в этих условиях вынуждены нарушать закон, заниматься махинациями. Их силой заставляют вписывать в число соавторов высоких начальников. Так, замминистра нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР В.М.Соболев за 10 лет стал соавтором более чем 70 изобретений, хотя он даже не читал подававшихся от его имени заявок. Для сравнения приведу пример моего учителя, профессора и доктора химических наук М.С.Немцова, лауреата Ленинской премии за 1967 г. За 60 лет научной и изобретательской работы он получил около 80 авторских свидетельств и патентов. Минимум половина его изобретений была реализована, и несколько продано в виде лицензий за рубеж. Профессор Немцов, таким образом, делал 1,3 изобретений в год, а замминистра Соболев — 7. Странно, почему ему не дали Ленинскую премию. Впрочем, Америку он уж точно перегнал.

Взгляните на любое свидетельство, выданное в СССР советским изобретателям. Меньше, чем 5 человек, в числе авторов изобретения найти трудно, а 10, 15 и даже 20 участников — дело обычное. Американские патенты, как правило, включают не больше трех, а чаще всего одного автора. Растет армия изобретателей в СССР, растут цифры в отчетах, хотя все знают, что это откровенная липа.

Разработка и внедрение изобретения в СССР — вещь тяжелая. Как заставить техников, лаборантов, младших научных сотрудников работать над изобретением так, чтобы оно было серьезным, глубоким, достойным реализации. За грошовую плату они делать ничего не хотят. И вот почтенный профессор или ведущий конструктор, чаще всего единственный создатель новшества, предлагает десяткам людей соавторство и обещает какие-то деньги. По закону он преступник, но знает, что преследовать его за это не будут, и он мало чем рискует. Кроме того, не выдать ему реализации своего детища, если он не совершит этого преступления. Ведь от модели до внедрения в производство технологии долгий путь, и в одиночку его не пройти.

Оставим советские изобретательские будни и посмотрим, как обходится СССР, член международной конвенции по охране помышленной собственности, с зарубежными изобретателями.

В 1968 г. ко мне, как к руководителю патентного отдела ВНИИНЕФТЕХИМ была прислана вместе с сопроводительным письмом из министерства заявка на выдачу в СССР патента американской фирме Universal Oil Products. Я должен был совместно со специалистами дать заключение о технической значимости изобретения. Меня просили также сообщить, нельзя ли как-нибудь отказать в выдаче патента, если технология стоящая (иными словами, нельзя ли изобретение по старой привычке украсть).

Изобретение было выдающимся, и страна была в нем безусловно заинтересована. Но покупать, платить валюту — к этому мы не привыкли. Последовал приказ названного выше Соболева: изобретение потихоньку реализовать и получить на него авторское свидетельство, слегка изменив технологию и сопроводив грифом "не подлежит публикации в открытой печати"; ни о какой покупке лицензии у американцев и речи быть не может.

Так и сделали. Получили (увы, с моей помощью) свое авторское свидетельство, в точности воспроизвели технологию на многих заводах, а американской фирме выдали патент. Кстати, в тот момент она так и не узнала, как поступили с ее заявкой.

Для реализации изобретения требовалось так называемое "заключение о патентной чистоте" — своего рода справка о том, что ничьи права при реализации не нарушены. Несмотря на давление, я все же отказался подписать такую бумагу. Тогда, немного подумав, сотрудники Комитета и министерства решили обойтись без меня и, главное, вовсе без заключения, просто плюнув на всякий закон. Надо ли говорить, что описанная выше история была далеко не единственной.

Когда я рассказываю моим американским коллегам о том, что такое советская патентная практика, они не в состоянии понять меня. Они не в силах поверить, что все это творится открыто, что это не результат злоупотреблений и взяточничества отдельных лиц (с этим они и сами хорошо знакомы), а четко налаженная система, действующая в государственном масштабе и поощряемая правительством. Им трудно понять, что обман давно стал нормой официальной советской жизни. ●

Марк Зальцберг
(Техас, США)

СООБЩАЕТ АПН

ХЛОПОТЫ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Когда Михаил Горбачев подошел по своему обыкновению побеседовать с людьми, собравшимися на площади столицы советской Эстонии, к нему двинулся человек со словами:

— Михаил Сергеевич, можно задать неординарный вопрос, на который вам еще не приходилось отвечать?

К груди человек прижимал большой коричневый пакет.

Я видел, как напряглись лица сотрудников службы безопасности. Привычка советского руководителя неожиданно менять протокол и вступать в непринужденную беседу прямо на улицах доставляет им немало хлопот. Но рядовому советскому человеку нравится демократичное поведение лидера.

— Любые вопросы, — поощрительно кивнул Горбачев человеку с пакетом.

— Это вопрос об изучении эсперанто в стране, — с воодушевлением сказал тот. Вы сами понимаете, насколько это сейчас важно. Эсперанто — это братство, это дружба, это взаимопонимание...

— О, эсперанто! — воскликнул, широко улыбаясь, Горбачев. — Я бы так ответил: я бы приоритет перед эсперанто отдал только одному — перестройке. Вот когда перестроимся, возьмемся за эсперанто...

Толпа одобрительно загудела.

*М. Горбачев в Таллине. Сообщение
Службы АПН для заграницы.
24 февраля 1987 г.*

ОСЯЗАНИЕМ СЛЕПОГО

Когда началась моя дружба с Леонидом Ефимовичем Пинским, он спросил меня: "Кто ваш любимый поэт?" Я ответил: Пушкин. "Пушкин — это солнце, — возразил Леонид Ефимович. — Но кто второй?"

— Тютчев.

— Вот это ваш вкус. Солнце у всех одно, а Тютчев — ваша любимая звезда. У вас Тютчев, у Ремы Янкелевича — Мандельштам...

Я очень удивился. Мои сведения о Мандельштаме сводились к трем источникам. Во-первых, "бойтесь пастернакипи и мандельштампа" (эпиграма Сельвинского). Во-вторых, какая-то гениальность средневековья (цитировалось в учебнике, вместе с ругательной оценкой). В третьих, загадочная фраза: "Сусанна ждет старцев". Я услышал ее несколько дней тому назад, дожидаясь Владимира Романовича Гриба, своего нового научного руководителя...

Недели за две или за три мой доклад о Достоевском был разруган на кафедре русской литературы, и я попросил Л. Е. (лекции которого меня захватывали) прочесть и высказать свое мнение. Через несколько дней Пинский сказал, что доклад ему понравился и его друг, Владимир Романович, будет теперь руководить моей новой работой "Достоевский и Бальзак". Бальзак — это было понятно: чтобы улизнуть с русской кафедры на западную, где работали Пинский и Гриб, а также несколько близких к ним аспирантов (Янкелевич, Копелев). Но почему Гриб, а не Пинский? (Только лет через сорок я узнал, что Пинский меня *подарил*...)

Пинский и Гриб были боги студентов, и я без ропота принял решение олимпийцев. Мне назначили время познакомиться с Грибом на Поварской, где он жил (в восьми-метровой клетушке, заставленной книгами). Гриб запаздывал. Потом пришел, но уже некогда было со мной разговаривать, собиралась компания праздновать окончание 1938–39 учебного года. Меня тоже пригласили — на крышу ресторана "Москва". Я принял это как приглашение на Олимп. Теперь запаздывала Сусанна Альтерман, аспирантка русской кафедры (единственная, не голосовавшая за осуждавшую меня резолюцию). Дважды кто-нибудь спрашивал:

— Где Сусанна?

И кто-нибудь отвечал:

— Сусанна ждет старцев.

Все смеялись, а я хлопал глазами. Потом спросил, откуда это. Ответили: Мандельштам. Оказывается, никому не известного на земле Мандельштама олимпийцы все знали. Но мало ли кого они читают? Я убедился, что западники (Пинский, Гриб и другие) знали русский Серебряный век наизуток. Кого бы ни назвать — Кузьмина, Ходасевича, — его тут же цитировали наизусть.¹ Но одно дело знать, другое — любимый поэт. Да еще у Ремы Янкелевича. Как для меня Тютчев!

О чем бы Рема ни говорил, слушать его было праздником. Сейчас, через сорок лет, я помню только самое общее впечатление — и лицо. Обыкновенное, не очень красивое.

¹ Можно представить себе, как я был поражен, когда узнал, что солженицынский Рубин (прототип которого был Копелев) любит только Багрицкого. Образованный филолог, выпускник ИФЛИ, любящий только Багрицкого, — это было что-то вроде сапог всмятку. Я вздрогнул от фальши.

Но когда Рема говорил, на его лицо ложился отпечаток внутренней красоты. И если Мандельштам — его любимый поэт...

Рема погиб на войне, артиллерийским офицером, отдав команду "Огонь по НП"¹. Несколько залпов похоронили его, как языческого вождя, — вместе со связистом и автоматчиками, окружившими наблюдательный пункт. Я так и не узнал, за что Рема любит Мандельштама, какие стихотворения захватили его, чем захватили (мы были знакомы, но не успели подружиться). У Леонида Ефимовича оказался томик Мандельштама (кажется, издание 1928 года); я попросил, впился в книжку — и ничего не понял. Доходили отдельные строчки:

**Я все отдал за жизнь. Мне так нужна забота.
И спичка серная меня б согреть могла...**

А дальше — обрыв. Целого я не мог схватить. Вчитавшись, наконец (через четырнадцать лет), в "Камень" и "Тристии", я полюбил другие стихи. Но вплоть до 1953 года я не мог сдвинуться с места. Целое ускользнуло от меня. Леонид Ефимович, утешая меня, объяснял это просто: Мандельштам — поэт отдельной строчки. Некоторые выходят лучше пушкинских, а стихотворение рассыпается. Трагедия модернистского сознания, утраченного единство...

Так я запомнил. Возможно, я что-то забыл, а может быть, мое непонимание не располагало метать бисер. Впоследствии, занимаясь наследием Л.Е.Пинского, я нашел в неопубликованном фрагменте предисловия к "Разговору о Данте" несравненно глубже и тоньше разработанные оценки.

"И футурист, и неоклассицист, — писал Леонид Ефимович в шестидесятые годы, — равно *модернисты*, то есть враги академизма, вчерашнего дня, который притворяется сегодняшним. Но футурист ненавидит вчерашнее слово за то, что оно не сегодняшнее, он — за сегодняшне-завтрашнее, за завтра в сегодня. А классицист отворачивается от сегодняшнего вчерашнего, потому что оно *только* вчерашнее; он за позавчерашнее как (диалектически) *единственно* сегодняшнее, впервые сегодняшнее ("Я говорю, вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему")".

"Революция действительно имела подлинный свой классицизм... в книге О.Мандельштама "Tristia", — продолжает Леонид Ефимович. — Это был классицизм, окрашенный налетом грусти — той легкой, еле уловимой грусти на лицах статуй античных богов, о которой говорит Гегель, объясняя это смутным ощущением самими богами своего близкого конца. Стихотворение "Tristia", по которому озаглавлена вся книга, посвящено "науке расставанья" и предчувствиям, что оно навек... Этот неоклассицизм эпохи революции не мог быть долговечным и исчезает (внешне) уже в стихах 1921–25 годов, периода раннего нэпа... Теоретическое обоснование для нового "социалистического классицизма" пытались затем создать — в тридцатых годах! — так называемые теченцы² (среди которых были и страстные поклонники Мандельштама)³, — сгруппировавшиеся во главе с М.А.Лифшицем вокруг журнала "Литературный критик". Для того времени то была уже донкихотская затея книжных рыцарей. Что касается самого Мандельштама, то к началу тридцатых годов он уже понял: "Там, где эллинам сияла красота, мне из черных дыр зияла срамота..." Переход к тридцатым годам и торжество советского академизма (социалистического реализма) было роковым и для Маяковского, и для Мандельштама".

¹ "Есть вдохновение в бою...", и, по-моему, оно очень сходно с вдохновением в поисках истины. Я представляю себе лицо Ремы, отдавшего последнюю команду. Такое же, как на кафедре...

² То есть сторонники *течения* Лукача–Лифшица.

³ Л.Е.Пинский,бесспорно,вспоминает здесь Е.Янкелевича и, возможно, также П.Штильмана.

Здесь чувствуется перспектива времени, поставившего ценности на свои места. В тридцатые годы Леонид Ефимович так еще не думал, не мог думать. Но анализ структуры стихов Мандельштама начался еще раньше, в двадцатых, и я чувствую отголосок неслышанных мною разговоров немногочисленных тогдашних ценителей Мандельштама, когда Л.Е. подчеркивает эпиграмматическую силу отдельной строчки — и слабость, размытость логических связей между строками. Во фрагменте предисловия к "Разговору о Данте" мысль на этом не останавливается, она идет дальше, подсказывает вопрос о сдвиге в понимании мира, о переносе центра тяжести с логических связей на ритмические, музыкальные, ассоциативные.

Хорошие стихи (и даже хорошая проза) всегда были ритмичны и ассоциативны. Пауза, ритм, ассоциация не имеют значения только в научном сообщении, в художественном тексте паузы значимы, косвенные, логически не упорядоченные связи значимы. Но эстетика рационализма допускает логически свободные связи слов только в рамках внешне организованного целого (как незаметно волшебство умного мастера). А современные стихи могут в *целом* строиться на ритмических и ассоциативных связях, при логической невнятице, которую ранний Мандельштам маскирует, а поздний — открыто утверждает как принцип слова-Психеи.

"Мысль, идея поэтического целого довольно проста; пожалуй, даже "бедна", "обща" (как заметила о Мандельштаме М.Цветаева). Ибо эта поэтическая мысль абсолютно "непересказуема"; она не может быть выражена *иными* словосочетаниями, она *не живет* вне *своего* словосочетания. Еще С.Бобров остроумно заметил, что Мандельштам распространил старый принцип "станцы" (стансов) со строфы на строку. Стихи Мандельштама — единственные в нашей поэзии строки-словосочетания..."

"Поэтическая эволюция Мандельштама начинается стихотворением "Звук осторожный и глухой" — четверостишием, в котором даже фраза не закончена, — фрагментом, чистым словосочетанием" (из того же предисловия).

Я привык мыслить культуру в целом, и мне сразу же пришли в голову аналогии. Прежде всего — с самим собой. Я пережил поворот от попыток систематического мышления к эссе, откровенно фрагментарным. Между опытом и опытом, между отдельными главами одного и того же эссе, иногда даже между абзацами — логические разрывы, которые я чувствую и откровенно обозначаю — при разбивке на темы, на главы, на абзацы. Глядя с этой точки зрения на историю, я нахожу, что каждая эпоха начинает с чувства целого, выраженного логически фрагментарно (пословицы, изречения, афоризмы, эссе); потом возникают системы; потом они теряют жизненность, деревянеют, разваливаются и снова торжествует внешняя фрагментность. "Оправдание добра"¹ оказалось неудачей, потому что не вовремя было затеяно. Лев Шестов иронизирует над людьми старого закала, которые "полагают, что книга должна представлять собой последовательно развитую систему мыслей, объединенных общей идеей, — иначе она не оправдывает своего назначения"². Но в такие эпохи, как наша, мысль мыслителя разорвана, антиномична, и живая жизнь не укладывается в систему. Марина Цветаева назвала гениальным Розанова, создавшего совершенно особую, уникальную форму короткой записи — которую даже афоризмом не назовешь. "Уединенное" проникнуто единым духом, но логически этот дух никак не кристаллизуется, он весь представлен свободным сцеплением ассоциаций...

Синяевский сравнивает позднего Розанова с поэтами XX века — "от Блока до Пастернака". Поэты, начиная с Блока, говорят о музыке, о музыкальной стихии и т. п. Но ведь и в музыке происходили какие-то сдвиги, и если философская проза отмечена

¹ В.С.Соловьева.

² Л.Шестов. Собр. соч., СПб., 1911–1912, т. 4, стр. 9. Цитирую по книге А.Синяевского "Опавшие листья" В.В.Розанова", П., 1982, с. 188.

сдвигом к лирике, а поэзия — сдвигом к музыке, то как определить то, что отличает Скрябина от Чайковского?

Синявский выписывает у Розанова: "Все воображают, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка?"

И ищут ее "свойства" ("свойства предмета"). Но почему она не имеет только строй?"¹

Слово "музыка" здесь означает текучее "волновое" (в противоположность кристаллическому, "корпускулярному"), размытое в противоположность четкому, — то есть нечто, возможное и в поэзии, и в музыке, и в живописи (у импрессионистов). Ключевые слова у поэтов и живописцев разные, а процесс один и тот же. На поверхности — разрушение целого (предмета). А в глубине — поиски подлинного целого в распредмеченном, текучем, вселенском, едином, как море, как ночь.

"Только те мысли он записывал в "Опавшие листья", — продолжает Синявский, — которые текли музыкально, по его ощущению. Душа писателя и весь процесс творчества соединен для него с музыкой, то есть с лирикой". То есть со вселенски текучим, меняющим облики, как ипостаси, единосущным, для которого музыка и лирика — метафоры.

Дальше опять цитата из Розанова:

"Секрет писательства заключен в вечной и невольной музыке в душе. Если ее нет, человек может только "сделать из себя писателя". Но он — не писатель... Что-то течет в душе. Вечно, постоянно. Что, почему? Кто знает? — Меньше всего автор"².

Это очень близко к раннему, не захваченному никакими теориями Мандельштаму:

**Отчего так мало музыки
И такая тишина?**

Мандельштам осознал то, что он делал, как борьбу за слово-Психею, за самостоятельность слова, то есть за отрыв слова от своего места в словаре, от группы предметов, которые оно обязательно обозначает, за высвобождение самых неожиданных, то возникающих, то исчезающих ассоциаций. Слово увольняется со службы термина, становится знаком, подобным музыкальной ноте (аналогия: раскованность цветового мазка в живописи Моне). Символисты расковали звучащую музыку слова, звукопись. Мандельштам идет дальше, он пытается создать музыку смыслов, музыку Логоса. Но построение теории связано с издержками, со стремлением отделить свою теорию от прежних теорий, со спором о словах, о терминах, и вместо символистского ключевого слова "музыка" выдвигается новое ключевое слово — "форма".

"Постепенно, один за другим, все элементы слова втягиваются в понятие формы. Только сознательный смысл до сих пор ошибочно и произвольно называется содержанием, от этого ненужного почета Логос только проигрывает, Логос требует только равноправия с другими элементами слова... Логос такая же прекрасная форма, как музыка для символистов" ("Утро акмеизма").

В конце концов, все равно, как это называть: стихия музыки, стихия формы. У Пастернака, в переписке с Цветаевой, появляются и другие слова:

"Стихия именуемости ошеломительнее имени..."³

"Это в дальнейшем освободит ритм от сраженности с наследственным содержанием. Но таких вещей в двух словах не говорят. Ты поймешь неправильно и решишь, что я мечтаю о холостом ритме, о ритмическом чехле? О, никогда, напротив. О ритме, который девять месяцев вынашивает слово" (23 мая 1926 г.)⁴.

¹ "Опавшие листья", с. 339. Синявский, цит. книга, стр. 149.

² "Уединенное", с. 18. Синявский, ук. соч., с. 149–150.

³ Становление, поток ошеломительнее ставшего, застывшего.

⁴ Подobie физического мира, в котором поле рождает импульс.

И в дальнейшем, при разборе "Крысолова": "...Ритм, разбушевываясь, как всегда у тебя, начинает формировать *лирические суждения* (не сущность вещей — вещественность сути. Не сущность вещей — существенность вещи) ..." (14 июня 1926 г.).

По словам одного из моих друзей, Цветаева чеканит (новые) слова, а Мандельштам скорее *вспоминает* забытое слово (различие футуристов, к которым близка автор "Крысолова" — от классиков). Каждый поэт — неповторимая личность, со своим неповторимым подходом к слову. И вправе ли я проводить аналогию между "формой" в "Утре акмеизма" и "музыкой" Блока, Белого, Пастернака (в разборе "Крысолова" Цветаевой¹)? Доказать здесь что-нибудь трудно. Можно только *рассказать*, как я сделал шаг от музыки Блока к музыке Мандельштама — через музыку в самом точном смысле слова (симфонии Чайковского).

По моему опыту, стихи Блока удается понять, расслышать без привычки к симфонии и органу. Музыка Блока довольно проста. Она близка к песне, она захватывает вместе со взором, со всем обликом певца:

Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!
И гортанные звуки
Полились
Точно в серебре смуглые руки
Обвились...

Музыка вьется вокруг чего-то зримого. Даже если перекликаются два-три зримых образа (как в "Благовещеньи": картина на стене, евангельская Мария и любимая девушка со своим милым), то каждый образ по отдельности зрим. Блок доводит до порога зримого, но не переходит через этот порог, не заводит в пространство, подобное пространству чистой музыки, — в какое-то метафизическое, непредставимое пространство, где в "сухой реке пустой челнок плывет"... Я не говорю, что пространство Мандельштама музыкально в точном смысле этого слова, но оно *подобно* пространству чистой музыки. Поэтому вчитываться в Мандельштама бесполезно. Выше я написал, что вчитался, наконец, в "Камень"; но это неточно. Пока я вчитывался — ничего не выходило. И вдруг, в 1953 году, Мандельштам мне открылся. После лагеря. Хотя я еще долго не мог объяснить, что мне открылось. Когда меня спрашивали, я только описывал, как это началось, — с игры красок на облаках в бесконечные долгие северные вечера, а потом, когда белые ночи сменились черными зимними, я уходил из барака и на тридцатипятиградусном морозе топтался взад и вперед по дорожкам лагпункта и слушал лившуюся из репродукторов шестую или пятую симфонию (тогда пропагандировали Чайковского). Музыка одна доносила в зону что-то из мира, от которого я был отрезан, и я слушал ее с таким вниманием, которого мне не хватало на воле (с детства меня к большой музыке не приучили, и я никак не умел в нее войти; как и в Мандельштама). И вот, после открытия музыки, мне открылся Мандельштам. "Она еще не родилась... Сестры — тяжесть и нежность... Я слово позабыл..." Все, все зазвучало, как музыка на архангельском морозе.

Сердцевина мысли Мандельштама непересказуема, как музыка. И можно упиваться его гармониями, даже не пытаясь пересказать их. О чем бы ни говорилось на верхнем уровне, из глубины звучит какое-то подобие музыки сфер. По крайней мере, в тех стихах, которые я больше всего люблю.

Не ограничена еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,

Как вполголосая органная игра
Сопровождает голос женский...

¹ Слово "музыка" неоднократно всплывает в переписке, как синоним "ритма".

Это шепот и лепет в ответ на шепот и лепет духа, творящего мир из ничего:

Он опыт из лепета лепит
И лепет из опыта пьет.

.....

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,
Что шепотом могут
И лепетом согрет.

В чем прямой смысл стихотворения: "За то, что я руки твои не сумел удержать..."? Не знаю. Но в глубине темных словосочетаний я чувствую переливы света. Как их пере-сказать? Наверное, никак. А.И.Цветаева говорила, что Мандельштам колдует впустую, ворожит, ворожит, обещает — и обманывает, никуда не ведет. Примерами она считает "Венецианской жизни..." и "Сестры — тяжесть и нежность" (по-моему, шедевры). У меня нет никакого желания спорить. Я ничего не смогу доказать. Есть стихи Мандельштама, которые и мне ничего не говорят, — хотя структура их (как сейчас принято говорить) примерно такая же, как в стихах, которые захватили. Действительно, ворожит, ворожит, заводит куда-то — а глубины нет, и какого-то вздоха распрямления души в глубине не выходит. Читаю критическую статью Ю.К. — и вижу, что из этих же сухих колодцев он напился. А мимо любимых моих стихов он прошел, не отметив: ему нужно было другое.

Кто из нас увидел подлинного Мандельштама? Это, наверное, ложный вопрос. Его Мандельштам тоже подлинный. Но в другом повороте. И цельный Мандельштам как-то складывается из всех своих уровней, из всех поворотов.

Поможет ли подойти к этому целому автокомментарий в статьях поэта? Или знание философских источников его мировоззрения? И да, и нет. Теоретизируя, Мандельштам легко запутывается. А источники использует очень фрагментарно: "цитата есть цикада"; в новом контексте она по-новому звенит. Откуда бы Мандельштам ни брал ключевое слово, — в стихотворении, на волне ритма, возникает что-то непересказуемое, и именно это непересказуемое поражает и захватывает. Именно это непересказуемое я воспринимаю как свет. И идеи, выловленные из стиха, лежат передо мною, как уснувшие рыбы на песке.

В работе С.М. "Мировоззрение Мандельштама" собрано почти все, что поддается понятийному анализу: статьи, прочитанные книги, реминисценции прочитанного. И вот оказывается, что статьи, при строгом разборе, распадаются на блестящие метафоры, поразительные находки — и легковесные полемические наскоки. Спор с Андреем Белым (занимающий очень много места в теоретическом наследии Мандельштама) ведется обрывками из статей самого Белого, пересказанными своими словами и выданными за свои тезисы. Текстуальный анализ доказывает нечто прямо противоположное тому, что Мандельштам утверждал: прямую преемственность между учителями (Блок, Белый, Иванов) и их гениальным учеником.

Мандельштам сложился и осознал себя в духовном потоке, у истока которого стоит Верленово: "De la musique avant toute chose!" (Музыка прежде всего!) В России эту текучую стихию (названную музыкой) воплотили стихи Блока. Не одного Блока, но Блока прежде всего. И можно говорить о блоковском чувстве вселенной как череды волн, наплывов. Все застывшее, вещное разрушено, распремечено, брошено в море звуков — и поэту остается только прислушаться к их шороху и гулу. За этим шорохом и гулом мерещится новое небо и новая земля. Но именно мерещится. Нет твердой веры, с которой можно — сквозь очевидность, сквозь все, что хрупко, болезненно, кровоточит, что рассыпается и падает в бездну, — увидеть свет, бьющий из глубины, и вечную любовь. Блок скорее пережил крушение времени, а вечное только смутно предчувствовал и все время сомневался — не обманывается ли он? Чувствовал что-то во хмелю и сомневался,

трезвея. В доброй половине моих любимых стихов Блока мир увиден глазами пьяного, в которых тяжелые предметы раздвоились, расплылись :

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие, бездонные
Цветут на дальнем берегу...

Клетка пространства и времени *забывается*, но не исчезает, не обличается как ложь (как реальность низшего порядка) :

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...

Забудьте. Совершенной веры в реальность распредмеченного, целостного мира у Блока нет. И от этого слово, которое он произносит, говоря о вечности, несколько громко звучит:

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то сердце вручено!

Это слово пьяного, во хмелю, когда клетка пространства и времени *забыта*. А потом поэт трезвел — и *вспоминал*. И чувствовал себя шутом в балаганчике, плетущим вздор о красной даме и истекающим клюквенным соком.

Блок был искреннее и глубже других символистов. Он сам понимал, что создает инфляцию знаков тайны, бумажных денег тайны, за которыми то ли золото, то ли труха. Поколение, к которому принадлежал Мандельштам, почувствовало это еще острее. Еще очень рано, до осознанного акмеизма, почти мальчик Мандельштам писал:

Ни о чем не нужно говорить,
Ничему не следует учить...

Это программа девальвации. Ничего не надо говорить. То есть надо говорить не говоря. Подвести читателя к чувству неназванной тайны. Заплести в паутину ассоциаций и дать пощупать, прикоснуться к этой неназванной тайне, к бездне, к темноте Единого.

Первые две строки можно понять иначе, — в духе неореализма (не касаться тайны, бездны, быть домоседом)¹. Но стихотворение в целом опровергает неореализм. С наивным доверием молодости, с чувством дельфина, для которого пучина — дом родной, оно зовет оторваться от берега:

Ни о чем не надо говорить,
Ничему не следует учить.
И печальна так, и хороша
Темная звериная душа.

Ничему не хочет научить,
Не умеет вовсе говорить,
И плывет дельфином молодым
По седым пучинам мировым.

Я не хочу сказать, что у Мандельштама совсем не было страха бездны, пустоты. Но в этом стихотворении только один страх: быть нецеломудренным, оскорбить неосторожным словом бездну бытия. Не надо говорить впрямую о том, что только смутно чувствуешь. Не надо пялить глаза и вызывать ощущение, будто ясно видишь что-то. Идти

¹ Так это понимала Ахматова. Символистов она считала плохими домоседами. Я думаю, все мои любимые поэты — плохие домоседы.

вперед с закрытыми глазами, ощупывая путь чуткими пальцами слепого. И передавать осязание невидимого какими-то неуловимыми сближениями далеких слов.

Было ли это чувство сильнее блоковского по сути? Не знаю. Может быть, уровень чувства тайны – примерно тот же. И у обоих ниже, чем у Владимира Соловьева, который просто не нашел языка для своего, очень глубокого, мистического чувства. Первый язык нашли (с помощью французов) Блок и Белый. Мандельштам нашел другой способ выражения своего чувства, и прекратился выпуск бумажных ассигнаций, прекратились колебания между хмелем и трезвостью. Поэтическая тема моих любимых стихов Блока и Мандельштама – одна и та же: открытие заново тайны целого, потерянной рациональным XIX веком. Но художественное воплощение у Мандельштама надежнее:

Не прихоть полубога,
А хищный глазомер простого столяра...

То, что Цветаева выразила словом ремесло¹.

Эта программа не всегда выполнялась. Мандельштам срывался не только в жизни. И в стихах. Но в любимых моих стихотворениях царит светлая и покойная глубина. Гармония глубины, поразительно редко достигается в слове.

Впрочем, я люблю не только этого Мандельштама. Люблю и стихи тридцатых годов, полные отчаяния. Но даже на эти стихи для меня ложатся отсветы гармонии. Читаю:

Греки сбондили Елену по волнам...

и слышу прежде:

На головах царей божественная пена.
Куда спешите вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ажейские мужи?

Крик Мандельштама поражает именно потому, что это *его* крик, что это *вопиет камень*:

Как землю где-нибудь небесный камень будит,
Упал опальный стих, не знающий отца.
Неумолимое! Находка для творца.
Не может быть иным. Никто его не судит.

Чувствую плоть небесного камня, разбудившего землю. И от этого какой-то космический ритм в политических стихах, какая-то вещая сила в проклятиях и пророчествах:

Ямы Форума заново взрыты,
И открыты ворота для Ирода...

Акмеизм Мандельштама не порвал с чувством тайны, открытым символистами. Я об этом уже писал в статье "Басе и Мандельштам" и не переменял своего мнения. Я вижу глубокое подобие между дзенской борьбой со штампами буддизма и мандельштамовской – со штампами символизма². Дзенские наставники, разрывая в клочья

¹ Развитие Пастернака тоже можно описать как поиски языка, – в особых условиях: "Я вглубую, обходами, туго, из-под земли начинаю *в реалистическом облики* спасать и отстаивать идеализм, который тут только под полой и пронести, не иначе"; и далее: "период преодоления *реализма* через поэзию". (из письма Цветаевой, 23 мая 1926 г.).

² Басе и Мандельштам. В сб.: "Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока". М., 1970, с. 195–201.

сутры, оставались буддистами. Осип Мандельштам, разрывая связи с символистами, оставался продолжателем символизма. Он бранится с теоретиком символизма Андреем Белым, а после смерти Белого вдруг почувствовал, как глубоко Белому обязан, и написал об этом прекрасные стихи. Он пишет, конечно, не так, как Белый или Блок, но ведь и не так, как Гумилев, и не так, как Ахматова. Он пишет, как Мандельштам. И может быть, лучше бы ему быть, как Марина Цветаева, вне всяких направлений. А нам — не придавать слишком большого значения группам и группочкам постсимволизма.

Теоретизирование иногда прямо мешало поэту, заставив его написать (после изумительных юношеских опытов) строго выдержанные акмеистические (и, по-моему, банальные) стихи о теннисе, о Царском Селе и т.п. Большую часть этих программных стихотворений Мандельштам забраковал, не включил в "Камень"... Потом снова прорвались глубины, не укладывавшиеся ни в какую программу. И возникали стихи, более темные, загадочные, полные намеков на несказанное, чем самые темные и загадочные стихотворения Блока.

Я больше всего люблю в "Tristia" двойчатку о душе, спустившейся в Аид. Первое стихотворение написано как положено. Все в нем зримо, пластично, акмеистично. Преисподняя становится уютным, изящно прибранным будуаром:

Когда Психея-жизнь спускается к теням,
В полупрозрачный лес, в след за Персефой,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зеленой.

Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.

Кто держит зеркальцо, кто баночку духов, —
Душа ведь — женщина, ей нравятся безделки...

И вдруг стены будуара разваливаются, потолок рушится на голову, и мы проваливаемся в бездну, в тьму, и осознание слепого ощущивает незримый лик вечности:

Я слово позабыл, что я хотел сказать,
Слепая ласточка в чертог теней вернется,
На крыльях срезанных, с прозрачными играть.
В беспмятстве ночная песнь поется.

Не слышно птиц. Бессмертник не цветет.
Прозрачны гривы табуна ночного.
В сухой реке пустой челнок плывет.
Среди кузнечиков беспмятствует слово...

Если здесь есть логика, то это антилогика мистицизма, антилогика потустороннего, перевернутого мира. Античности и акмеизму принадлежат здесь только названия предметов, отрезанных от своих свойств: птиц не слышно, бессмертник не цветет. Целое иррационально, как пустой челнок, плывущий по сухой реке, как ласточка, летящая на срезанных крыльях.

Своеобразный иррационализм Мандельштама был поддержан чтением книг по философии (Флоренского и других). Это хорошо показано в работе С.М. Философия Флоренского пропитана лиризмом; и немудрено, что она дала встречную волну в лирике. Но не в этой волне — исток Мандельштама. Еще очень молодым человеком, до прямых

философских влияний, он писал стихи, в которых уже есть сочетание прозрачного верхнего слоя с темной глубиной¹ — то, что он потом то терял, то снова находил; с чем он вошел в мое сознание и, наверное, войдет навсегда в историю русской поэзии:

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
"Господи", — сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

Ошибочно, нечаянно вырвавшееся слово. Забытое слово. Слово в беспамятстве, в безумии. Господи, сказал я по ошибке. Я слово позабыл, что я хотел сказать. Среди кузнечиков беспамятствует слово. Может быть, это точка безумия. Может быть, это совесть твоя...

В стихах Мандельштама главное всегда недосказано, забыто, не должно быть сказано.

Останься пеной, Афродита!
И слово, в музыку вернись...

Сейчас уже есть много прекрасных работ, распутывающих ткань ассоциаций Мандельштама, — то, что в них сказано. Но остается недоступное для анализа, то, что не сказано. Ткань ассоциаций сплетается в кольцо, а внутри — пустота. И из пустоты свет. Этот свет чувствуется (или не чувствуется) непосредственно, без всякого знания, из чего свито кольцо, и никакое знание фактуры кольца не может здесь ничего переменить.

А смертным власть дана любить и узнавать,
Для них и звук в персты прольется.
Но я забыл, что я хотел сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется.

Я сотни раз перечитывал его стихотворение (большой частью наизусть) и погружался во тьму, и там, во тьме, следовал за слепым поводырем. Который познает, не зная, кого и что он познает.

Можно ли говорить о мировоззрении там, где царствует *осязание* истины?

Гегель называл теоретическим чувством зрение. Зрение близко к воззрению, и мировоззрению. Я так вижу мир. Но если я вижу одну восьмью, а осязую семь восьмых? Осязание — чувство нефилософское, и все-таки надводная и подводная части айсберга принадлежат одной глыбе. В надводной — прочитанные книги и написанные статьи. А в подводной неисповедимо сходятся концы с концами и возникает целостный образ бытия.

Мне кажется, что во всех прочитанных книгах Мандельштам искал и находил свое собственное движение в глубину. Книга поддерживала это движение, книга могла служить трамплином для прыжка, мостиком через рассудочные провалы и пропасти (можно подобрать другие метафоры — я ограничился двумя). Но источник движения — не в книге, а в сердце поэта. Если бы Мандельштам жил в мое время, он читал бы Судзуки и Уоттса, не повторял бы леонтьевских и федоровских глупостей о буддизме и понял бы сам то, что мне пришлось понять за него: что "звук осторожный и глухой" очень близок к японской поэзии словосочетания, намек, оборванной фразы... Результат был бы, наверное, не хуже.

¹ "Темное облако" и "свет" — метафоры *одного* мистического опыта: сперва тьма (без внешнего света), потом внутренний свет. В некоторых контекстах (в противопоставлении оболочке бытия) тьма и свет — синонимы.

Мандельштам читал Леонтьева: "Смесь любви и страха — вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят... Смесь любви и страха в сердцах, священный ужас перед известными идеальными пределами, любящий страх перед некоторыми лицами..."¹. Запомнилось словосочетание "любви и страха". А дальше застрекотала цикада. Закрутились ассоциации. И можно понять (или не понять) их сплетенье, ничего не зная о Леонтьеве. Леонтьев здесь не более важен, чем то, что известное стихотворение Тютчева сложилось по дороге в Овстуг:

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих лишь грезю природы...

Можно было написать это и по дороге в Кострому, в Рязань, в Вышний Волочек...
Я чувствую в центре "Веницейской жизни" — строки:

Ибо нет спасенья от любви и страха,
Тяжелее платины сатурново кольцо:
Черным бархатом завешанная плаха
И прекрасное лицо...

Нет спасенья от страха. И есть спасенье. Есть красота. И она останется, когда все остальное отойдет в туман, в прошлое, сотрется, забудется. Черным бархатом завешанная плаха. Революция, гражданская война. Красный террор, белый террор. И страх, страх. Нет спасения от страха. Но не только от страха. И от любви. Тяжелее платины сатурново кольцо (кольцо времени). Но сквозь время — вечность, сквозь страх — прекрасное лицо...

И в другом стихотворении:

Время вспахано плугом, и роза землю была...

Была землю, распаханным временем, а потом из борозды распаханного времени выросла роза. Тяжесть страха, тяжесть сатурнова кольца сплелась с нежностью. Одинаковы их приметы. И тяжесть вплетается в венок нежности. И нет больше плахи, завешенной бархатом. Останется прекрасное лицо. Останется контрапункт стиха:

Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела...

Строго рационально Мандельштам не сумел бы все это расчленить и потом снова связать. И в структурно-семиотических анализах ученых что-то проваливается, исчезает. Но в стихах все, что никак не удается сложить в систему (хотя бы и в систему оппозиций — все равно), оказывается сплетенным в один венок, и целое торжествует над парадоксами логики.

Сохранял ли Мандельштам все это в жизни, когда губы переставали шевелиться, складывая стихи? Думаю, что нет. Если бы сохранил — это бы его преобразило. А он не был преобразенным в жизни. Скорее комком нервов. Жившим на своей подлинной светлой глубине только слушая музыку и складывая стихи. Духовидением слепого, которого ведет слово-Психея, музыка-Психея. Не духовидением слепого, увидевшего (хоть на мгновенье) лик Бога. Но поводырь иногда удивительно далеко заводил его — до самой последней глубины:

¹ К.Леонтьев. Восток, Россия и славянство. М., 1886, т. 2, с. 39.

Может быть, это точка безумия,
 Может быть, это совесть твоя.
 Узел жизни, в котором мы узнаны
 И развязаны для бытия...

Я читал много философов Серебряного века, пытавшихся обосновать веру. Но мне всегда мешали их рассуждения. Они раскалывали то самое, что надо было соединить, и не приходило то целостное чувство бытия, единства с духом, веющим из темной и бесконечно светлой бездны, которое (чувство единства) коротко называется словом "вера". Стихи ближе к мистическому опыту. Разумеется, не только стихи Манделштама. Рядом — поздняя Цветаева, поздний Пастернак. А вскоре начал Даниил Андреев, с его видениями запредельного, описанными со средневековой четкостью и "физиологической гениальностью средневековья". Литературный процесс нельзя остановить, нельзя выстроить в одну линию. Но дух Манделштама присутствует и там, где образ его исчез; он вечно будет встречать нас на каких-то поворотах сатурнова кольца, — так, как самого Манделштама встречали Овидий, Данте, Ариосто; и бог Нахтигаль, воплотившийся в какого-то нового поэта XXIII или XXV века, иногда будет вспоминать свое прошлое рождение. Ибо все поэты (по словам Рильке) — воплощение одного Бога (Орфея, Нахтигаля). И этот Бог — воплощение великого Бога, единого во всех Своих ипостасях. И потому в минуту вдохновения поэт становится пророком. И пусть он иногда забывает и снова падает — и среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он (бывало и с Манделштамом). Но в стихах остается печать пророческого духа. Стихи Тютчева, Блока, Манделштама и его современников вели меня к собственной глубине прямее, чем Флоренский или Бердяев. Красота подымает наш дух туда, куда не достает логика. Я не знаю, спасет ли красота мир. Но душу она может спасти. Красота скал, красота моря, красота стихов. И мировоззрение поэта, в его способе видеть и мыслить, есть какой-то тайный ход к красоте. Он скрыт не в одном каком-то слове и не в сочетании слов (которое могло бы стать философским принципом или символом веры), а в неопостижимо найденных паузах стиха. Так же как он скрыт где-то за природой — за туманным мысом Меганом и за горами, облитыми воздушным стеклом.

1982–1983

ИЗ ЖУРНАЛОВ

НЕ ПРО ГОРБАЧЕВА ЛИ?

Меня смущает, что на партийной работе многовато профессиональных функционеров, с таким вот сюжетом развития — комсорг школы, факультета, вуза, секретарь райкома комсомола, зав.отделом райкома партии, секретарь райкома и так далее. Ты меня прости, но эта прямая параллельна жизни, с нею она не пересекается. С тобой совсем иной случай... И потому я искренне считал, да и считаю и сейчас, несмотря на разного рода сомнения, что ты на партийной работе способен, быть может, сделать больше, сделать лучше, чем иные из твоих коллег. И все же сомнения остаются. Остается страх, что функционерство и тебя затянет...

"Дружба народов",
 № 1, 1987 г., стр. 210

СТРАНА СВЯТЫХ ЧУДЕС

Русские религиозные мыслители
о единстве Европы

Русское отношение к Европе проходило разные стадии и менялось в зависимости от общей политической ситуации в России. Киевскую Русь, расцвет которой приходится на X–XI века, можно считать наиболее открытой Западу и похожей на другие европейские государства этого периода. Хотя Киевская Русь была церковной провинцией Византии, она поддерживала регулярный культурный, торговый и династический обмен с Западной Европой. Даже после того, как татарское иго воздвигло первый железный занавес между завоеванной Русью и европейскими странами, две свободные северные торговые республики, Псков и Новгород, оставались окнами, через которые Русь общалась с Западом.

Связанные с татарским игом возвышение и ориентализация Москвы вели к изоляции от Европы. Московское государство заимствовало у европейцев лишь то, что так или иначе способствовало его усилению и централизации, от итальянской архитектуры до политической мысли Маккиавели, избегая более широкого и обоюдного культурного взаимодействия из страха перед реальной или выдуманной "латинской опасностью."

Этот страх перед Западом был до некоторой степени смягчен Реформацией, расколовшей религиозное единство Европы и приблизившей к православию тех, кто был против "латинян". "Религиозная выдержанность и неагрессивность протестантов уже в XVII веке, — замечает историк русской философии В.В.Зеньковский, — устраняют крупнейшее затруднение в общении с Западом". ("Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей". Париж 1955, стр.11).

Петровская реформа ломает культурные и религиозные барьеры между Россией и Европой. Она отсылает русский ум на долготлетнюю выучку на Запад. Восемнадцатый век можно назвать и западным пленением русского духа, и его освобождением — пробуждением от многовековой восточной спячки. Герой комедии Фонвизина "Бригадир" Иванушка заявляет, что его тело "родилось в России, но дух принадлежит короне французской". Русский образованный человек сформирован на Западе, и для него "все европейское начинает иметь таинственное обаяние." (В.Зеньковский, *op.cit.*, стр.13).

Европа подкупает не только просвещением, богатством культуры и неизвестным в России духом свободы. Наряду с техническими знаниями, за которыми в первую очередь русское правительство посылает в чужие края свою будущую служилую интеллигенцию, она приобретает там вкус к философствованию и заражается религиозными исканиями, мистическим голодом. Религиозное свободомыслие и духовные откровения русского масонства в равной мере приходят с Запада.

Чаадаев

Масонская духовность еще не оригинальна, но XVIII век, а затем война с Наполеоном подготавливают пробуждение русского самосознания в Чаадаеве. Выученик Европы, который умеет философствовать пока еще лишь по-французски, Петр Яковлевич

Чаадаев (1794—1856) обличит свою родину в том, что она отторгнута от семьи европейских народов, и укажет ей путь религиозного объединения с ними: только так Россия сумеет вырваться из безвременья своей истории и обретет собственный, четко выраженный профиль.

Задавая тон едва ли не всей последующей русской историософской мысли, Чаадаев возвестит о том, что главной чертой европейской цивилизации является ее универсальный христианский характер. Это обусловило ее исторический динамизм. "Несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущие европейскому миру в его современной форме, нельзя отрицать, что царство Божие до известной степени осуществлено в нем, ибо он содержит в себе начало бесконечного развития и обладает в зародышах и элементах всем, что необходимо для его окончательного водворения на земле". Религиозное начало объединяет все европейские народы, даже если они это недостаточно сознают. Все они "...шли вперед в веках рука об руку; и как бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой, — они беспрестанно сходятся в одном и том же пути... вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был один язык для обращения к Богу, одна духовная власть и одно убеждение... Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть еще свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов. Каждый отдельный человек пользуется там своею долей этого наследства; без труда и чрезмерных усилий он набирает себе в жизни запас этих знаний и навыков и извлекает из них свою пользу." (*П.Я. Чаадаев. Философические письма. Энн-Арбор 1978, Письмо первое, стр. 21—23*).

Славянофилы

Для Чаадаева трагедия России заключалась в том, что она была не вполне европейской страной в силу своей религиозной обособленности. Реакцию славянофилов на религиозное западничество автора "Философических писем" можно понять как попытку реабилитировать духовное своеобразие России, увидев в ней страну, принадлежащую к христианскому содружеству наций, но по-своему, внутри древней православной традиции.

Неслучайно один из вождей славянофильства, Иван Васильевич Киреевский (1806—1856), назвал свой журнал "Европеец". Славянофилы не отделяли себя от Европы и не так чтобы уж очень были "разочарованы" в ней. Но их главная тема состояла в открытии православия для Нового времени после многих веков философского и богословского забвения. Славянофилы, так сказать, откопали погребенную истину православия и вернули России уважение к собственной религиозной традиции, — однако сделали это с помощью западной мысли, по выражению Алена Безансона, "национализируя немецкий национализм". При всем националистическом звучании славянофильства, это было открытие православия европейцами. Хомяков был англофилом и видел свою миссию в сближении православной и англиканской церковью, точнее в сообщении англиканству силы православного предания. Вообще славянофилы считали, что православная Церковь и Россия, кровно сросшаяся с ней исторически, могут многое дать христианскому Западу. Если Чаадаев видел в католицизме начало европейского единства, то славянофилы, напротив, возлагали на католический централизм вину за религиозный раскол Европы. Впоследствии Бердяев уличит славянофилов в том, что они любили сравнивать идеальное православие с реальным, историческим католицизмом и протестанством. В романтическом видении славянофилов православная Россия представляет религиозно-нравственный образец для Европы. "Поскольку в Западной Европе жива и действительна чистая истина христианская, постольку нет места контрасту с ней и для России", — писал Иван Аксаков (цит. по В.Зеньковскому, *op.cit.*, стр. 127).

Это отношение к Европе одновременно как к духовной родине и заблудшей родственнице характерно и для таких идейных защитников русского шовинизма и империализма, как Константин Леонтьев и Федор Достоевский. Леонтьев даже самую деспотическую цельность "русского духа" призывал сохранить "на службу лучшим и благороднейшим началам европейской жизни, на службу этой самой великой старой Европе, которой мы столько обязаны и которой хорошо бы заплатить добром" (цит. по В.Зеньковскому, стр.153–154). Другое дело, что он решительно отметал свободу как одно из этих начал. Напротив, самый дух терпимости, плюрализма, политической свободы и демократии, дух Европы, казался ему симптомом гибели и разложения.

Хорошо известны высказывания Достоевского о Западной Европе. Вот одно из них, в "Дневнике писателя" за 1877 г. (июль–август, гл.2). "Европа – но ведь это страшная и святая вещь, Европа! О, знаете ли вы, господа, как дорога нам, мечтателям-славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы – эта самая Европа, эта "страна святых чудес"! Знаете ли вы, как дороги нам эти "чудеса" и как любим и чтим мы великие племена, населяющие ее, и все великое и прекрасное, совершенное ими. Знаете ли вы, до каких слез и сжатий сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и *родной* нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, все более и более заволакивающие ее небосклон?.." Качество этой любви, однако, представляется подозрительным. Для Ивана и Алеши Карамазовых Европа – не более, чем "самое дорогое кладбище", на котором они готовы перещеловать все камни.

Младший друг и вдохновитель Достоевского Владимир Соловьев освобождает нас от исторического провинциализма. У Соловьева проблема России находит решение, свободное от антизападничества.

Соловьев

Систему Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) называют философией всеединства. Разделенность и обособленность элементов бытия на всех его уровнях, с точки зрения Соловьева, есть печать падшести. Путь спасения – это путь обретения утерянного единства. Его, этот путь, указал Бог, ставший человеком, Иисус Христос, примиривший божественную и человеческую природу в ипостасном единстве. Значит, путь преодоления разъединенности есть путь богочеловеческий и возможен лишь силою Богочеловечества, которое в наиболее полном, хотя и не исключительном, виде явлено в Церкви.

Заметим, что в своем проекте обретения утраченного единства Соловьев отводит немалую роль политике, которая, как и все прочие аспекты жизни человека, должна быть подчинена Евангелию. "Как нравственность христианская имеет в виду осуществление царства Божия внутри отдельного человека, так христианская политика должна подготавливать пришествие царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей – народов, племен, государств." (В.Соловьев. Соч., т.IV, стр.3).

Главная помета христианской политике – национализм, всякий национализм. Соловьев видит в нем выражение коллективного эгоизма и критикует якобы неоспоримый принцип, согласно которому политика каждого народа и государства должна определяться исключительно его интересами. Прежде всего непонятно, на каком основании коллективный эгоизм может требовать жертв от эгоизма индивидуального. Почему, собственно, человек обязан приносить свой личный эгоистический интерес в жертву коллективного эгоистического интереса своего народа? Вдобавок "раз принято и узаконено в политике господство своего интереса только как своего, то совершенно невозможно становится указать пределы этого своего" (цит. по кн.: *Е.Трубецкой*. Мирозерцание Вл.Соловьева, т.I. М.1913, стр. 497).

Но хуже всего то, что национализм несовместим с христианством. Национальность – всего лишь природное начало; поклоняясь ему, мы впадаем в язычество. "Обоготворяя

свою народность, превращая патриотизм в религию, — пишет Соловьев, — мы не можем служить Богу, убитому во имя патриотизма... По истине же народность не есть высшая идея, которой мы должны служить, а есть живая сила природная и историческая, которая сама должна служить высшей идее и этим служением осмысливать и оправдывать свое существование.” (“Национальный вопрос в России”. Соч., т.V, стр. 11–12).

Что же является высшей идеей в политической жизни? Соблюдение справедливости в международных отношениях. “Всякая народность имеет право жить и свободно развивать свои силы, не нарушая таких же прав других народностей. Это требование *равного права для всех* народов вносит в политику некоторую высшую нравственную идею, которой должно подчиниться национальное самолюбие” (там же, стр.85). Христианство с его универсализмом призывает к преодолению национального эгоизма. При этом оно не разрушает народность, а, наоборот, спасает ее от разложения, ведь эгоизм равно губителен и для индивида, и для *всякого* общественного организма.

Однако поиски единства в международных отношениях логически требуют единства в самой религиозной жизни. Вражда и отчужденность коренятся во внутреннем духовном отчуждении народов. Предпосылка политического сближения — единство христиан. Соловьев говорит в первую очередь о христианском единстве, так как христианство представляется ему наиболее динамичной исторической силой. Другие монотеистические религии — иудаизм и мусульманство — уступают ему в динамизме, но и само их отталкивание от христианства и друг от друга порождено силами разделения внутри христианства. В своей божественной основе Церковь остается единой, исторически же она расколота. Совершенное осуществление Богочеловечества требует объединения Западной и Восточной Церквей. Это объединение и должно стать ближайшей исторической задачей человечества. Необходимо осознать мистическое единство Восточной и Западной Церкви. Если бы католичество и православие не были мистически едины, то и видимое их объединение было бы невозможным. При все том, однако, нельзя разобрать по частям христианский Восток или обратить его в латинство. У него есть своя церковная идея, да и католичество составляет в христианстве часть, а не целое. В истории у каждой из двух частей есть свой особый принцип и своя миссия. Как же все-таки воплотить их невидимое мистическое единство в единство видимое, историческое?

Россия и христианский мир

”Нам, — отвечает Соловьев, — прежде всего должно вновь пересмотреть все главные спорные вопросы между двумя Церквями не с полемическими и обличительными целями, как это делалось доселе, а с искренним желанием вполне понять противную сторону, оказать ей всю справедливость и в чем должно согласиться с нею. Это желание, это мирное настроение, опять повторяю, есть единое на потребу, а прочая вся приложатся” (цит. по Е.Трубецкому, стр. 461). Подлинное объединение подразумевает начало свободы, единства во множественности. В нем не может быть места механической унии. Новое единство Восточной и Западной Церквей сохранит их специфику. Ближайшим последствием такого соединения должно быть и присоединение протестантских церквей. ”Свободное и нравственное примирение наше с католическим началом авторитета отнимет у этого начала тот его *принудительный* и внешний характер, которым вызвано протестантское движение” (там же, стр. 460).

Весь процесс европейской церковной и светской истории носит, по Соловьеву, диалектический характер: от принудительного средневекового единства через автономизацию в Новое время — к федеративному сплочению в свободе в будущем. Философ искренне надеялся, что полем христианского примирения станет Россия, и в этом видел ее великую религиозную миссию. Но для этого Россия должна открыться западному хри-

стианству. Если Европа оплодотворила нашу светскую культуру, то тем более европейское христианство способно оплодотворить и обновить религиозную жизнь России.

Замкнувшаяся в себе национальность оказывается бесплодной — и в общекультурном, и в религиозном отношении. Религиозная бесплодность, вызванная национальной изоляцией, видна на примере России. Несмотря на религиозность русского народа и его духовную одаренность, несмотря на личную святость отдельных подвижников, в церковной жизни этот народ произвел лишь церковный раскол. И не потому, что православие не владеет истиной, а русские неспособны к высокой религиозной культуре. "Бесплодность наша, — пишет Соловьев, — зависит исключительно от внешних условий, от *неправильного* положения нашей Церкви и прежде всего от ее обособленности и замкнутости, не допускающей благотворного действия чужих религиозных сил. Принятые нами христианские начала хороши, хороша в религиозном смысле и наша народная почва. Но без свободного воздуха... самые лучшие семена на самой лучшей почве не дадут ничего хорошего. Пока мы будем оставаться в самодовольном отчуждении от церковного мира Запада, мы не увидим обильной жатвы на своей церковной ниве" (там же, стр. 464—465).

В противовес Н.Я.Данилевскому, который доказывал (в книге "Россия и Европа") что Россия, русский народ наиболее полно выражает славянский культурно-исторический тип и должен всеми силами сохранять свою самобытность, Соловьев утверждает, что изоляция обернется провинциализмом и духовным бессилием. В своих наиболее творческих проявлениях Россия принадлежит к европейской культурной традиции; например, русский роман есть один из видов европейского романа не только по форме, "которую мы получили готовую с Запада, но также и по внутренним особенностям, которые представляют лишь видовые, а не родовые отличия относительно европейских литератур." И как русская литература, при всей своей оригинальности, есть одна из европейских литератур, так и сама Россия, при всех своих особенностях, — одна из европейских наций. "Утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произнести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления (реформа Петра, поэзия Пушкина)". (Соч., т.V, стр. 102).

Но что есть Европа, как не единый культурный мир, рожденный от скрещения двух "универсализмов": универсальной по замыслу культуры и государственности Рима и универсальной евангельской вести. Соловьев считает уникальным достижением Римской империи развитие идеи *единого* человечества. Другие культуры, в том числе греческая, остались чужды этой идее. Римское право выработало понятие о существенном равенстве всех людей. "Гуманитарные начала римских юристов и философов подготовили умственную почву для восприятия самой нравственной идеи христианства, по существу своему общечеловеческой и сверхнародной. Предание о личном знакомстве апостола Павла с Сенекой, сомнительное фактически, верно указывает на естественное сродство между универсализмом римского разума, завершившим историю язычества, и началом новой универсальной религии, оживившей объединенное в Риме человечество" (там же, стр.108).

Возродившийся в XIX веке национализм философ считает грехопадением Европы. Идеино в нем повинна философия Фихте, обосновавшая эгоизм индивидуальный и национальный, а политически — Французская революция и походы Наполеона, после которых националистический образ мыслей возобладал во всей Европе. Идея эта заслуживала симпатии, пока во имя ее освобождались угнетенные народности. Но она же проложила путь империализму и милитаризму.

Трубецкой

Националистическое разделение Европы, измена религиозно-гуманистическим началам ее былого единства — грехопадение Европы — привело к катастрофе Первой мировой войны, которая в свою очередь породила русскую революцию, тоталитарные режимы, милитаризм и шовинизм, открывший путь к новой войне. Таков диагноз русских философских последователей Владимира Соловьева.

Наиболее талантливый ученик Соловьева князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863— 1920) усмотрел в Первой мировой войне прежде всего результат торжества безрелигиозного сознания, которое восстало, не сознавая этого, против самой основы европейской жизни. В книге "Смысл жизни" Трубецкой связывает Мировую войну и порожденную ею русскую революцию с языческим обоготворением государства и национальности, сменившим религиозное мироощущение единой христианской Европы. "Макиавеллистическая мораль государства с ее лозунгами — все для спасения государства, — пишет он, — есть мораль войны: ибо именно непрекращающееся состояние явной или скрытой войны между государствами угрожает безопасности каждого из них; именно эта непрерывная угроза и служит оправданием всех средств для спасения моего государства... Раньше война была делом не народа как целого, а особой армии, так или иначе набранной из народа. Принцип всеобщей воинской повинности, вооруженного народа, есть изобретение времен новейших — девятнадцатого столетия. Все народы вооружились с головы до ног для осуществления целей коллективного эгоизма, — вся жизнь подчинилась войне, как высшей цели." (*Е.Трубецкой. Смысл жизни. Берлин 1922, стр. 250*).

Национализм чреват войнами, война влечет за собой революцию и гражданскую войну. Война между народами, порожденная эгоизмом национальным, естественно переходит в войну между классами, порожденную эгоизмом классовым.

Эта линия мысли нашла свое дальнейшее развитие в политической философии Бердяева, последователя соловьевского универсализма и сотрудника кн. Трубецкого по книгоиздательству "Путь", которое оба они основали.

Бердяев

В самом начале Первой мировой войны Николай Александрович Бердяев (1874— 1948) предсказал, что война разрушит прежние представления о противоположности России и Запада. "Если близится конец провинциально-замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально-замкнутой жизни России" (цит. по В.Зеньковскому, *op.cit.*, стр. 268).

В брошюре "Новое средневековье", написанной вскоре после окончания гражданской войны в России, Бердяев объясняет возникновение тоталитарных идеологий и движений — таких, как коммунизм и фашизм, — кризисом секулярного национализма и связанного с ним гуманистического мировоззрения XIX века. Гуманизм и национализм, в свою очередь, выросли на духовной почве Реформации. Реформация создала основу для образования замкнутых национальных монад, подобно тому как в замкнутую, эгоистически-обособленную монаду превратилась личность. Религиозная жизнь усвоила черты национальной замкнутости, казалось бы, невозможной на духовной почве католицизма. В итоге идея единого христианского человечества потеряла свою привлекательность. Однако вне христианского универсализма, характерного для средневековья, древо жизни, личной и общенародной, засыхает. Индивидуализм отрывает личность от бытийственной почвы; духовный кризис современности свидетельствует о том, что индивидуализм уже исчерпал в новой истории все свои потенции.

Если индивидуализм губителен для личности, то национализм губителен для самой нации. Современное государство, с которым связывает себя национализм, менее всего оригинально. "Все государства очень походят друг на друга в организации войск, полиции, финансов, международной политики. Государственный национализм сплошь и рядом оказывается не национальным... Национализм неразрывно связан с государством и гораздо более дорожит государством, часто лишенным всех индивидуальных национальных свойств, чем культурой действительно национальной. Литература и музыка какого-либо народа гораздо более индивидуальна и своеобразна, чем войска и полиция, связанные с интернациональной техникой." (*Н. Бердяев. Царство Духа и царство кесаря. Париж 1951, стр. 138*).

Бердяев убежден, что национализм европейских народов изживает себя, подобно тому как потерпел крах индивидуализм. Для нашей эпохи характерно обращение к наднациональным, международным культурным и политическим образованиям. В этом смысле можно говорить о новом средневековье. "Еще до Первой мировой войны империализм выводил государства и народы из их замкнутого национального существования и ввергал их в мировую ширь. Капитализм на вершинах своих создал мировую систему хозяйства и поставил экономическую жизнь каждой страны в зависимость от мировой экономики... Ему свойственен своеобразный интернационализм. С другой стороны, социализм принимает интернациональный характер... Распавшийся мир новой истории, находящийся в состоянии кровавой борьбы наций, классов и отдельных людей, одержимый подозрительностью и злобой, разными путями стремится к универсальному единству" ("*Новое средневековье*". Берлин 1924, стр.34).

Однако подлинный универсализм достигим только на путях свободы. Другими словами, он не может не быть христианским. Христианство требует свободы как для личности, так и для нации. Христианство противопоставлено насильственным объединениям, с ним несовместимы новые имперские образования. Государства "высасывают кровь народов." В своем новом чаянии единства человечество ищет федеративного объединения. Сегодня "нужна федерация народов" ("*Царство духа...*", стр. 141).

Федотов

Идея федеративного устройства Европы после Второй мировой войны приняла несколько более конкретные очертания в работах Георгия Петровича Федотова (1886—1951) изгнанного, как и Бердяев, в 1922 году из Советской России. Статьи Федотова "Судьба империй" и "Запад и СССР" были написаны в последние годы жизни автора, в Соединенных Штатах. Опираясь на традиции русского религиозного философствования, Федотов анализирует послевоенную ситуацию и размышляет о возможностях федеративного объединения свободной Европы, куда со временем могла бы войти и освобожденная от бремени коммунистической империи Россия.

По убеждению Федотова, после двух мировых войн старая Европа с ее национальными государствами, политикой имперских образований, со всей веками сложившейся системой международных отношений отошла в прошлое. Европа нуждается в новой организации, с которой несовместим старый национализм. Несовместим уже потому, что он выдохся идейно. Националистические идеологии становятся бессодержательными, так как за сто лет своего существования промышленный капитализм растерял ценности, которые некогда национальный романтизм начертал на его знаменах. "Культура — или бескультурность — современных наций становится все более космополитичной, безнадежно-однообразной. Национальные традиции служат больше для декоративной рекламы внутренне пустой технической цивилизации," — пишет Федотов ("*Судьба империй*". Сборник "Россия и свобода". Нью-Йорк 1981, стр. 203—204).

Европа переросла национальные границы. "Ее духовная жизнь и на сохранившихся вершинах, и в одолевающем варварстве представляет несомненное единство. Есть только одна общеевропейская музыка, общеевропейская живопись. Искусство слова, как связанное с языковым многообразием, естественно, более национально. Однако и оно не замкнуто; и в подлинниках, и в переводах оно доступно всей семье европейских (теперь уже и азиатских) народов. Литературные направления оказываются общими всем нациям или группам наций. Влияние Толстого, Достоевского, Пруста, Джойса, Кафки универсально. Вне этих "чужестранных" воздействий развитие национальных культур просто непонятно. В духовной жизни нации являются не солистами, а инструментами в оркестре, хотя и лишенном дирижера. Наука была интернациональна всегда. Что массы, да и средние классы, "духовно" питаются интернациональным месивом из спорта, кино и газеты, общеизвестно" ("Запад и СССР". Там же, стр. 227). Естественно, что после катастрофы Второй мировой войны европейские нации испытывают тягу к объединению. Черчилль заговорил о Соединенных Штатах Европы; американский план Маршалла требовал единой экономической организации Европы как условия американской помощи для хозяйственной реконструкции. Вместе с Америкой европейские демократии принимают частичное ограничение суверенитета в области ядерного вооружения. Америка вдохновляется идеей мирового единства как союза демократических государств и потому поддерживает Организацию Объединенных Наций, хотя это учреждение сплошь и рядом предаёт великую идею единства в свободе. Так или иначе, заключает Федотов, идея эта все более внедряется в сознание людей.

Сейчас трудно говорить о мировом единстве, ибо мир расколот на два лагеря, из которых один представляет собой союз свободных государств, а другой — комплот тоталитарных режимов. По мысли Федотова, в настоящее время возможно объединение лишь демократических стран Европы вокруг Соединенных Штатов, выдвинувшихся на первое место в результате войны, и Великобритании как колыбели европейской демократии. Такая атлантическая федерация, осуществившая единство международной политики, армии и общеполитических основ демократии, "будет недостижима ни для какого врага. Она сделает войну невозможной. Если же ей удастся обеспечить внутри себя новый экономический порядок и подлинную социальную демократию, то ее влияние распространится далеко за ее политические границы. Тогда можно надеяться, что солнце свободы растопит и "вечный полюс" России" (там же, стр. 244).

Будущее Российской Империи

Советская империя тоже стремится к организации наций, но в рамках тоталитарной диктатуры и под знаменем коммунистической идеологии. Нетрудно представить себе, говорит Федотов, как будет выглядеть мир, если Советскому Союзу удастся распространить свое господство на Европу и свое влияние — на другие части света. "Истребление высших классов и всех носителей культуры, дышавших воздухом свободы и не желающих от него отказаться. Массовые казни в первые годы, каторжные лагеря на целое поколение. Закрепощение всех профессий на службу всемирному государству. Управление им, централизованное в Москве, при фиктивной независимости федеративных наций". (Сб. "Россия и свобода", стр. 205—206).

По мнению автора "Судьбы империй", Российская империя, если бы она шла общим путем развития европейских государств XX века, тоже постепенно перестроилась бы в подлинную, а не фиктивную федерацию народов. В 1917 г. демократическая интеллигенция, полгода управлявшая Россией, сделала важные шаги на этом пути. Однако в обстановке военного крушения федерализм оказался нежизнеспособным. С

победой большевизма в Велikorоссии народы, составлявшие Российскую империю, "побежали от нее как от чумы" (стр. 215). Большевики силою оружия собрали империю обратно и, как железным обручем, держат ее распадающийся состав. Этого мало. Конституция СССР декретировала государственную форму, способную к бесконечному территориальному расширению. Юридически такая система тоже является федерацией, хотя на деле означает тоталитарное закрепощение. Но загнав в подполье национальные движения, режим добивается того, что на окраинах накапливаются центробежные силы, которые ждут случая, чтобы взорвать псевдофедеративную империю.

Для самого русского народа, который некогда создал эту империю, а теперь остается ее гегемоном, она превращается в непосильное бремя. Войти в свободную федерацию демократических народов Европы мирным и безболезненным путем (но как?) значило бы для России дожить до дня освобождения. "Она обеднеет, — пишет Федотов, — но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое. Ее военный потенциал сократится, но он потеряет смысл при всеобщем разоружении... Даже чувство сожаления от утраты былого могущества будет смягчено тем, что никто из бывших соперников в старой Европе не займет ее места. Все старые империи исчезнут... Освобожденная от военных и полицейских забот, Россия может вернуться к своим внутренним проблемам — к построению выстраданной страшными муками свободной социальной демократии" (стр. 219).

Возможен, впрочем, и другой сценарий: вместо федерации европейских демократий новая византийская империя на основе коммунистического лагеря. "Только она покроет своей порфирой не одну Россию. Половина Европы уже вовлечена насильственно в орбиту России. В остальной половине коммунисты и их попутчики работают усердно, хотя и бессознательно, на пользу грядущей Византии." ("Запад и СССР". Сб. "Россия и свобода". Нью-Йорк 1981, стр. 236).

Распад христианского сознания

Но главная опасность для демократического мира таится в нем самом, в его потере веры в себя. Глубинный источник этого кризиса лежит в области духовной культуры, хотя кризис распространяется и на социально-политические, и международные отношения. Причина, по Федотову, — размывание того камня веры, на котором некогда была основана цивилизация Европы. Вера эта обладала колоссальными потенциями, самый ее распад на протяжении нескольких веков сопровождался высвобождением огромных творческих сил, так что с середины девятнадцатого века европейская цивилизация, уже достаточно секуляризованная, безраздельно господствовала на трех континентах. Пускай христианство перестало быть ее главным вдохновением. Мировоззренческой основой европейской культуры XIX и начала XX столетий был гуманизм, который Федотов определяет как иудео-христианский этический минимум, разбавленный нехристианским гедонизмом. Причем в этом сплаве некоторые собственно христианские ценности, такие, как культура свободы и сострадания, достигли цветения, какого не знала ни одна из древних и более религиозных эпох христианской истории.

Европейская цивилизация имела основания считать себя цивилизацией вообще. Европейская наука и техника неудержимо шагали вперед. Социальное и политическое освобождение низших сословий и целых народов, рост благосостояния масс сделал Европу руководителем человечества. Но мало помалу Европа стала забывать о христианском происхождении своих ценностей. И сама вера, и христианское сознание испарились из духовной и интеллектуальной жизни старого континента, уступив место релятивизму. Релятивизм же в мире ценностей есть начало распада и смерти. Он порождает духовное безволие, которое страшней самых острых недугов. Приведем еще несколько выдержек

из статей Г.Федотова. "Во второй половине XIX века все оценки "благонамеренных людей" начинают приобретать относительный характер. В начале века Истина (или Наука), Свобода, Справедливость, Красота были абсолютами, в которых светились отблески заходящего солнца религии. В конце века то были уже относительные теории или условные нормы. Демократия или правовое государство — удобная форма для нашего цивилизованного общества. Но, может быть, деспотизм вполне пригоден для менее цивилизованных наций... Нам нравятся классические картины и статуи наших музеев; но есть другие формы искусства — древние и экзотические, может быть, не менее прекрасные. Наша этика хороша для нашей экономической и социальной системы; этика канибалов пригодна для их примитивного хозяйства, и т.д." (Сб. "Россия и свобода", стр.223). Крушение веры и основанного на ней мировоззрения вместе с утратой абсолютных моральных и эстетических критериев выбивает почву из под ног, лишает ориентации в духовном мире и заставляет прислушиваться ко всякому постороннему пророческому голосу. "Что влечет европейскую душу к религиям Индии и вообще Востока, это свобода от чувства греха и личной ответственности, блаженное слияние с космосом и утрата постылого и большого "я". Пантеизм Востока уничтожает самое сознание личности, находящей себя в нравственной борьбе. Личность — это самый нерв иудео-христианского религиозного сознания. Отказ от нее означает тайную волю к самоубийству; влечение к пантеизму есть тоска по безболезненной, анестезированной смерти, экстазии" (там же, стр. 225).

Три условия торжества свободы

Кризис христианского сознания, ценностный релятивизм характерен и для Америки, культура которой, по мнению Федотова, носит черты странного раздвоения. "Она одновременно и наиболее отсталая, и наиболее передовая страна. Официальная Америка и огромное большинство ее народа живет в наивный и счастливый век, соответствующий Европе не то XVIII, не то XIX столетия. Она полна упоением собственных сил и возможностей. Она хочет наслаждаться жизнью и из обрывков гуманитарного христианства и своей конституции творит себе веселую религию доброго гедонизма, с обязательной улыбкой и забвением смерти. Не помня о христианском происхождении своей демократии и все еще празднуя освобождение от недавно властвующего пуританства, Америка в своей антихристианской школе и науке подрывает основы собственной жизни. Этой цели служат и "прогрессивное воспитание", и три кита, на которых держится американский университет: антропология, психология и социология. Америка не имеет серьезной философии, которая могла бы задержать на метафизической и этической ступени религиозный декаданс" (там же, стр. 227—228).

От этих размышлений Федотов переходит к теме "пятой колонны" в западном обществе. Чем объяснить, что на огонь, зажженный русской революцией, продолжают слетаться "бабочки старого мира, чтобы сжигать на нем свою совесть и крылья"? Почему западных левых и сочувствующую им значительную часть западной интеллигенции не пугает ни кровавый кошмар красного террора, ни тоталитарное удушение свободы и культуры, ни надругательство над личностью? Ответ, как кажется философу, прост. Сочувствие революции не есть положительная эмоция, которая питается этическимиображениями и гуманными порывами души, заботой об униженных и оскорбленных, как было когда-то, когда революционное движение в самом деле вдохновлялось пафосом освобождения. Ненависть к капитализму, которым живет значительная часть современной интеллигенции, отнюдь не означает ненависти к экономической эксплуатации и уж подавно не означает сострадания к человеку-работнику. "Капитализм — это символ всей современной цивилизации, механической и бездушной, обесчеловечившей челове-

ка; в последнем счете, для современной души ненависть к капитализму есть ненависть к самой себе... В России чтут огромную разрушительную силу, способную взорвать на воздух старый мир" (там же, стр. 228–229).

Следовательно, заключает Федотов, обновление духа Европы и новая закалка воли для создания федерации свободных народов должны черпать силы в религиозной вере и европейском же христианском наследии. Сам по себе интернационализм современного капитализма еще не является силой, достаточной для консолидации Европы. Не он произвел европейскую цивилизацию, но сам был ее порождением. Единство европейской культуры не есть следствие современного вавилонского смешения языков и не представляет собою продукт индустриально-технического века. Нет, это единство уходит в глубину католического средневековья и еще дальше — в единство неразделенной Церкви, колыбели европейской и византийско-русской культур. Свобода западного общества, вне которой невозможно движение за свободную федерацию, не сводится к буржуазной свободе хозяйства и научной свободе исследования, а также к вытекающим из них политическим свободам. Корни европейской свободы уходят в христианское средневековье и Реформацию. Почва, питающая свободу, на последней глубине, — это Евангелие.

Федотов называет три условия, необходимых, чтобы свобода западного мира победила и утвердилась в мире. Это возрождение религиозного начала, которое способно ограничить, обуздать и исправить притязания государства. Это раскрытие абсолютного начала как религии личности и свободы. И, наконец, ограничение суверенитета национальных государств: сверху международным союзом, снизу — федеративными и автономно-групповыми образованиями, возвращающими общество, в более совершенных правовых формах, к началам его юности. "Последняя борьба за свободу происходит в глубине духа. Здесь даются сражения, почти невидимые для современников, но исход которых определит судьбу мира через столетие". ("Запад и СССР", *op. cit.*, стр. 245).

Эпилог

Мы проследили развитие концепции единства России и Европы в русской религиозной мысли, начиная с ее пробуждения в Чаадаеве и славянофилах до поколения мыслителей, сформировавшихся накануне революции.

Первое, что бросается в глаза, — это преемственность основных идей, оценок и настроений. Русское религиозное самосознание неразрывно связано с проблемой Запада и места России среди западных наций. При этом критика Запада есть прежде всего критика определенных начал современной европейской цивилизации, которые стали частью и самой русской жизни. Можно согласиться с отцом Василием Зеньковским, что само по себе противопоставление России Западу изжило себя и снято историей. В сущности, оно выступает ныне как глубокое расщепление внутри русского духа. "Безбожие и религиозный дух, нигилизм и положительное строительство, революционизм и традиционализм — все это уже внутри самой России привело к распаду, разрешилось в трагическую остановку творческой жизни. Задача внутреннего синтеза делает поэтому невозможным, фальшивым отгораживание себя от Запада... Все яды отравили нас, все добрые течения вошли в нас..." (*В. Зеньковский. Русские мыслители и Европа. Париж 1955, стр. 274*). Русская религиозная мысль озабочена судьбой Европы и не мыслит России в изоляции от Европы. При этом трактовка темы России и Европы не является статической; в своем развитии она отражает не только эволюцию национального сознания, но в известной мере и развитие европейской политической мысли и практики.

Было бы преувеличением сказать, что русская религиозная мысль опережает западноевропейскую. Но нельзя сказать, что она и сильно от нее отстает. Во времена Владимира Соловьева мало кто в Европе, переживавшей подъем местного национализма,

всерьез задумывался об ограничении суверенитета государств и создании европейской федерации. В философской и публицистической деятельности Бердяева, расцвет которой совпал со временем между двумя мировыми войнами, эта мысль начала пробивать себе дорогу. Возникла Лига Наций. Тот факт, что свободная русская мысль заговорила об этом же, свидетельствует о ее внутренней тенденции развиваться в одном направлении с европейской политической мыслью.

Наш краткий очерк не стремится показать несуществующее – развитую в русской религиозной философии политическую систему федеративного устройства Европы. Но мы надеемся, что сумели продемонстрировать ту линию мысли, которая ни в коей мере не противоречит этому процессу, но наоборот, приветствует его и вносит в него свой сильный вклад.

Можно задать вопрос: а что же дальше, каково дальнейшее идейное участие русских в европейской федерации? Федотов, последний из рассмотренных нами мыслителей, уже в конце 40-х годов указал на тенденцию к глобальному разрастанию тоталитарной империи, новой коммунистической "Византии", Pax Sovietica. С другой стороны, возникновение национального сопротивления в странах Восточной Европы заставляет нас гадать, в каком направлении развивалась бы мысль Федотова о дальнейшей интеграции Европы. Нетрудно заметить, что в странах, насильственно включенных в советскую военно-политическую и экономическую системы, все сильнее проявляются прозападные тенденции. Растет стремление народов этих стран добиться демократизации, соблюдения прав человека, религиозной свободы, восстановления многопартийной системы. В общем сопротивлении тоталитаризму возникает солидарность между народами этих стран, в прошлом часто враждовавших между собой. Они оказываются в состоянии забыть старые взаимные обиды и преодолеть национальный партикуляризм. Не сумеют ли они в таком случае повлиять на народы самого Советского Союза, с которыми их связала общая судьба? Не окажется ли в конечном счете Восточная Европа троянским конем для советской империи? Размышления на эту тему выводят нас за пределы этой статьи. ●

ИЗ ГАЗЕТ

НЕ РАНО ЛИ?

*Но мы ведь очень молоды,
Нам тысяч пять лишь лет,
Затем у нас нет складу,
Затем порядка нет.*

А.К.Толстой.
"Баллада о мандарине"

Острой новизной были проникнуты слова первого секретаря Кемеровского областного комитета партии Н.С. Ермакова, с которыми он обратился к участникам состоявшегося 6 февраля пленума Ижморского райкома партии:

– От имени бюро обкома обращаюсь к вам, товарищи, с предложением провести сегодня выборы по-новому.

...Мы оглянулись в зал. Нет нужды лукавить, утверждать, что в нем, дескать, царило изумление. Никаких тайн из подготовки пленума не устраивали, и большинство собравшихся уже знали, что он будет необычным. Но что правда, то правда: на лицах многих явственно читался один и тот же вопрос: "Не рано ли?.."

В самом деле, не рано ли? Готовы ли коммунисты психологически к таким выборам? Не опережает ли обком событий? Нет ли здесь излишней поспешности, самоцельного желания забежать вперед, перескочив через ступеньки?

"Советская Россия"
10 февраля 1987 г.

Майя КАГАНСКАЯ (Иерусалим)

МИФ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА,

или Россия во мгле

ЧАСТЬ II

Пятиконечная свастика

К концу семидесятых годов Иван Ефремов, уже покойный, стал признанным классиком научной фантастики. Неудивительно, что новая группа писателей-фантастов объявила его своим учителем, а себя — школой Ефремова. Литературная продукция "ефремовцев" заметно отличается не только от НФ шестидесятых годов, но и от творчества других авторов-фантастов нового поколения, не принадлежащих к этой группе.

Ефремовские ученики легко опознаются по особой, зыбкой атмосфере, присущей их произведениям, с намеренно размытой, почти не поддающейся пересказу фабулой. На неподготовленного читателя иные из этих текстов могут произвести впечатление чуть ли не параноидного бреда: аморфность повествования, неясные намеки, множество частично раскавыченных цитат, перегруженность именами великих творцов прошлого и настоящего (философов, поэтов, художников, композиторов), притом что все это культурное изобилие странным и тягостным образом сопровождается дурным, подчас безграмотным русским языком и отсутствием собственно литературных достоинств. Отличает авторов данной группы и то, что обычный для НФ интерес к будущему вытеснен интересом к прошлому, прежде всего — отечественному. В таком сдвиге, впрочем, нет ничего особенного: для мировой Science Fiction этого времени тоже характерно внимание к культурологии и культурной антропологии. Существует и более близкий, существенный для "ефремовцев" фон: острый интерес к отечественной истории в нынешней русско-советской культуре, как официальной, так и диссидентско-эмигрантской (историческая романистика В.Пикуля; празднества по поводу 600-летия Куликовской битвы и 800-летия "Слова о полку Игореве"; незатихающая общественная кампания в защиту исторических памятников; многотомная эпопея Солженицына "Красное колесо", воссоздающая русскую политическую и социальную историю начала нашего века, и многое другое). Интерес этот небескорыстен: в рамках официальной советской культуры он дал возможность консолидироваться русской националистической и откровенно шовинистической общественности, а за пределами советской культуры — противопоставить русскую историю погубившей ее советской.

Но в отличие от националистов и полуофициального, и диссидентского толка, "ефремовцы" озабочены не столько историей, сколько сумерками предистории. Архаика привлекает их не тем, что предоставляет возможность возместить художественным воображением скудость научных данных, но скорее как полигон для испытания и воплощения историософских концепций, которые невозможно развивать на имеющемся историческом материале. Говоря о концепциях, мы имеем в виду сюжетное разнообразие. Центральная историософская идея, собственно, одна и та же и в общем виде сводится к элементарной манихейской схеме: борьба Сынов Света с Сынами Тьмы.

Герой написанной от первого лица повести Ю.Медведева "Куда спешишь, муравей?" (сборник "Фантастика-80", 1981), автогонщик по профессии, русский по национальности и мистик по убеждениям, обладает неслыханной — во всяком случае, для советского человека — свободой передвижения и мышления. Посещая разные страны и континенты, он всюду наталкивается на заботливо для него приготовленные доказательства существования неких парафизических и парапсихических сил и вмешательства их в человеческую историю. Он приходит к выводу о реальности генетической памяти. Человечество владеет наследственным знанием, добытым предками не без помощи космических пришельцев. Герою противостоит Тим Андрогин, кандидат химических наук, унылый рационалист с "выпирающим брюшком, анекдотцами и одуловатым лицом". Духовный конфликт осложнен деликатным обстоятельством: скучный химик отбил у романтического автогонщика любимую девушку и женился на ней. Брак оказывается неудачным; в остром мировоззренческом поединке героиня (Лера) всецело на стороне автогонщика; она тоже верит в тайные генетические знания, вещицы сны и летающие тарелки, более того, помнит, что в предыдущем воплощении была ведьмой. В нынешнем ей повезло еще больше: она встречается с инопланетянами.

Тим Андрогин внушает отвращение не только своим самодовольным позитивизмом, но и внешне: у него, в дополнение к выпирающему животу, "черные выпуклые глаза, увенчанные тяжелыми веками", убийственный, "как наваха", взгляд; нос у него "внушительный", и разговаривает он с "наигранной скорбью"; покуда Лера самозабвенно любит горным тюльпаном, Тим "покусывает стебелек дикого чеснока". На эту деталь стоит обратить внимание: семиотика чеснока и чесночного запаха хорошо известна.¹ Ссора между Андрогиним (Андрогиним?) и Лерой кое-что проясняет. Тим пеняет своей жене, почему она сохранила девичью фамилию, не пожелав стать гражданкой Андрогининой.

"Я напряженно ждал ее ответа. Как никто другой, я знал, почему Лера не переменяла фамилию. Но она предпочла отшутиться:

— Чтобы не покушаться на твоё наследственное величие, Тимчик. А заодно и на фамильные драгоценности твоих сородичей. Так-то, Андрогин..."

Несколько ниже о Тиме Андрогине говорится: "Его привычка все осмеивать, все пародировать, надо всем острить — не прихоть, а жизненная потребность. Это его пища. Без нее он не сможет существовать вообще. Как не смог бы сочинять свои залихватские статьи в периодике без раскавычивания чужих цитат, без переваривания и перевираания чужих мыслей. Он поглощает чужое, а получается вроде бы свое. И в этом, только в этом секрет несокрушимости кандидата химических наук".

Наконец, решив, что он достаточно истомил читателя, автор выкладывает карты на стол: "Я ничего не стал объяснять существу, на чьем лице (и это прозорливо отметил мудрец) виднелась вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечаталась на всех без исключения лицах, подобных Тимчикову лицу". Читатель без труда опознает в этой характеристике почти буквальную цитату из романа Достоевского "Преступле-

¹ Сравним следующий отрывок из воспоминаний С.Липкина "Сталинград Василия Гроссмана" (1986):

"Вот так мы сидели как-то в жестокую пору борьбы с космополитами на все той же скамейке. Гроссман пошел на угол к табачному киоску, и в это время к нам приблизился шаркающей походкой профессор-стихолоб, милейший старик Иван Никанорович Розанов и сказал, широко улыбаясь, показывая длинные редкие зубы: "Чувствуете, как воздух очистился, чесноком стало меньше пахнуть", — и удалился, опираясь на палку. Видимо, он по старости забыл о моем происхождении. Когда Гроссман вернулся с папиросами, я рассказал о происшедшем. Гроссман сначала ошелев: "Такой чудный старик", потом набросился на меня и Платонова, кричал, как это мы не нашли ответа на противные слова, покорно их выслушали, матерился. Платонов вяло говорил: "Брось, Вася", но был смущен. В "Жизни и судьбе" фразу Розанова произносит старик-педагог".

ние и наказание”: ”На его лице виднелась та вековечная брюзгливая скорбь, которая так кисло отпечалась на всех без исключения лицах еврейского племени”.

Другой ”ученик” той же школы, Вяч.Назаров, в повести ”Силайское яблоко” (включенной в сборник произведений автора ”Зеленые двери Земли”, 1978) применяет еще более сложную и разветвленную систему иносказаний с расистским подтекстом. Политически противостоящая всему идейно-художественному комплексу НФ 60-х годов повесть Назарова имеет и вполне конкретный объект полемики – широко известную повесть братьев Стругацких ”Трудно быть богом”. Назаров воспроизводит сюжетную схему Стругацких. Действие перенесено на планету с отсталым – по сравнению с коммунистической Землей – социальным строем; диктатор, именуемый ”Великим Кормчим”, чертами биографии и личности напоминает не Мао Цзедуна, но И.В.Сталина. На планету с исследовательской и агентурной целью прибывает посланец Земли Иннокентий Шанин, инспектор Службы Безопасности, сибиряк. Как и в повести Стругацких, герой книги Назарова сталкивается с ”революционной ситуацией”, переходящей в революцию. Ход ее, однако, противоречит принятым на Земле представлениям об исторических закономерностях: у Стругацких, как мы помним, полупросвещенная монархия гибнет в результате фашистского путча ”серых” (городской черни), за спиной которых стоит ”орден черных”; итог событий – безжалостная диктатура теократического типа.

В.Назаров подхватывает идею заговора, неосмотрительно подброшенную Стругацкими. В ”Силайском яблоке” таинственный и могущественный Орден пронизательных оказывается не только пружиной фабулы, но и движущей силой истории. Режим, воплощенный в образе Великого Кормчего, – лишь видимость. Подлинной властью обладает Орден пронизательных, который использует мнимого диктатора как подставное лицо. И революция, и гражданская война возникли не в результате подлинных социально-политических противоречий (как в повести Стругацких), но исключительно по причине развернутой Орденом подрывной деятельности: в волнах смуты ”пронизательные” захватили власть над планетой, лишь номинально возглавляемой Великим Кормчим.

Короче говоря, перед нами – картина всемирного заговора коварных интриганов, культурно и этнически чуждых ”коренному населению”, захвативших власть с целью эксплуатировать это население. Автор ”фантастического памфлета” (так Вяч.Назаров определяет жанр своей повести) снабжает членов Ордена пронизательных приметам, которые не должны оставить у читателя сомнений насчет того, о ком именно здесь идет речь. Наиболее яркая черта – язык. ”Дорогой Окси! Ты имеешь крепкий лоб, а мы имеем выгоду с тобой дружить” (записка ”пронизательных” диктатору). ”Береги нервы... Я имею желание согласиться на твое предложение” (разговор члена Ордена с агентом Земли). ”Лиричка! Вставай, детка, мы стали с тобой за счастливых людей, – мы имеем дорогих гостей!” – ”Ты же имеешь хорошую память, Тирас!.. Ты иди, иди, а я с младенцем имею желание сказать пару слов” и т. д. Напомним, что в русской литературе имеется определенная традиция ”русско-еврейского” языка. Каким образом используется этот язык, зависит от идеологии писателя: одни и те же местечковые обороты создают отрицательный образ у Достоевского, нейтральный – у Чехова, иронический и романтизированный – у Исаака Бабеля. Легко заметить, что именно на бабелевские приемы воссоздания ”еврейского диалекта” русского языка и ориентировался В.Назаров (ненависть к ”южно-русской школе” и в особенности к Исааку Бабелю – одна из самых воспаленных тем националистической критики).

Снабженный с первых же страниц лингвистическим прибором, не менее точным, чем счетчик Гейгера, и ”словесным портретом” преступника, читатель повести Вяч.Назарова уже с полным пониманием того, где и в ком автор видит ”угрозу заражения” своей планеты, воспринимает такие, например, характеристики ”пронизательных”: ”Практически весь государственный, весь административный аппарат – сплошные проники”; ”они бес-

форменны и всепроникающи...”, ”проники — добрых девяносто процентов городского населения”. Если прибавить к этому захватывающее описание несметных богатств, награбленных одним из членов Ордена (ковры, картины, бронза, хрусталь, золото, пуфики, диваны) и тайно хранимых на загородной даче, мы получим полный набор мифологем, широко распространенных в советском обществе; расшифровывать их смысл нет необходимости.

Не следует, однако, думать, что расизм автора повести ”Силайское яблоко” исчерпывается такими мелочами, как загородная дача или ”крючконосое лицо” его персонажей. Ученик Ефремова, В.Назаров тоже культуролог и философ; мотив метафизического Мирового Зла звучит у него не менее громко, чем мотив всемирного заговора. Как и в предыдущей повести, этот мотив вводится с помощью слегка завуалированной цитаты:

”— Что же ты замолчал, Тирас? Продолжай. Где брат наш Горон?

— Разве я сторож Горону?”

Угадать источник легко: ”И сказал Господь Каину: где Абель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?” (Бытие, 4, 9). Но стоило автору ввести в игру Ветхий Завет, как становится понятной еще одна тайна. Для этого в слове ”Силайское” нужно заменить букву ”л” на букву ”н”. Печальная судьба человечества, неосторожно вкусившего от ядовитых иудейских плодов просвещения — вот ”метафизический” смысл и мораль повести Вяч.Назарова.

Политизированный оккультизм и черносотенная гностика произведений Ю.Медведева и В.Назарова кажутся вершиной художественности по сравнению с еще одной книгой этой же школы — романом Владимира Щербакова ”Чаша бурь” (1985).

Сюжет его таков: на Земле происходят непонятные и жуткие вещи. Археологические экспедиции, ”обнаружившие бесспорные памятники ряда древних цивилизаций (Атлантиды, этрусской, крито-микенской), при последующих посещениях мест находок не находят ничего”. За участниками экспедиции и прежде всего главным героем книги Саниным кто-то следит. В голову Санина закрадывается подозрение: уж не болен ли он психически? Его сомнения разрешает Ирина Латышева, которая на самом деле не Латышева, а Реа, посланница высокоразвитой космической цивилизации. Она объясняет герою, что против него, против мировой науки и всего прогрессивного человечества составлен космический заговор. Реа не случайно взяла себе русское имя: раса, которую она представляет, произошла от того же древнего корня, что и русская нация, — от этрусков. После гибели Атлантиды их общие высокоразвитые предки поселились на планете одной из далеких солнечных систем. Космическая Этрурия — небесная покровительница нынешней России. Но, кроме друзей, у нашего народа есть не менее древние и могущественные недруги. Они тоже потомки землян, оказавшиеся в космосе (но на другой планете) в результате той же катастрофы. Это атланты, извечные враги этрусков и их земных потомков.

”Незаметно, подспудно, — рассказывает Реа потрясенному герою, — они изучают ваши и наши слабости, проникают всюду, куда только дотягиваются их руки, и тогда в цепи обыденных событий появляется звено, которое подготовили они, атланты, и которое означает удар в спину, провал, предательство. И все это делается нашими руками... Они принуждают других работать во имя своих интересов”. И, наконец, самое страшное: ”Они хотят лишить тебя памяти”.

Речь идет не об индивидуальной памяти Санина, но о коллективной памяти его народа. В глубинах этой памяти дремлет знание о том, что вся история человечества стоит под знаком глобального доисторического конфликта двух рас, этрусков и атлантов. Этрусски — это не просто этрусски, какой-то неведомый, бесследно исчезнувший народ, — а русо-этрусски. Чтобы убедиться в этом, достаточно отбросить в слове ”этрусский” первый слог. Именно они создали римскую цивилизацию, точнее, все лучшее в ней: ”музы-

кальные инструменты, ростр и якорь, театр, горное дело, керамику и металлообработку, траволечение, мелиорацию, города в Италии, искусство гадания, капитолийскую волчицу..." Этрусский язык на самом деле – русский: например, имя Титус (Тит) соответствует русскому "дед" (еще лучше было бы вспомнить украинское "дід"!).

А что делали атланты, пока русо-этруски создавали цивилизацию, траволечение и капитолийскую волчицу? Они "хотели завоевать мир и превратить людей в рабов". Вот тут-то поднялись "праславяне-русы... и разбили войско атлантов". Память об этом и хотят вытравить из сознания человечества атланты. Поэтому они крадут памятники древнейших культур; иначе глазам людей откроется истинная причина бед, постигших человечество. Учитель главного героя, профессор Чиров сумел разобраться в древних пророчествах и предостережениях, однако его бесценный архив похитили пособники и агенты космических злодеев, потомки атлантов, но не тех, кто улетел, а тех, которые, как выясняется, с далеко идущими целями были оставлены на Земле... Как же теперь разобраться в этническом месиве, наполняющем нашу планету? Кто чей потомок: кто этрусск (носитель Добра), а кто атлант (агент Зла)? В книге В.Щербакова в этот вопрос внесена полная ясность. Человечество делится на голубоглазых блондинов и черноглазых брюнетов. У брюнетов "затененные, набухшие, как бы натруженные веки" и выпуклые глаза, которые "находятся как бы перед лицом" (вспомним "черные выпуклые глаза, увенчанные тяжелыми веками" у Тима Андрогина из повести Ю.Медведева). Не менее важным опознавательным признаком является нос: "лица с высокой спинкой носа – это потомки атлантов, лица со средней спинкой носа – это тип этрусский".

Невозможно пересказывать весь этот бредовый роман. Ограничимся еще одной любопытной цитатой. В книге упомянут некий шансонье по имени мсье Легран. "Под интимно-задумчивый аккомпанемент гитары Легран пел о том, что невысокого светловолосого человека из Назарета казнили традиционным римским способом, а фэры и садика бессмертны". Французский певец и композитор Мишель Легран хорошо известен в СССР и благодаря гастролям, и как автор музыки к популярным фильмам Клода Лелюша "Шербурские зонтики", "Мужчина и женщина" и "Девушки из Рошфора". Тем не менее массовому советскому слушателю и зрителю неизвестна роковая тайна Леграна: он еврей. Как поведать об этом читателям "Чаша бурь"? В последней части романа (когда появляется "мсье Легран") точки над *i* уже поставлены: русо-этруски – благородные блондины и героические строители истории, римляне же – скорее отрицательный элемент, так как сильно "проатлантидены". Христианство, стало быть, расово чистая, этруская религия, основоположника которой загубили объединенными усилиями римляне, саддукеи ("садика") и фарисеи ("фэры"). Для недогадливых читателей, не сразу уяснивших, что смерти назаретского блондина певец противопоставляет бессмертие саддукеев и фарисеев не с горечью, но с торжеством, В.Щербаков заготовил подсказку-цитату. Герой романа Санин называет мсье Леграна "французом из Бордо". Со времен Грибоедова ("французик из Бордо") такое обозначение может иметь лишь уничижительный смысл. Ясно, что мсье Легран – "не наш", "плохой". А "не нашими" и "плохими" в "Чаше бурь" могут быть только атланты, равно как нашими и хорошими – только русо-этруски. Промежуточных персонажей в романе нет. Добавим, что заезжий гастролер покушается на невесту героя, дивную белокурую этруску, и, конечно, проигрывает, как проиграл мужественному герою представитель "силайского" племени в повести Ю.Медведева; эротическое соперничество как символ борьбы за чистоту и душу расы – вообще навязчивая идея "ефремовцев".

Спрашивается, откуда взялся у В.Щербакова мотив космического Зла, воплощенного в атлантах-иудеях? Почему тут атланты? Хотя Атлантида со времен Платона входит в антологию европейских мифов, а в мистическом гнозисе играет роль сакрального символа и источника "тайного знания", ни в культурной, ни в оккультной традиции никто не связывал ее с еврейством; более того, Атлантида всегда выступала в позитивном контексте, как один из утопических образов утраченного рая и знания.

Первый (и пока, кроме Щербакова, последний), кто произвел революцию в этой области, был мистик и теософ Макс Хейндел. Достаточно сравнить его книгу "Космоконцепция розенкрейцеров" (1909) с "Чашей бурь" В.Щербакова, чтобы обнаружить источник вдохновения нашего автора. Именно Хейндел "вывел" евреев из Атлантиды в эпоху, когда, по его сведениям, "человеческими существами руководила скорее хитрость, нежели разум". Далее он рассказывает о том, что евреи-атланты рассеялись по всему свету, "передав, таким образом, худшую кровь своим потомкам, которые по расовым причинам не сумели перейти от стадии хитрости к стадии Разума". Эта стадия, согласно "космоконцепции розенкрейцеров", должна быть воплощена в текущую (пятую, по их подсчетам) эпоху усилиями противоборствующей арийской расы.

Поиски онтологического врага Святой Руси ведутся и в окрестностях НФ, где в течение последнего десятилетия произрос новый небывалый жанр историко-фантастического повествования. Хотя в произведениях этого жанра, как правило, отсутствуют традиционные признаки НФ (звездолеты, инопланетяне и т. п.), их стыдливо помещают в сборниках фантастики и приключений, как бы заранее ограждая себя от претензий читателей и гнева историков.

Писатель Андрей Серба взял в качестве сюжетной основы для своей повести "Никакому врагу" (сб. "Искатель", 1982) драматический эпизод из истории Киевской Руси. Княгиня Ольга стремится отомстить древлянам, убившим Игоря, и одновременно укрепить и возвысить Русь. Три силы в повести А.Сербы пристально наблюдают за русскими делами и вмешиваются в них: византийцы, варяги и хазары. Наиболее опасны хазары. Вот как излагает их цели один из клевретов кагана в разговоре со своим агентом, которого он посылает в Киевское княжество с диверсионно-шпионским заданием: "Русский князь Игорь убит своими подданными... И потому неминуемы междоусобицы и смуты. Реки крови ждут Русь... Только мы имеем право владеть миром, все остальные народы существуют для того, чтобы жили мы. Таков удел славян, этого многочисленного и сильного племени. Победить их в открытом бою невозможно, это не удалось еще никому. Но сейчас, пока на Руси нет князя, они слабы и легко могут стать нашей добычей. Для этого я и посылаю тебя к русам... Мы, сыны истинной веры, станем головой русов, мы будем их хозяевами. Пусть работают славянские руки и ноги, пусть гнутся и трещат славянские спины — они будут трудиться для процветания богом избранного народа. Такова воля кагана". Снабженный этой инструкцией, иудейский лазутчик не останавливается ни перед чем: сеет раздоры между княжеским двором и дружинниками (между властью и "гражданами"), разлагает, развращает, продает и предает, пока суровая рука Немезиды в облике простого киевского воина не настигает его: шпион схвачен, засунут в рогожный куль и заживо утоплен в Днепре. Причем князь Ярослав, не только храбрый, но и мудрый, не разрешает своим гребцам сразу отплыть от места казни: "Подождем, — говорит он, кладя к себе на колени лук. — Это такая порода, того и гляди выплывет". Выражение "такая порода" — пароль, хорошо знакомый советскому читателю.

Повесть А.Сербы завершается величественным эпилогом: сын Ольги, будущий киевский князь Святослав, в сопровождении верной дружины, плывет в ладье по Днепру. "Что видится ему, будущему великому полководцу, походы и деяния которого современники будут сравнивать с делами и подвигами Александра Македонского? Могучие русские дружины, которые вскоре поведет он освобождать последние славянские племена, еще страждущие под властью иноземцев? Кровавые сечи на берегах Итиля и Саркеля (хазарские названия Волги и Дона. — *М.К.*), когда под ударами его непобедимых дружин рухнет и навсегда исчезнет вековой враг Руси — Хазарский Каганат, а славянские воины распашут плугами место, где стояла его разбойничья столица?"

На последнем "видении" следует задержаться: нет никаких исторических данных, указывающих на то, что столица Хазарии — Итиль — после взятия и разрушения была еще и распахана. Вопрос о том, что доказательства захвата Итиля Святославом вообще

отсутствуют, мы оставляем в стороне. И все же эта живописная деталь действительно позаимствована из архива мировой истории: римляне пропахали борозду на месте Карфагена, и не славянские, а римские воины разрушили другую столицу, Иерусалим, и распахали место, где он стоял.

“Художественный перенос” этого римского жеста в славянские просторы в повести А.Сербы должен открыть читателю метаисторический смысл описанных в ней событий: Кивская Русь и Россия вообще — это “инкарнация” Римской (вообще мировой) империи; Хазарский каганат — “новая (но и вечная) Иудея”, лишь географически смещенная в евразийские степи, а хазары — попросту псевдоним евреев.

Недостаток места вынуждает нас ограничиться разбором произведений лишь четырех названных авторов. На первый взгляд может показаться, что перед нами разрозненные и никак не согласованные между собой расистские эмоции, которые обретаются на периферии мировоззренческих страстей авторов и не формируют их идеологию. Не исключено, что для Ю.Медведева (“Куда спешишь, муравей?”) главное — это вера в оккультные науки, вообще в “тайное знание”, поэтому нелюбимый еврей становится носителем плоского позитивизма, а будь тот же автор страстным позитивистом, еврей оказался бы воплощением иррациональной тьмы. К извечной борьбе “мистической ночи” с “рационалистическим днем” не имеет, казалось бы, никакого отношения В.Назаров (“Силайское яблоко”), чей расизм носит скорее политический характер. Что касается В.Щербакова (“Чаша бурь”), писателя, наиболее близкого к основателю “школы” Ефремову по масштабности поставленных проблем и несколько безумному способу их интеллектуального и литературного решения, — то и здесь “образ еврея” в качестве персонифицированного Зла может быть расценен скорей как побочный продукт теософско-историософской алхимии, чем ее непосредственная цель. То же и с А.Сербой, автором псевдоисторической повести “Никакому врагу”: резко отрицательная оценка Хазарского каганата традиционна для русской и советской историографии, и нет ничего удивительного в том, что беллетрист подхватил ее, чтобы дать волю своим приватным предрассудкам, обидам и амбициям. Короче говоря, может показаться, что никакой особой группы единомышленников в научно-фантастической и близкой к ней литературе 80-х годов нет.

Сопоставление текстов опровергает этот вывод. Сравним еще одну, более раннюю повесть “прагматика” Вяч.Назарова — “Зеленые двери Земли” (1978), по видимости невинную и вполне соответствующую признакам и требованиям НФ (речь идет о цивилизации дельфинов и о контактах с нею) — с творчеством оккультного мечтателя Медведева и теософского мистика Щербакова, и совпадение мировоззренческих посылок станет очевидным. Дельфины у Назарова не просто наделены разумом, — их разум качественно превосходит наш, ибо не нуждается в логическом анализе, дискурсивном языке и прочих свидетельствах гносеологической немощи человечества. Именно на отношении к этому иррациональному идеалу строится у Назарова — точь-в-точь как у Медведева — фабульный и мировоззренческий конфликт. “Ослепительно голубоглазому” профессору Панфилову, интуитивисту и мистика, противостоит дельфинолог-еврей, унылый позитивист и бескрылый эмпирик. Сотрудники любовно называют Панфилова Паном, потому что, сообщает автор, он “очень походил на доброго славянского Духа Природы — покровителя всего живого”. (Неожиданная русификация греческого божества и превращение его в не существовавшего “славянского Духа Природы” — не следствие безграмотности автора, но принятая в “школе Ефремова” концепция, рассматривающая все индоевропейское язычество как единую религиозно-этическую систему, притом русско-славянского происхождения.) Противник же Панфилова, Вениамин Лазаревич Карагодский, словно Сальери, поверяет дельфинью гармонию унылой алгеброй “тонн и рублей”.

Существенная часть повести “Зеленые двери Земли” посвящена и проблеме, пленившей В.Щербакова, — поиску допотопных цивилизаций, исследованию их недостижимо

высокого уровня и связи с нынешним населением Земли, прежде всего с русским этносом. Как выясняется, крито-микенская культура обязана своей красотой и могуществом великодушию дельфинов. Весьма прозрачно намекается, что славяне – прямые потомки крито-микенцев. Дельфины же давно ушли “во внутреннюю эмиграцию”, ибо род человеческий предпочел мертвую логику живому созерцанию. И только русские люди еще хранят запасы древней мудрости, оттого и удалось выйти на связь с “братьями по духу” героине повести Нине, ее сыну, мальчику Юре, и профессору Панфилову, предожившему в качестве понятного дельфинам языка музыки Скрябина...

В 1984 году в США вышла книга советского эмигранта, бывшего московского литератора Петра Орешкина, под названием “Вавилонский феномен”. Тех, кто не знаком со “школой Ефремова”, концепция автора может поистине ошеломить. Вот ее суть. Лингвисты считают, что некогда существовал общий для всего человечества праязык. Какой же это был язык? Петру Орешкину удалось выяснить, что 13 тысяч лет тому назад человечество говорило по-древнеславянски и культура была древнеславянской. Установив этот факт, автор без труда читает по-русски древнейшие надписи – этрусские, египетские, древнеиндийские и прочие. Этого мало: древнеславянское человечество, по Орешкину, было прямым наследником сверхкосмической суперцивилизации, временно гостившей на Земле и одарившей ее своими представителями – протославянами. Славяне, пишет Орешкин, “сохранили во всей полноте грамматический строй, но забыли, кто они, откуда пришли, – забыли о своем славном прошлом, быть может, потому, что были слишком доверчивыми людьми...” И так далее. Предвидя трудности и непонимание, автор “Вавилонского феномена” послал его А.И.Солженицыну. Ответ знаменитого писателя не заставил себя ждать и был впоследствии помещен П.Орешкиным в качестве предисловия к своему революционному труду. В письме-предисловии Солженицын, в частности, пишет: “Могу представить себе Ваше отчаяние от предложений Вашей работы западным “славянским” специалистам. Еще независимо от истины – само направление Вашей трактовки им отвратительно и является одним из самых осудимых, что только можно придумать в современном мире... Но, во всяком случае, это очень дерзко и, несомненно, талантливо! Желаю Вам не приунуть, но преуспеть”.

Бросается в глаза тождество по меньшей мере двух исходных мифологем автора, проживающего в эмиграции, и группы советских фантастов, чьи произведения регулярно публикуются в одном из наиболее известных советских издательств – “Молодой гвардии”. (Добавим, что речь идет не просто о печатающихся авторах, но о людях, весьма именитых: В.Щербаков, лауреат Международного конкурса писателей-фантастов в Варшаве и дипломант Всесоюзного литературного конкурса имени Н.Островского, занимал пост главного редактора всесоюзного журнала “Техника – молодежи”; Ю.Медведев несколько лет заведовал отделом фантастики в том же журнале; Вяч.Назаров – режиссер-кинодокументалист, лауреат премии Красноярского обкома комсомола.) Русские как сохранившиеся в наиболее чистом виде представители “высшей” (в космическом смысле) расы – сюжет, определяющий и фантастические повести Назарова, Щербакова, Медведева, и “научную” ахиню Орешкина. Второй мотив – трагическая потеря расовой памяти. Здесь Петру Орешкину вторит вся когорта “ефремовцев”: и автор повестей “Куда спешишь, муравей?” и “Чаша терпения” (1983) Ю.Медведев, и В.Щербаков (“Чаша бурь”), и А.Казанцев (“Фаэты”, 1984), и Л.Жукова (“О свежий дух березы!”, 1981; “Прошу тебя, припомни...”, 1982). Тема расовой амнезии осложняется и обогащается мотивом злой силы, стремящейся погасить память носителей истинного знания. Намек на славянскую забывчивость мы находим и у Орешкина: наши предки, жалуется он, были чересчур доверчивы. Кто-то, стало быть, злоупотребил их доверчивостью. Кто же? “Атланты”, – отвечает Вяч.Щербаков. (“Они хотят лишить тебя памяти.”) Мы уже говорили о том, что в повести Щербакова славяне, русские и этруски – это одно и то же

(“русо-этруски”). Он же наиболее чуток к одному из самых замечательных утверждений Орешкина: именно праславяне стали реальным прообразом языческого пантеона древнего человечества. В версии Щербакова данный тезис звучит так: “Люди остались, чтобы рассказать потомкам о борьбе богов и титанов. Кто осмелится подняться против атлантов? Боги. Их звали, правда, этрусками” (“Чаша бурь”).

Примеров и параллелей такого рода можно было бы привести гораздо больше. Вывод из этого только один — вывод, важный для суждения о тенденциях научной фантастики 80-х годов: перед нами практически полный набор расистской эзотерики, то есть паранацистский миф “арийской расы”, переписанный “русскими буквами”, с заменой немцев в качестве “истинных арийцев” русскими в том же качестве. И тогда становятся понятными некоторые таинственные моменты бытования и функционирования текстов, продуцируемых “школой Ефремова”. В Советском Союзе пропаганда нацизма запрещена. Поэтому и антисемитизм как центральный тезис идеологии нацистского типа должен быть, в отличие от официального “антисемитизма”, закамуфлирован и загроможден.

Важно понять и другое: этот вынужденный камуфляж имеет — с точки зрения идеологии “школы” — самостоятельную ценность. Не забудем, что “ефремовцы” — мистики и теософы, их расизм — оккультный и гностический, а потому система шифров, символов и намеков позволяет превратить его из топорного орудия официальной пропаганды в тайное учение, эзотерическую доктрину для посвященных. Так происходит трансформация примитивного массового предрассудка в идеологию для интеллектуалов, тем более привлекательную, что она несет в себе отпечаток нонконформизма и даже оппозиционности по отношению к господствующей идеологии. Именно и только сознательная ориентация ефремовской НФ на нацистский миф объясняет внезапное явление этрусков в качестве “доисторических русских”.

Можно напомнить о том, что философ и идеолог национал-социализма Альфред Розенберг в “Мифе XX века” отводил этрускам сугубо отрицательную и зловещую роль доисторических “евреев”, что объяснялось их якобы финикийско-семитским происхождением. От этрусков, поучал своих читателей автор “Мифа XX века”, пошла вся гниль, весь декаданс и древнего Рима, и новоевропейской Италии, тогда как все лучшее на этом полуострове обязано своим появлением притоку нордической германо-арийской крови. Объявляя войну немецкому нацизму — войну за обладание почетным титулом истинного арийства, — ученики Ефремова, так сказать, переписали этрусскую главу сочинения Розенберга (отсюда, например, нелепое утверждение В.Щербакова в “Чаше бурь” о том, что Арминий Германец, боровшийся с римлянами, был этруском).

Примечательная черта этого массированного воскрешения арийских предков и нацистских “отцов” заключается, по нашему мнению, в его спонтанном и самостоятельном характере: оно выработано обществом, а не спущено “сверху”. Научная фантастика в этой ситуации — не более чем удобная этикетка, наклеенная на контрабандный товар, маска, скрывающая жутковатую физиономию, которую по разным причинам не решаются открыть.

Фантастика 60-х годов была своеобразным ответом на реальную ситуацию, она приучила читателей рассматривать и переживать проблемы своего социума и в прямой перспективе будущего, и в обратной перспективе прошлого, она ввела космос в историю как символ времен и пространств, в которых действует ответственная, осознающая себя личность.

Фантастика “ефремовцев” в 80-е годы — в той мере, в какой она заявляет о себе как о литературе, — это прежде всего и в прямом смысле слова реакция на фантастику 60-х, и, как всякая реакция, она использует достижения своего антагониста, его методы пропаганды и приемы борьбы. Она сохранила тот общественный диссидентский фонд, на который опирались “шестидесятники”, только в те годы фонд (и фон) был либераль-

ным и демократическим, а теперь стал националистическим и религиозным, точнее, псевдорелигиозным. Наличное состояние общественного сознания и есть реальное обеспечение фантастики "ефремовцев".

При всей тревожной неожиданности этой паранацистской вспышки в самой, так сказать, сердцевине советского общества, в рамках и под прикрытием его официальной, а не самиздатской и диссидентской культуры, мы не стали бы говорить о размерах, возможностях и влиянии этого явления, если бы оно ограничивалось только группой писателей-фантастов.

На самом деле идеология "ефремовцев" выходит за границы НФ: то, что мы назвали школой Ефремова, представляет собой не периферийный участок малосерьезной литературы, но ответвление весьма сильного общественного движения. Теория происхождения славян непосредственно от "истинных арийцев" в той или иной форме разрабатывается историком академиком Б.Рыбаковым, археологом Л.Клейном, лингвистом членом-корреспондентом АН СССР О.Трубачевым, иранистом Л.Лелековым, индологом Р.Гусевой, антропологом Т.Алексеевой, историками В.Скурлатовым, Д.Зениным и другими; приложением схемы манихейского расизма к истории русской литературы с целью выделения в ней семитского и арийского начал заняты литературоведы И.Бэлза и П.Палиевский; этрусков объявляют русскими Н.Суслопаров, И.Белоконь, А.Знойко, Г.Гриневич... Наконец, русской доистории и истории, освещаемой с расовых позиций, посвящен 700-страничный "роман-эссе" В.Чивилихина "Память". Книга выдержала в 1981—1985 годах несколько изданий, общий тираж — шесть миллионов (!) экземпляров.

Между прочим, роман Чивилихина содержит не только полный набор идей "ефремовцев", но и целые страницы, дословно воспроизводящие их теоретические рассуждения. Те же страницы мы находим в публикациях В.Скурлатова, Д.Жукова, Д.Зенина, Г.Гриневича, А.Знойко, А.Казанцева. Остается предположить существование общего источника, откуда писатели-историософы и историки-мифотворцы черпают не только вдохновение, но и готовые куски текста. Соединив разрозненные фрагменты, мы можем получить представление о характере первоисточника. Судя по всему, речь идет о концепции, в основу которой положены данные так называемой "Влесовой Книги".

Фальшивке этой, видимо, была предназначена роль, аналогичная роли скандинавской мифологии и эпоса о Нибелунгах в составлении и кристаллизации нацистской идеологии и эзотерики. Сама же история "Влесовой Книги" — от рождения на Западе до головокружительной (и далеко не завершившейся) карьеры, какую она проделала в СССР, — оказалась фантастичней самых невероятных из пересказанных нами фабул.

Окончание в следующем номере

ПО ОБЕ СТОРОНЫ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

На восточной оконечности Чукотского полуострова, на острове Врангеля, в Гренландии, на крайнем Севере Канады и на Аляске обитает народ, который называет себя инуитами, а в других странах известен под именем эскимосов. Де-

сять лет назад по инициативе Эбена Хоупсона состоялась первая встреча международной организации Inuit Circumpolar Conference, защищающей интересы эскимосского народа.

В 1986 году была созвана очередная, четвертая по счету конференция инуитов. Городок Коцебу на восточном побережье Берингова пролива, где она состоялась, расположен на Северном Полярном круге. В зале заседаний, где присутствовал ваш корреспондент, были вывешены флаги стран, на территории которых живут эскимосы: США, Канады, СССР и Гренландии. Речи делегатов синхронно переводились на эскимосские диалекты (юпик, инупиак, сибирский юпик, западный инуктитут, гренландский клааллисулт) и на английский.

Несколько лет тому назад организация инуитов получила консультативный статус при Экономическом и Социальном совете ООН. Это позволило ей вступить в контакт с органами ООН, которые так или иначе занимаются вопросами, связанными с Арктикой. Жизнь инуитов в большой мере зависит от охоты на китов и тюленей; представители организации отстаивают право на охоту, хотя многие государства выступают за запрещение отлова этих вымирающих животных. Не менее острая проблема, обсуждавшаяся на конференции в Коцебу, — милитаризация Арктики. Инуитские общины, традиционно чуждые какой-либо воинственности, не желают оказаться мишенью в случае вооруженного конфликта государств, в которых они живут. Гренландская делегация требовала от стран северного региона полного разоружения, представители инуитов Аляски и Канады ограничились предложением ликвидировать атомное оружие. Много говорилось об опасности загрязнения Арктики радиоактивными осадками. Организация предложила свою помощь аборигенам северных районов Скандинавии — саами, пострадавшим от последствий катастрофы в Чернобыле. Особая резолюция была посвящена месту и роли женщины в укладе жизни современных жителей Заполярья и воспитанию детей — наследников языка, письменности и культуры инуитов.

Мое внимание привлек документ конференции, посвященный эскимосам СССР. Численность их невелика — 1300 человек, согласно официальным советским данным. (Общее число инуитов во всех странах Севера, по оценке 1975 г., — 90 тысяч.) Конференция приняла решение исследовать возможность провести одну из встреч на территории Советского Союза. Много лет инуиты Аляски выражают желание встретиться со своими братьями по другую сторону Берингова пролива, ширина которого в самом узком месте — всего лишь 35 километров. Но по нему проходит граница двух миров... Одна из делегатов конференции, узнав о том, что я родом из России, рассказала мне, что вместе с небольшой группой аляскинских инуитов ей разрешили посетить бухту Провидения. Гренландцы говорили мне, что в этом году после долгих усилий группа советских эскимосов смогла побывать на их острове.

О конференции инуитов 1986 года советская печать, насколько мне известно, не сообщала. Писатель Юрий Рытхейу заявил однажды ("Советская Россия", 14 июня 1985 г.), что все проблемы северных народов в нашей стране решены и "обращаться с такими вопросами, скажем, жителям сел Ново-Чапелино или Сиреники к Советскому правительству было бы просто смешно". Он прав: это было бы действительно смешно... Если бы советские эскимосы смогли участвовать в международных встречах, подобных аляскинской конференции, это позволило бы открыто обсудить не только их собственные, вполне реальные нужды и беды, но и проблемы других северных национальностей страны. Мне как ительменке хотелось бы увидеть на конференции в Коцебу представителей и моего маленького народа.

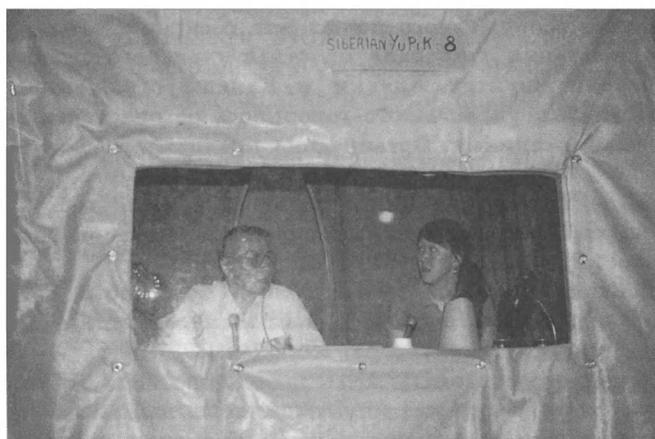
НА ДАЛЕКОМ СЕВЕРЕ

На конференции эскимосов
г. Коцебу, 1986 г.

Новый председатель организации эскимосов Мэри Саймон

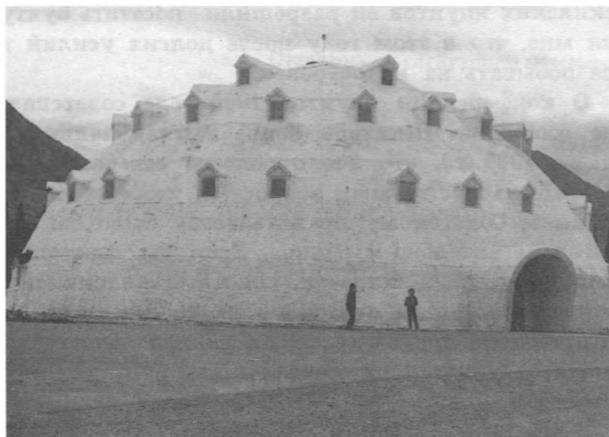
Кабина переводчиков на конференции: перевод
на сибирский юпик

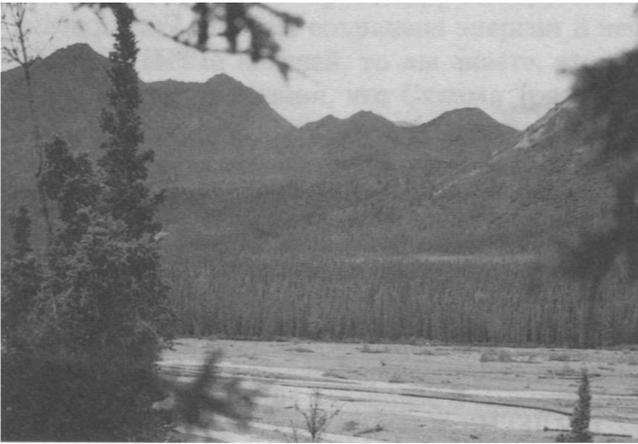
В г. Коцебу. Аляска

Традиционное жилище эскимосов –
иглу – из снега

Современное иглу из бетона

В национальном парке Денали, Аляска

Выступление самодеятельности эскимосов Аляски

Берега Гренландии

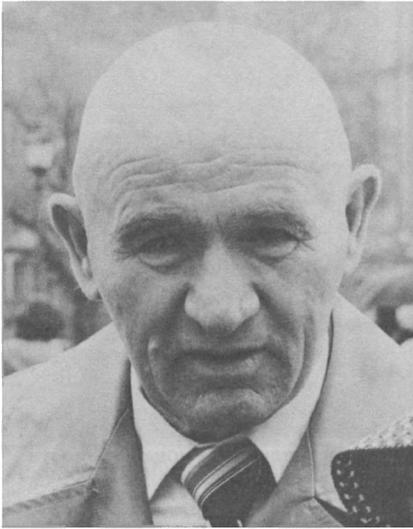
Выступление самодеятельности эскимосов Гренландии

В г. Юлианхаб, Гренландия

Развалины норманнского поселения на юге Гренландии

Петр Григорьевич ГРИГОРЕНКО

21 февраля в возрасте 80 лет в Нью-Йорке скончался генерал Петр Григорьевич Григоренко — один из самых ярких и значительных деятелей правозащитного движения в СССР.

Начало его биографии вполне могло бы составить содержание советского газетного очерка о деревенском пареньке, "выведенном в люди" Великой Октябрьской революцией. Родился в 1907 г. в с. Борисовка на Украине. Пятнадцати лет ушел в город, работал учеником слесаря, машинистом. В партии — с 20 лет. В 1931 г. — член ЦК ЛКСМУ, в том же году "по мобилизации ЦК ВКП(б)" поступил в Военно-инженерную академию. По окончании и после службы в саперных частях — Академия Генерального штаба.

В 1939 г. участвовал в боях с японцами, ранен осколком гранаты. В 1943 г. переведен с

Дальнего Востока в действующую армию, где до конца войны участвовал в боях, пройдя путь от Подмосквья до Судет. Дважды ранен и контужен.

После войны П.Григоренко преподает в Академии им. Фрунзе в Москве, ведет научно-исследовательскую работу. У него 78 опубликованных научных работ по военному делу, защищена кандидатская диссертация и подготовлена к защите докторская. В 1959 г. П.Григоренко присвоено звание генерал-майора. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны, 7 медалями.

Поворотный момент наступил в 1961 г., когда П.Григоренко выступил на партконференции в Академии и в своей речи поставил вопрос о том, "все ли делается, чтобы культ личности не повторился". После этого П.Григоренко отстранили от работы, объявили партийный выговор, а затем с понижением отправили на Дальний Восток. В 1963 г. генерал Григоренко создал и возглавил "Союз борьбы за возрождение ленинизма". Члены его читали рефераты, изучали Ленина, а затем стали и распространять листовки (одна из них: "Почему нет хлеба?"). В феврале 1964 г. Григоренко арестовали. Его признали душевнобольным, что, впрочем, не помешало исключить его из партии и разжаловать в солдаты.

После падения Хрущева П.Григоренко выпустили из психбольницы. С этого времени его судьба неразрывно связана с зарождавшимся в то время правозащитным движением — первым относительно широким общественным движением послесталинской эпохи. Особое место в правозащитной деятельности П.Григоренко заняла судьба незаконно репрессированных малых народов СССР, и в первую очередь — крымских татар, насильственно вывезенных из родного Крыма в Среднюю Азию. Когда в 1969 г. в Ташкенте должен был состояться процесс над четырьмя крымскотатарскими активистами, более 2000 граждан удостоило П.Григоренко приглашения выступить на суде общественным защитником. Он приехал — и был арестован. На этот раз его ждала "специальная" — тюремная психбольница. В Черняховской СПБ он пробыл до 1974 г. Физические и психические мучения, которые он там перенес, нельзя описать в коротком некрологе.

Выпущенный из СПБ, П.Григоренко возобновил свою правозащитную деятельность. В 1976 г. он принял участие в основании сразу двух Хельсинкских групп в Советском Союзе — Московской и Украинской.

В 1977 году Григоренко получил выездную визу в США на лечение. Возраст и перенесенное давали себя знать. П.Григоренко уехал с семьей, а через три месяца его лишили гражданства — за "действия, несовместимые с гражданством СССР".

Находясь в изгнании, Григоренко не прекращает своей борьбы за права человека, права народов в СССР, теперь уже используя международные форумы. Последние годы П.Григоренко тяжело болел и физически страдал, но ум его до самой смерти оставался ясным, а сердце — отзывчивым и добрым.

Многие потеряли в нем наставника, соратника и друга. Его жена Зинаида Михайловна, его верный друг и постоянный помощник, лишилась самого близкого человека.

Мир праху Петра Григорьевича Григоренко.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали... Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма (разделение церковей) отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясли, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ